

Санкт-Петербургский государственный университет

Хамидова Манзура Файзуллоевна

**ПРАВОВЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ
ПРИСОЕДИНЕНИЯ ТАДЖИКИСТАНА
К СТАТУТУ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА**

Специальность 12.00.10 – международное право; европейское право

Диссертация

на соискание ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель:

доктор юридических наук

Марусин Игорь Станиславович

Санкт-Петербург

2014

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
ГЛАВА I.	
СТАТУТ МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ПРАВОВАЯ СИСТЕМА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	12
1.1. Влияние обязательств, вытекающих из участия в Статуте Международного уголовного суда, на правовую систему государств–участников	12
1.2. Правовая основа имплементации Статута Международного уголовного суда в контексте взаимодействия законодательства и правовой доктрины Республики Таджикистан с нормами международного права.....	22
ГЛАВА II.	
ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И СОВМЕСТИМОСТИ НОРМ СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН	32
2.1. Проблемы соотношения международной и национальной уголовных юрисдикций.....	32
2.2. Проблемы совместимости норм Статута МУС и норм Конституции Республики Таджикистан.....	42
ГЛАВА III.	
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ НОРМ СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН.....	58
3.1. Способы имплементации положений Статута Международного уголовного суда в законодательстве государств-членов.....	58
3.2. Общие принципы уголовного права по Статуту Международного уголовного суда в законодательстве Республики Таджикистан.....	70
3.3. Имплементация норм Статута Международного уголовного суда, устанавливающих ответственность за конкретные преступления в законодательстве Республики Таджикистан.....	90
ГЛАВА IV.	
ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ.....	123
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	155
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ.....	159

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Международное сообщество давно стремилось к созданию постоянно действующего международного судебного органа, призванного привлекать к ответственности лиц, которые виновны в совершении наиболее тяжких преступлений, таких как геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления. Человечеству пришлось пережить трагедии двух мировых войн, множество агрессивных войн, геноцида в Югославии и в Руанде, чтобы прийти к осознанному и согласованному решению создать первый в истории постоянно действующий международный уголовный суд.

На Дипломатической конференции полномочных представителей, проходившей под эгидой ООН в Риме, 17 июля 1998 г. был принят Статут Международного уголовного суда (далее - МУС, Суд). Главная задача МУС заключается в осуществлении международного правосудия над лицами, обвиняемыми в совершении тягчайших международных преступлений. В преамбуле его Статута подчеркивается, что Суд связан с системой ООН и обладает юрисдикцией в отношении наиболее тяжких преступлений, вызывающих озабоченность всего международного сообщества.

Республика Таджикистан является единственным государством – участником СНГ, которое не только подписало, но и ратифицировало Статут Международного уголовного суда. Соответственно, если вопрос о правовых последствиях присоединения к Статуту МУС в других государствах – участниках СНГ лежит в плоскости теории, то в Республике Таджикистан он стал правовой реальностью, породившей для правовой системы республики как практические, так и теоретические проблемы.

Присоединение государства к Международному уголовному суду влечет за собой существенные последствия для его правовой системы: обеспечить соответствие своей конституции Статуту МУС и иным его нормативно-правовым актам, имплементировать в свое законодательство

положения Статута МУС; сотрудничать с МУС и оказывать ему необходимую помощь.

До сих пор в доктрине международного права государств-участников СНГ неразрешенными до конца остаются целый ряд теоретических и практических проблем, связанных с деятельностью Международного уголовного суда, в том числе выбор наиболее эффективных форм имплементации положений Статута во внутреннее законодательство государств – участников; разграничение юрисдикции Международного уголовного суда и судов государств – членов; определение наилучших правовых форм обеспечения сотрудничества; соотношение Статута МУС и двусторонних соглашений, заключенных государствами - членами Суда с третьими государствами о передаче лиц Международному уголовному суду.

Решение указанных вопросов требует комплексного теоретического исследования обязательств, вытекающих из участия в Статуте Международного уголовного суда, а также правового регулирования взаимодействия международных и национальных органов осуществления правосудия.

Состояние разработанности темы исследования характеризуется, прежде всего, тем, что многие исследования посвящены либо непосредственной деятельности Международного уголовного суда, либо вопросам его юрисдикции, либо вопросам судоустройства или судопроизводства международных судебных учреждений и не затрагивают вопросов реализации положений Статута Международного уголовного суда во внутригосударственном законодательстве государств - участников СНГ.

В российской научной литературе особое внимание исследователей (например, А.Х. Абашидзе, О.Н. Ведерниковой, С.В. Готовой, С.А. Лобанова, С.Ю. Марочкина, Б.Р. Тузмухамедова) уделялось проблеме участия государств в Римском статуте и их сотрудничеству с Международным уголовным судом.

Вопросам становления, развития и непосредственной деятельности Международного уголовного суда посвящены также научные труды И.П. Блищенко, И.В. Фисенко, С.А. Раджабова.

Особенности правосубъектности Международного уголовного суда отражены в трудах Р.М. Валеева, Г.В. Игнатенко, А.Я. Капустина.

Однако вопросы имплементации норм Статута МУС в Республике Таджикистан рассматривались лишь в статьях С.А. Раджабова и К.Х. Солиева.

Комплексное правовое исследование правовых последствий присоединения Таджикистана к Статуту Международного уголовного суда до настоящего времени ещё не проводилось.

Теоретические основы исследования. В своем исследовании автор опирался на работы отечественных и зарубежных авторов в области теории международного права и специальные работы по рассматриваемой проблеме.

Теоретическую базу исследования составили работы таких учёных стран СНГ как А.Х. Абашидзе, Р.А. Адельханян, В.А. Батырь, С.В. Бахин, К.А. Бекяшев, П.Н. Бирюков, И.П. Блищенко, Г.И. Богущ, Р.М. Валеев, О.Н. Ведерникова, В.С. Верещетин, А.С. Гавердовский, В.В. Гаврилов, Л.Н. Галенская, С.В. Глотова, И.В. Гранкин, Б.Л. Зимненко, Г.В. Игнатенко, А.Я. Капустин, А.Р. Каюмова, Н.И. Костенко, С.А. Лобанов, И.И. Лукашук, С.Ю. Марочкин, И.С. Марусин, Н.В. Миронов, Ч.А. Мусабекова, С.А. Раджабов, Н.А. Сафаров, К.Х. Солиев, А.Н. Талалаев, О.И. Тиуноа, Е. Н. Трикоз, Б.Р. Тузмухамедов, Г.И. Тункин, Е.Т. Усенко, И.В. Фисенко, С.В. Черниченко, О.С. Черниченко и др.

Автором были проанализированы работы иностранных ученых, посвященные международному уголовному праву, деятельности Международного уголовного суда, таких, например, как М.Х. Арсанджани, М. Бензинг, М. Бергсмо, Б. Бертрам, Н. Браун, Ф. Бюньон, Х. Ван дер Вильт, Э. Давид, Х. Даффи, Н.А. Джейн, С. Заппала, А. Кассезе, Х.П. Кауль, Дж. Клеффнер, Р. Крайер, М. Леттимер, А. Майер, Ф. Манн, Р.А. Мюллерсон, Д.

Робинсон, Б. Сварт, Ф. Сендс, Дж. Стинг, С. Уильямс, А. Ушацка, Р. Фифе, П. Фишер, Д. Флек, Х. Фриман, Дж. Холмс, У. Шабас, М. Шериф Бассиуни, Д.Д. Шеффер, М.Н. Шоу и др.

Цель и задачи исследования. Целью настоящего диссертационного исследования является изучение правовых оснований и последствий присоединения Республики Таджикистан к Статуту Международного уголовного суда.

Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи:

1) проанализировать внутреннее законодательство Республики Таджикистан на предмет его соответствия Статуту МУС;

2) исследовать доктринальные воззрения, касающиеся вопросов соотношения международной и внутригосударственной юрисдикции и вопросов имплементации норм Статута МУС в национальное законодательство его государств-участников;

3) разработать предложения по совершенствованию таджикского законодательства в сфере выполнения международных обязательств Республики Таджикистан, вытекающих из членства в Международном уголовном суде.

Объект исследования составляют общественные отношения и интересы, связанные с установлением и возможностью реализации ответственности индивидов за совершение международных преступлений, а также общественные отношения, возникающие в сфере осуществления сотрудничества при реализации уголовной ответственности.

Предметом исследования являются: 1) обязательства, вытекающие из присоединения государств к Статуту Международного уголовного суда, в том числе Республики Таджикистан; 2) совместимость положений Конституции Республики Таджикистан и норм Статута Международного уголовного суда; 3) способы имплементации положений Статута Международного уголовного суда в законодательстве государств-членов;

4) общие принципы уголовного права по Статуту Международного уголовного суда в законодательстве Республики Таджикистан; 5) имплементация норм Статута Международного уголовного суда, устанавливающих ответственность за конкретные преступления в уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан.

Методологическая основа исследования. При подготовке работы были использованы как общенаучные (анализ и синтез, индукция и дедукция, сравнение, моделирование), так и специальные методы исследования (системный анализ, исторический метод, формально-юридический метод, сравнительно-правовой метод, структурно-функциональный). Выбор этих методов обусловлен необходимостью обеспечить всестороннее рассмотрение темы, внутреннее единство исследования, достоверность и непротиворечивость положений работы.

Нормативно-правовая база исследования.

Нормативно-правовую базу настоящего исследования составили: 1) Статут Международного уголовного суда, международные договоры, участницей которых является Республика Таджикистан; 2) нормы международного уголовного права, международного гуманитарного права, международной защиты прав человека и других отраслей международного права; 3) соответствующие положения Конституции Республики Таджикистан, Уголовного и Уголовно-процессуального кодексов Республики Таджикистан и других внутренних нормативно-правовых актов Республики Таджикистан.

Научная новизна исследования.

Впервые в российской и таджикской доктрине проведено комплексное исследование правовых обязательств, вытекающих из членства Республики Таджикистан в Международном уголовном суде. Проанализированы положения Конституции Республики Таджикистан, нормы законодательства Республики Таджикистан и международные соглашения Республики

Таджикистан с точки зрения их соответствия обязательствам, связанным с участием Республики Таджикистан в Статуте Международного уголовного суда. Высказаны предложения по совершенствованию законодательства Республики Таджикистан в исследуемой сфере.

Основные выводы и положения, выносимые диссертантом на защиту:

1. С учетом того, что подписание Статута Международного уголовного суда накладывает на присоединившееся государство обязательства привести своё национальное законодательство и правоприменительную практику в соответствии с положениями Статута, в законодательстве государства – участника должны получить закрепление принцип комплементарности юрисдикции МУС по отношению к юрисдикции национальных судов и принцип недопустимости ссылки на должностное положение лица для освобождения его от ответственности. Государство обязано предпринять меры, обеспечивающие взаимодействие с МУС и гарантирующие передачу Суду лиц, обвиняемых в совершении преступлений, и участие в финансировании деятельности МУС.

2. По мнению диссертанта, между конституционными нормами Республики Таджикистан, предусматривающими запрет выдачи собственных граждан иностранному государству (ст.16), и нормами Римского статута, предусматривающими процедуру передачи обвиняемых в МУС (ст. 89), противоречий не выявлено, т.к. по существу несовместимы с толкованием, допускающим сотрудничество с Международным уголовным судом, только такие конституционные нормы, которые в явном виде включают и запрет на передачу гражданина международным судам. Подобные нормы не предусмотрены Конституцией Республики Таджикистан. Однако в целях избегания различных толкований положений действующей Конституции Республики Таджикистан представляется желательным внести следующую поправку в Конституцию республики: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным

судебным учреждениям, участником которых является Республика Таджикистан, для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

3. На основе анализа положений Уголовного кодекса Республики Таджикистан на предмет его соответствия положениям Статута МУС выявлено, что общие принципы уголовного права, закрепленные в Части III Статута МУС, в целом отражены в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, за исключением следующих норм:

а) норма п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС, согласно которой лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Международного уголовного суда, если это лицо прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

б) норма ст. 28 Статута МУС, предусматривающая принцип ответственности командиров и других начальников в отношении действий подчиненных, находящихся под их «эффективной властью и контролем»;

в) норма п. 2 ст. 33 Статута МУС, закрепившая, что приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными.

В диссертационной работе сформулированы предложения о включении в Уголовный кодекс Республики Таджикистан норм, отражающих вышеуказанные принципы и составы преступлений Статута МУС.

4. Уголовный кодекс Республики Таджикистан не содержит определения преступлений против человечности, аналогичным закрепленным в Статуте МУС. Для приведения норм Особой части Уголовного кодекса Республики Таджикистан в полное соответствие положениям Статута МУС предлагается внести в Уголовный кодекс нормы с таким содержанием, которое предусмотрено ст. 7 Статута МУС, а именно - определение и признаки составов преступлений против человечности с обязательным квалифицирующим признаком – «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц».

5. Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Статута МУС (преступления против отправления правосудия), что, в свою очередь, снимает вопрос о внесении существенных изменений в главу 32 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Однако с учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить статью 345, глава 32 Уголовного кодекса Республики Таджикистан примечаниями, что приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия МУС.

6. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан нуждается в совершенствовании в части правового регулирования сотрудничества с Международным уголовным судом. В этих целях предлагается принять специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом, в котором будут определены компетентные национальные государственные органы республики, отвечающие за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, а также формы оказания взаимной правовой помощи в ходе такого сотрудничества.

7. Некоторые положения Соглашения между правительством Республики Таджикистан и правительством Соединенных Штатов Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду от 27 августа 2002 г. не соответствуют обязательствам Республики Таджикистан, вытекающим из её членства в Международном уголовном суде. Правительству Республики Таджикистан необходимо обратиться к Правительству США с предложением об изменении этих положений указанного Соглашения в связи с возникновением вопросов совместимости с обязательствами, вытекающими из членства Республики Таджикистан в Международном уголовном суде. В случае отсутствия согласия другой стороны предлагается расторгнуть в одностороннем порядке вышеуказанное

Соглашение с Соединенными Штатами Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду 2002 г.

Апробация результатов исследования. Научную апробацию результаты диссертационного исследования прошли на кафедре международного права Санкт-Петербургского государственного университета. Основные положения настоящей работы были представлены в четырех научных статьях.

Структура диссертации обусловлена предметом, целями и задачами исследования. Диссертация состоит из введения, четырех глав, включающих семь параграфов, заключения и списка использованных источников.

Глава 1. Статут Международного уголовного суда и правовая система Республики Таджикистан

1.1. Влияние обязательств, вытекающих из участия в Статуте Международного уголовного суда на правовую систему государств– участников

Статут МУС¹ был принят большинством голосов (120 «за», 7 «против» и 21 «воздержавшийся») при завершении работы Дипломатической конференции полномочных представителей государств под эгидой ООН по учреждению МУС. Примечательно, что из пяти постоянных членов Совета Безопасности ООН лишь два являются участниками Статута – Великобритания и Франция; Россия подписала Статут МУС, однако до сих пор не ратифицировала; США подписали 31 декабря 2000 г., а впоследствии отозвали свою подпись под этим документом; Китай вообще его не подписывал.

Участниками Статута Международного уголовного суда на август 2014 г. являются 122 государства,² что свидетельствует о его широкой поддержке и универсальности.³

2 февраля 1999 г. Сенегал стал первым государством-членом, ратифицировавшим Статут МУС. После того как в апреле 2002 г. более 60 стран сдали на хранение ратификационные грамоты (в соответствии со ст. 126), 1 июля 2002 г. Статут вступил в силу. Исследователи указывают на достаточно короткий срок его вступления в силу,⁴ т. е. всего за четыре года после принятия. В этом есть и заслуга Республики Таджикистан, которая

---

¹ Текст Статута Международного уголовного суда от 17 июля 1998 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2726–2768. – Далее, ссылаясь на этот документ, мы приводим его сокращенное название – Статут МУС и номер статьи.

² Информация об имплементации содержится на сайте Коалиции за Международный уголовный суд (CICC). <http://www.iccnw.org>.

³ *Глотова С.В.* Конституционно-правовые вопросы, связанные с обеспечением иммунитета высших должностных лиц в практике имплементации Римского статута Международного уголовного суда // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 28.

⁴ *Lattimer M., Sands Ph.* Introduction // Justice for Crimes Against Humanity / Ed. by Lattimer M., Sands Ph. The Portland. Oregon, 2003. P. 18.

первой среди стран СНГ ратифицировала Статут Международного уголовного суда.

В Статуте МУС зафиксировано, что он является постоянным органом, который уполномочен осуществлять юрисдикцию в отношении лиц, ответственных за самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность международного сообщества. В преамбуле Статута закреплено также, что он дополняет национальные органы уголовной юстиции. Юрисдикция и функционирование Суда регулируются положениями его Статута.⁵

Создание МУС и принятие его Статута стало важным этапом в прогрессивном развитии международного уголовного права. Основное значение Римского статута заключается, прежде всего, в консолидации прежде разрозненных правовых положений, кодификации конвенционных и обычных норм о международных преступлениях. Деятельность МУС основывается на его Статуте, в котором отражены современные достижения международного гуманитарного права и международного права прав человека. Вполне очевидно позитивное влияние Римского статута на развитие национального уголовного и уголовно-процессуального законодательства, механизмы преследования международных преступлений на национальном уровне.⁶

МУС призван стать важной составляющей в системе международного сотрудничества по борьбе против таких тяжелейших преступлений, беспокоящих международное сообщество, как геноцид, военные преступления, преступления против человечности и агрессия. МУС связан с Организацией Объединенных Наций, последнее закреплено в ст. 2 его Статута. Состав Суда, условия и порядок избрания судей, а также иные

---

⁵ Костенко Н.И. Международный уголовный суд (Юрисдикционные аспекты) // Государство и право. 2000. № 3. С. 93.

⁶ Богуш Г.И., Трикоз Е.Н. Россия и Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений // Российский ежегодник уголовного права. СПб., - 2007, №2. С.620

вопросы, относящиеся к его организации вполне отвечают требованиям, обеспечивающим справедливое судопроизводство.

Государства, ставшие участниками Статута МУС, приобрели дополнительную возможность участвовать в расследовании и рассмотрении наиболее опасных международных преступлений, что в свою очередь, позволит им внести определенный вклад в дело обеспечения международного мира и безопасности.

Вместе с тем, подписав Статут МУС и став его государством – участником, последние берут на себя обязательства, строгое выполнение которых, в конечном счете, и станет определяющим фактором эффективности Суда.

Одно из главных обязательств, вытекающих из членства в МУС, – это признание принципа комплементарности, которое закреплено в Статуте. Комплементарность, как указывает М. Бензинг, будучи «ключевой концепцией» МУС и «краеугольным камнем»⁷ Статута, означает, что МУС осуществляет свои функции только в том случае, когда национальные правовые системы не могут или не желают осуществлять свою юрисдикцию. Наиболее значимые практические последствия принципа комплементарности определены в ст. 1 Статута «Суд», где, в частности, закреплено, что «он дополняет национальные системы уголовного правосудия», а также в ст. 17 Статута. Последняя определяет, что дело может быть принято к производству в МУС в тех случаях, «когда государство не желает или не способно вести расследование или возбудить уголовное преследование должным образом».⁸ Согласно ч. 3 ст. 17, «чтобы выявить в каком-либо конкретном деле неспособность, Суд учитывает, в состоянии ли данное государство, в связи с полным либо существенным развалом или отсутствием своей национальной судебной системы, получить в свое распоряжение

---

⁷ *Benzing M. The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // Max Planck Yearbook of United Nations Law. Vol. 7. 2003. P. 593.*

⁸ Статут МУС. Ст. 17.

обвиняемого либо получить свидетельские показания, или же оно не в состоянии осуществлять судебное разбирательство еще по каким-либо причинам».

По мнению О.Н. Ведерниковой, вышеуказанные положения «предоставляют Суду право выносить суждения не только об эффективности национальной системы правосудия, но и всего государства, его способности осуществлять судебную власть на собственной территории».⁹ Далее этот же автор отмечает, что «вынесение оценок государству и его судебной системе само по себе уже является вмешательством во внутренние дела государства, не говоря о возможности изъятия уголовных дел из юрисдикции национальных судебных органов, обладающих всей полнотой судебной власти на территории государства».¹⁰

В научной литературе существует и противоположное мнение. Так, некоторые авторы отмечают, что предписания Статута МУС ориентируют национального правоприменителя на честное и объективное рассмотрение дела. Также отмечается, что если национальные суды при принятии решений будут дополнительно «простимулированы» положениями Статута МУС, то можно ожидать становления действительно беспристрастного и объективного правосудия.¹¹

Считаем необходимым отметить, что МУС не обладает приоритетом над национальными судами. Его цель – не конкурировать с национальными органами юрисдикции, а дополнять деятельность государств в их деятельности по пресечению международных преступлений. Поэтому Суд может вмешиваться только в том случае, когда национальные органы юрисдикции не предпринимают никаких действий, а если и предпринимают,

---

⁹ *Ведерникова О.Н.* К вопросу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4. С. 18.

¹⁰ Там же.

¹¹ *Кибальник А.Г.* Статут Международного уголовного суда и национальные интересы России // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г. И. Богуша, Е. Н. Трикоз. С. 138.

то при этом не в состоянии или не желают должным образом расследовать и наказать за преступления, перечисленные в Статуте.¹²

Однако нужно отметить, что хотя согласно принципу комплементарности национальные судебные органы юрисдикции имеют преимущество перед юрисдикцией МУС, конечным и единственным арбитром режима дополнительности является, тем не менее, сам Суд, а не государства-участники.¹³ Вместе с тем осуществляя свою деятельность в качестве арбитра, МУС должен руководствоваться положениями ст. 17 своего Статута, который действует как «барьер на пути осуществления юрисдикции МУС».¹⁴ Кроме того, Правила процедуры и доказывания предусматривают, что Суд вначале выносит решение по любому протесту в отношении юрисдикции, а затем решает вопросы приемлемости.¹⁵

Еще одно обязательство, вытекающее из членства в МУС, заключается в том, что государства-участники не должны препятствовать осуществлению МУС его юрисдикции в отношении их должностных лиц. Статья 27 Римского статута закрепляет принцип недопустимости ссылки на должностное положение, предполагающее применение Статута к главам государств и правительствам, членам правительства и парламента.

Однако некоторые авторы утверждают, что данное положение Статута противоречит не только конституциям государств, но и общепризнанным нормам международного права, устанавливающим привилегии и иммунитеты для отдельных категорий должностных лиц. Они отмечают также, что предоставление иммунитета этим должностным лицам направлено на обеспечение эффективного осуществления государственных функций и

---

¹² Ушацка А. Режим дополнительности Международного уголовного суда // Международное право – International law. 2007. № 1 (29). С. 6.

¹³ Там же.

¹⁴ Benzing M. Op. cit. P. 594.

¹⁵ Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда, правило 58 (4) (Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. С. 361).

основывается на принципе суверенного равенства государств и принципе невмешательства во внутренние дела.¹⁶

Следует отметить, что мы не разделяем такую точку зрения, поскольку в Статуте МУС речь идет об уголовно-правовом иммунитете и он касается лишь национальной, но не международно-правовой юрисдикции. Лишение иммунитета высокопоставленных должностных лиц стало обычной практикой в XX в.¹⁷ (см., например, ст. 7 Нюрнбергского трибунала 1945 г.). Иммунитеты должностных лиц не могут рассматриваться в качестве правового средства, обеспечивающего безнаказанность должностных лиц, совершающих преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда, тем более что речь идет об особо тяжких деяниях, вызывающих озабоченность всего международного сообщества. Необходимость пресечения этих деяний по существу вытекает из международного обычного права.¹⁸

Не разделяя мнение исследователей, выступающих с обвинениями в адрес МУС относительно того, что он нарушает общепризнанный принцип невмешательства во внутренние дела государств, считаем уместным упомянуть, что МУС не подменяет, а дополняет национальные системы правосудия в тех случаях, когда они могут оказаться неэффективными.¹⁹ Как отмечают некоторые авторы, международное правосудие должно быть не элементом «глобального управления» миром со стороны группы стран-лидеров, а средством обеспечения верховенства международного права, господствующий принцип которого на современном этапе его развития – всеобщее уважение прав и свобод человека. Данный принцип требует, чтобы

---

¹⁶ Водерникова О.Н. Ук. соч. С. 15.

¹⁷ Богуш Г.И., Трикоз Е.Н. Ук. соч. С. 626.

¹⁸ См. об этом, напр.: Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него» // International Court of Justice Reports. Vol. 15. 1951.

¹⁹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 1998. С. 252.

грубейшие нарушения основных прав и свобод были расследованы, а виновные – наказаны.²⁰

Следующее обязательство, вытекающее из членства в МУС, – это обязанность передать лицо, обвиняемое в совершении преступлений, подсудных МУС, последнему. Часть 1 ст. 89 Статута МУС гласит: «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами, любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и предоставлении такого лица в его распоряжение. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и предоставлении в распоряжение».²¹

Национальное законодательство многих государств придерживается «преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции»²² невыдачи собственных граждан. В частности, Конституция Республики Таджикистан (ст. 16) предусматривает, что «ни один гражданин республики не может быть выдан иностранному государству». В связи с этим могут возникнуть проблемы относительно совместимости норм Статута с конституционными нормами государств – участников, содержащих запрет на экстрадицию собственных граждан. Однако, в ст. 102 Римского статута проводится разграничение понятий «передача» (surrender) и «экстрадиция» (extradition), в соответствии с которыми передача означает доставку лица государством в МУС в соответствии с его Статутом, а экстрадиция – доставку лица одним государством в другое в соответствии с положениями международного договора, актов национального законодательства.

---

²⁰ Богуш Г.И., Трикоз Е.Н. Ук. соч. С. 623.

²¹ Статут МУС. Ст. 89 (1).

²² Сафаров Н.А. Проблемы обеспечения совместимости Римского статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем. Баку, 2002. С. 7.

Таким образом, государствам – участникам Статута МУС для выполнения своих обязательств по передаче лиц, совершивших преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС, необходимо выбрать одно из следующих действий:

а) дать такое толкование своим конституционным нормам, исходя из которого запрещается *выдача*, но не *передача*, т. е. провести разграничение данных понятий, при этом указав, что при выдаче, которое запрещено конституционными нормами, лицо выдается другому государству, в то время как МУС – не другое государство;

б) внести такую поправку в конституцию, которая позволяла бы осуществить *передачу* лиц, совершивших преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС, данному Суду.

Примечательно, что в Статуте МУС впервые были сформулированы всеобъемлющие «общие принципы уголовного права» (ч. III). Предполагается, что данные принципы, закрепленные в Статуте (ст. 22–33), должны найти свое закрепление в национальных уголовных законодательствах государств-участников.

Статут МУС прямо не обязывает государства осуществлять национальное преследование за совершение закрепленных в нем преступлений, он лишь создает такой правовой режим, при котором государства вынуждены криминализовать эти деяния и преследовать виновных самостоятельно, если они хотят осуществить свою юрисдикцию в отношении данных преступлений.²³

Как мы уже отмечали, юрисдикция Международного уголовного суда ограничивается самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества: геноцидом, преступлениями против человечности, военными преступлениями и

---

²³ *Duffy H., Huston J. Implementation of the ICC Statute: International Obligations and Constitutional Considerations // The Rome Statute and Domestic Legal Orders / Ed. C. Kreß & F. Lattanzi. Baden – Baden, 2000. P. 32.*

преступлением агрессии, согласно ст. 5–8 Статута.²⁴ Исходя из преамбулы Статута, «обязанностью каждого государства является осуществление его уголовной юрисдикции над лицами, несущими ответственность за совершение международных преступлений».²⁵

Однако для того, чтобы государства – участники МУС имели возможность возбудить уголовное преследование в отношении лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 5 Статута МУС, они должны предусмотреть в национальном законодательстве составы соответствующих деяний.²⁶ Как отмечает Х.П. Кауль, Статут МУС – это первая всеобъемлющая кодификация международного уголовного права, основанная на добровольном согласии государств (а не навязанная Советом Безопасности, как, например, уставы специальных трибуналов).²⁷

Немаловажное обязательство, вытекающее из членства государств в МУС, – это по требованию Суда сотрудничать с ним и оказывать ему судебную помощь. Данное требование сформулировано в ст. 86 Статута, согласно которой государства-участники должны «всесторонне сотрудничать с Судом в проведении им расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда, и осуществлении уголовного преследования за эти преступления». Последующие статьи уточняют характер сотрудничества, включая арест и выдачу подозреваемых, предоставление доказательств, наложение ареста на имущество и защиту жертв и свидетелей.

Государства должны также обеспечивать исполнение распоряжений Суда, относящихся к наложению штрафов и конфискации, и в случае если государство заключает отдельное соглашение с Судом по этому действию, – приговоров к тюремному заключению.

---

²⁴ Статут МУС.

²⁵ Там же.

²⁶ См. подробнее: *Kleffner J. Complementarity in the Rome Statute and National Criminal Jurisdictions*. Oxford, 2008.

²⁷ *Кауль Х.П. Международный уголовный суд: перспективы после Кампальской конференции по обзору // Российский ежегодник международного права. 2010. Специальный выпуск. С. 76.*

Также государства должны участвовать в финансировании деятельности Суда, что закреплено в ст. 115 (а) Статута, согласно которой расходы Суда и Ассамблеи государств-участников, включая ее Бюро и вспомогательные органы, предусмотренные в бюджете, принимаемом Ассамблеей государств-участников, покрываются за счет начисленных взносов, производимых государствами-участниками.

Как было отмечено выше, государствам – участникам Статута МУС в целях выполнения вышеперечисленных обязательств необходимо привести свое внутреннее законодательство в соответствие со Статутом.

К тому же в отличие от общего правила, предусмотренного ст. 86 Римского Статута, его ст. 88 в явном виде обязывает государства «обеспечить наличие процедур, предусмотренных их национальным правом, для всех форм сотрудничества», указанных в Части 9 Статута, посвященной международному сотрудничеству и судебной помощи. Невнесение необходимых изменений в действующее законодательство может само по себе составить нарушение договора, по крайней мере, будет таковым в обстоятельствах, когда действующее законодательство препятствует сотрудничеству в требуемой договором форме. Национальная имплементация должна, как минимум, обеспечивать возможность своевременного выполнения предусмотренных Статутом обязанностей; отсутствие же в законодательстве сформулированной в явном виде обязанности осуществлять подобное сотрудничество само по себе нарушения не составит.

Таким образом, с учетом того, что подписание Статута Международного уголовного суда накладывает на присоединившееся государство обязательства привести своё национальное законодательство и правоприменительную практику в соответствии с положениями Статута, в законодательстве государства – участника должны получить закрепление принцип комплементарности юрисдикции МУС по отношению к юрисдикции национальных судов и принцип недопустимости ссылки на

должностное положение лица для освобождения его от ответственности. Государство обязано предпринять меры, обеспечивающие взаимодействие с МУС и гарантирующие передачу Суду лиц, обвиняемых в совершении преступлений, и участие в финансировании деятельности МУС.

1.2. Правовая основа имплементации Статута Международного уголовного суда в контексте взаимодействия законодательства и правовой доктрины Республики Таджикистан с нормами международного права

Практика подписания и ратифицирования Статута МУС показывает, что небольшие государства в отличие от более крупных более охотно принимают на себя обязательства по Статуту МУС и становятся государствами – участниками МУС. Из этого можно сделать вывод, что государства, став членами Статута МУС, прежде всего, ищут поддержки и защиты со стороны международного судебного органа и международного сообщества в целом в случае агрессии со стороны более сильных и могущественных держав.

После распада Советского Союза в независимой Республике Таджикистан началась гражданская война 1992–1997 гг., выяснение причин и обстоятельств которой не является предметом нашего исследования. В июне 1997 г. президентом Республики Таджикистан и председателем Объединенной таджикской оппозиции под эгидой ООН было подписано Общее соглашение об установлении мира и национального согласия в Таджикистане, которое содержало правовой механизм для разрешения вооруженного конфликта в Таджикистане.²⁸

---

²⁸ Подробнее о конфликте в Таджикистане см.: *Идиев Ф.Ф.* Международно-правовые основы участия международных организаций в урегулировании конфликта в Таджикистане. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; *Маликов К.К.* Субэтнический конфликт в Таджикистане. Дис. ... канд. политол. наук. 2001; *Раджабов С.А.* Анализ правовых аспектов конфликта в Таджикистане и его разрешение // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 225–234.

Дата подписания Республикой Таджикистан Статута МУС – 30 ноября 1998 г.²⁹, показывает, что молодая независимая республика решила присоединиться к Статуту МУС с целью показать мировому сообществу свою приверженность закрепленным в нем высоким идеалам. Кроме того, полагаем, что сложное геополитическое месторасположение республики – соседство, с одной стороны с Афганистаном, где уже более 40 лет идут боевые действия, а с другой стороны, с такой могущественной державой, как Китай (у которого имелись территориальные претензии к республике), тоже является немаловажным фактором, подтолкнувшим ее к подписанию Статута МУС.

Таким образом, Республика Таджикистан, подписав Статут МУС, выразила свое намерение вместе с другими государствами осуществлять действенную борьбу с самыми серьезными преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества.

Для анализа последствий присоединения к Статуту МУС в рамках правовой системы Республики Таджикистан необходимо для начала определить, какое место занимают нормы международного права в правовой системе республики.

Хотя вопросы соотношения норм международного и внутригосударственного права подробно анализировались в научной литературе,³⁰ они остаются как справедливо указывает В.С. Иваненко

---

²⁹ Информация об имплементации содержится на сайте Коалиции за Международный уголовный суд (СІСС). <http://www.iccnw.org>.

³⁰ *Барциц И.Н.* Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2; *Бахин С.В.* Международная составляющая правовой системы России // Правоведение. 2007. № 6; *Гаврилов В.В.* 1) Понятие и взаимодействие международной и национальной правовых систем. Владивосток, 2005; 2) Понятие национальной и международной правовых систем // Журнал российского права. 2004. № 11; *Зимненко Б.Л.* 1) Согласование норм внутригосударственного и международного права в правовой системе России // Московский журнал международного права. 2000. № 4; 2) Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006; *Иваненко В.С.* Право международного сотрудничества России как межсистемный правовой комплекс и его место в структуре взаимодействия международного и российского права // Международная конференция «Перспективы развития правового регулирования международных отношений в XXI веке», 18–19 октября 2007 г. СПб., 2007. С. 8–9; *Лукашук И.И.* Взаимодействие международного и внутригосударственного права // Журнал российского права. 2002. № 3; *Марочкин С.Ю.* Действие норм международного права в правовой системе Российской Федерации. Екатеринбург, 1998; *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2; *Черниченко С.В.* Вопрос

«наиболее проблемными в правовой теории и практике, поскольку затрагивают самые чувствительные стороны существования и функционирования основных акторов современного мира — государств, их союзов и мирового сообщества в целом».³¹

А.Г. Кибальник и О.Н. Шибков отмечают, что в понимании природы взаимодействия внутригосударственного и международного права господствует дуалистическая концепция, согласно которой международное и внутригосударственное право рассматриваются не просто как различные отрасли права, они представляют собой отдельные правовые порядки. Вместе с тем отнюдь не исключается взаимодействие между этими двумя правовыми порядками, ибо и международное право может отсылать к внутреннему праву, и наоборот.³² Осознание важности роли и значения международного права в современном глобализирующемся мире привело к тому, что практически каждая страна стремится демонстрировать свое дружеское отношение к международным нормам и толковать в соответствии с ними положения своих национальных законов.³³

Приоритет норм международного права предполагает, что право каждого государства состоит из двух правовых систем: внутригосударственной правовой системы и международной правовой системы государства. Хотя они вместе составляют право государства, в случае конфликта преимущество отдается международному праву. Следовательно, нормы внутригосударственного права не только не могут противоречить нормам международного права, но, скорее, должны уточнять и обеспечивать реализацию требований международно-правовых норм.³⁴

Именно такое понимание соотношения международной и

о соотношении международного и внутригосударственного права как правовых систем // Правоведение. 2009. № 1.

³¹ *Иваненко В.С.* Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? // Правоведение. 2010. № 3. С. 135.

³² *Кибальник А.Г., Шибков О.Н.* Формы влияния международного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. №4. С. 157.

³³ *Гаврилов В.В.* Место и роль международного права в правовой системе Великобритании // Правоведение. 2008. № 4. С. 209.

³⁴ Там же.

внутригосударственной правовой системы, т. е. приоритет норм международного права, нашло свое закрепление в Конституции Республики Таджикистан.

В 1990 г. республика приняла Декларацию «О государственной независимости Республики Таджикистан»³⁵ и установила в преамбуле своей Конституции от 6 ноября 1994 г.,³⁶ что таджикский народ является неотъемлемой частью мирового сообщества.

Основными документами, определяющими структуру национального права и иерархию нормативных актов в Республике Таджикистан, являются Конституция 1994 г. (с изм. и доп. 1999 г. и 2003 г.), Закон Республики Таджикистан «О международных договорах» 1999 г. (с изм. и доп. 2013 г.)³⁷ и Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» 2009 г. (с изм. и доп. 2011 г.).³⁸

Согласно ч. 3 ст. 10 Конституции, «международно-правовые акты, признанные Республикой Таджикистан, являются составной частью ее правовой системы, а в случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов».³⁹

Для сравнения, Конституция Российской Федерации (ч. 4 ст. 15) устанавливает, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы. Если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законом, то применяются правила международного договора».⁴⁰

---

³⁵ Декларация «О государственной независимости Республики Таджикистан» от 24 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1990. № 16. С. 236.

³⁶ Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. Душанбе, 2003.

³⁷ Закон Республики Таджикистан от 11 декабря 1999 г. № 909 «О международных договорах» // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.mmk.tj/legislation/base/1999/> (дата обращения: 26.04.2014).

³⁸ Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. №509 «О нормативных правовых актах»// Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.mmk.tj/legislation/base/2009/> (дата обращения: 26.04.2014).

³⁹ Там же.

⁴⁰ Конституция Российской Федерации // Российская газета. 1993. 25 дек.

Как отмечают исследователи, данные положения знаменуют кардинальный пересмотр системы регулирования общественных отношений по сравнению с системой советского права, поскольку оно исходило из принципа приоритета советского права.⁴¹

С.В. Бахин отмечает, что «господствовавшее в советские времена настороженное отношение к международному праву сменилось открытым (на уровне Конституции) признанием того, что нормы международного права могут напрямую действовать на территории российского государства, и, более того, часть из них входит в правовую систему РФ». Однако, отмечает он далее, «удовлетворение тем фактом, что международное право в России восстановлено в правах и получило “конституционную прописку”, омрачается вполне очевидными недостатками формулировки конституционной статьи (что во многом объясняется той спешкой, в которой разрабатывался и принимался текст действующей Конституции)».⁴²

По данному вопросу В.С. Иваненко отмечает, что «терминологические формулировки и содержание п. 4 ст. 15 Конституции характеризуются правовой неопределенностью и семантической многосмысленностью, особенно в контексте их соотношения с нормами ФЗ “О международных договорах Российской Федерации”. Проблемы разной их трактовки еще раз подтвердили, насколько важно в юридической технике, тем более на таком высоком законодательном уровне, как Конституция, точно подбирать и использовать твердо устоявшиеся, одинаково понимаемые и адекватно воспринимаемые в обществе юридические термины и правовые категории».⁴³

О.Н. Толочко пишет, что «принципиальное изменение законодательных формулировок не повлекло за собой адекватного изменения правоприменительной практики: до сих пор в Беларуси (в меньшей степени в

---

⁴¹ Барциц И.Н. Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 31.

⁴² Бахин С.В. Международная составляющая правовой системы России // Правоведение. 2007. № 6. С. 126.

⁴³ Иваненко В.С. Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? - С. 160.

Российской Федерации) место принципов и норм международного права в правовой системе четко не определено».⁴⁴

Национальная система источников права Республики Таджикистан имеет свою особенность, что отличает ее от других систем.⁴⁵ Эта особенность проявляется, в частности, в использовании термина «международно-правовой акт», используемый как в Конституции республики, так и в отраслевых кодификационных актах.

Как отмечают исследователи, несмотря на конституционное закрепление понятия «международно-правовые акты», в научной литературе Таджикистана его анализу не уделяется достаточного внимания. Ни один международный акт и ни один закон в национальном законодательстве не раскрывает термин «международно-правовые акты».⁴⁶

Лишь в работе некоторых таджикских ученых освещаются вышеуказанные вопросы. Так, Х. Хамидов в качестве видов международно-правовых актов назвал договоры, конвенции, декларации.⁴⁷

Представляется, что международно-правовой акт, признанный Таджикистаном, – это международный договор или иной акт, принятый в соответствии с нормами международного права, который является составной частью правовой системы республики, имеющий приоритет по отношению к внутреннему законодательству республики и прямое действие на территории Республики Таджикистан.

Следовательно, международно-правовые нормы, не признанные Таджикистаном соответствующим образом, в правовую систему Республики Таджикистан не включены.

Статья 4 Закона Республики Таджикистан «О международных договорах» дублирует положение ч. 3 ст. 10 Конституции, где закреплено,

---

⁴⁴ Толочко О.Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальное законодательство. СПб., 2012. С. 150.

⁴⁵ Камолов И.И. Источники права Республики Таджикистан. Дис. ... канд. юрид. наук. - Душанбе, - 2009. С. 142.

⁴⁶ Джинонов Ш.С. Международно-правовые акты в правовой системе Республики Таджикистан // Академический юридический журнал. Душанбе. 2012. № 1.

⁴⁷ Хамидов Х. Сравнительное конституционное право: история и современность (наука, источники, конституция). Душанбе, 2001. С. 152.

что «международные договоры, признанные Таджикистаном в соответствии с требованиями Конституции Республики Таджикистан, являются составной частью ее правовой системы. В случае несоответствия законов республики признанным международно-правовым актам применяются нормы международного договора».

Кроме того, в ч. 3 ст. 1 Уголовно-процессуального кодекса Республики Таджикистан закреплено, что «международные правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовых норм, регулирующих уголовное производство. Если в соответствии с этими актами в отношении положений настоящего кодекса установлен иной порядок, применяются положения международных правовых актов».⁴⁸

Статья 1 Гражданского процессуального кодекса Республики Таджикистан предусматривает, что «законодательство Республики Таджикистан о гражданском судебном процессе основывается на Конституции Республики Таджикистан и состоит из конституционного Закона Республики Таджикистан “О судах Республики Таджикистан”, настоящего Кодекса, законов Республики Таджикистан и других нормативных правовых актов Республики Таджикистан, а также международных правовых актов, признанных Таджикистаном. В случае несоответствия норм гражданского процессуального законодательства признанным международно-правовым актам действуют нормы международных правовых актов».⁴⁹

Из буквального толкования приведенных выше формулировок национального законодательства Республики Таджикистан может последовать вывод о том, что в национальной правовой системе республики применяются только нормы международных правовых актов, признанных Таджикистаном, но не иные нормы международного права, в частности,

---

⁴⁸ Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 1 апреля 2010 г. № 564 // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/> (дата обращения: 26.04.2014).

⁴⁹ Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 г. № 341 // Там же (дата обращения: 26.04.2014).

общепризнанные принципы и нормы международного права. Однако это не совсем так. Поскольку положение ч. 3 ст. 10 Конституции дублируется не во всех нормах национального законодательства Республики Таджикистан, в некоторых отраслевых законодательствах данное положение Конституции дополняется формулировкой «общепризнанные принципы и нормы международного права». Например, в Гражданском кодексе Республики Таджикистан (ст. 7) закреплено, что «общепризнанные принципы и нормы международного права и международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются в соответствии с Конституцией Республики Таджикистан составной частью правовой системы Республики Таджикистан. Если международно-правовым актом, признанным Таджикистаном, установлены иные правила, чем те, которые предусмотрены гражданским законодательством, применяются правила международного правового акта, признанного Таджикистаном».⁵⁰

Вместе с тем в ст. 1 Уголовного кодекса Республики Таджикистан закреплено, что «настоящий Кодекс основывается на Конституции Республики Таджикистан и общепризнанных принципах и нормах международного права».⁵¹

Таким образом, таджикский законодатель сохранил конституционный статус только для положения о приоритете международно-правовых актов, признанных Таджикистаном. Законодательство Республики Таджикистан дифференцирует позиции в зависимости от конкретной сферы общественных отношений, в которой стоит вопрос применения международных норм. Оно либо дублирует положение Конституции, либо дополняет его формулировкой «общепризнанные принципы и нормы международного права». Такой дифференцированный подход более строг в вопросе обязательности норм международного права для правоприменителя и не

---

⁵⁰ Гражданский кодекс Республики Таджикистан (Ч. 1) от 30 июня 1999 г. № 803 // Там же (дата обращения: 26.04.2014).

⁵¹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574. Официальный текст. Душанбе, 2012.

оставляет ему места для сомнений в применимости нормы международного права к соответствующей группе отношений.⁵²

Статья 7 Закона Республики Таджикистан «О нормативно-правовых актах» формулирует положение о том, что признанные международно-правовые акты, являясь составной частью правовой системы республики, «имеют прямое действие».

Следует также отметить, что в ст. 9 Закона Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» 2009 г. закреплено, что в случаях, когда для выполнения международных обязательств Республики Таджикистан требуется имплементация норм международных правовых актов, признанных Таджикистаном, вступивших в силу на внутригосударственном уровне, нормотворческими органами Республики Таджикистан принимаются соответствующие нормативные правовые акты в пределах их компетенций.⁵³

Как отмечает Н.Б. Азимов, «Римский статут не относится к разряду самоисполнимых международно-правовых актов и требует от государства, принявшего решение о его ратификации, проведение длительной правотворческой работы по адаптации национального законодательства для целей сотрудничества с МУС». Основной формой выполнения данного обязательства является имплементация норм Статута МУС в национальную правовую систему Республики Таджикистан.⁵⁴

В соответствии с Указом Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 «О концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан»⁵⁵, законодательство республики должно быть приведено в соответствие с международно - правовыми актами, признанными Таджикистаном.

---

⁵² Толочко О.Н. Международное экономическое право и имплементация его норм в национальное законодательство. С. 177.

⁵³ Закон Республики Таджикистан от 26 марта 2009 г. №509 «О нормативных правовых актах»// Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.mmk.tj/legislation/base/2009/> (дата обращения: 26.04.2014).

⁵⁴ Азимов Н.Б. Теоретические основы имплементации норм международного права в уголовное законодательство Республики Таджикистан. Автореф. дис. ... докт. юрид. наук. М., 2013. С. 5.

⁵⁵ <http://mmk.tj/ru/Government-programs/concept/development> (дата обращения: 26.04.2014).

Так, в уголовное законодательство уже имплементированы положения нескольких конвенций, участницей которых является республика.

Поскольку Республика Таджикистан Постановлением Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики от 21 июля 1994 г. № 1031 ратифицировала Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания 1984 г., в целях обеспечения выполнения международного обязательства республики был принят Закон Республики Таджикистан «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан» от 16 апреля 2012 г. № 808, согласно которому в Уголовный кодекс была включена ст. 143¹ под названием «Пытки».⁵⁶

Кроме того, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. были полностью имплементированы положения Женевских конвенций 1949 г. и Дополнительных протоколов к ним 1977 г., так как Таджикистан ратифицировал указанные конвенции еще в 1993 г.

В п. 20 Концепции прогнозного развития указывается на целесообразность принятия в новой редакции Уголовного кодекса Республики Таджикистан, главным образом в целях приведения его в соответствие с требованиями международных актов, признанных Таджикистаном. В связи с этим считаем необходимым и возможным в ближайшее время имплементировать положения Статута МУС в национальное законодательство Республики Таджикистан в целях обеспечения выполнения международных обязательств республики, вытекающих из членства в МУС.

---

⁵⁶ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2012. № 4 (1437). С. 176–177.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ВОПРОСЫ СООТНОШЕНИЯ И СОВМЕСТИМОСТИ НОРМ СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА И ПОЛОЖЕНИЙ КОНСТИТУЦИИ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

2.1. Проблемы соотношения международной и национальной уголовных юрисдикций

Неоднократно перед государствами, как завершившими процедуру ратификации, так и приступившими к ней или находящимися на разных стадиях подготовки к ратификации, вставали вопросы соответствия Статута МУС национальным конституциям.⁵⁷ Поскольку по причинам как политического, так и процедурного характера конституции обычно подвержены изменениям куда меньше, чем обычное законодательство, явное противоречие Статута нормам конституции может помешать ратификации и имплементации Статута. Поэтому вопрос, действительно ли такие противоречия возможны или существуют, заслуживает самого серьезного рассмотрения.

При имплементации положений Статута МУС наибольшие трудности вызывают вопросы совместимости принципа комплементарности с конституционными нормами, устанавливающими основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам; конституционный запрет выдачи собственных граждан и процедура передачи обвиняемых в МУС; иммунитет должностных лиц и парламентариев; принцип *ne bis in idem* и исключения из данного принципа, которые содержатся в Римском статуте; внутригосударственные прерогативы в области помилования осужденных лиц.

Прежде чем рассмотреть вопросы соответствия принципа комплементарности МУС конституционным нормам Республики Таджикистан, устанавливающим основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам, необходимо проанализировать в целом взаимоотношение международной и национальной уголовных юрисдикций.

---

⁵⁷ Report on Constitutional issues Raised by the Ratification of the Rome Statute of the International Criminal Court. Venice Commission, CE Doc. CDL-INF (2001).

О.С. Черниченко, углубленно исследовавшая проблему юрисдикции государств, предложила следующее определение юрисдикции государств, которое, на наш взгляд, является самым удачным: «Юрисдикция государства – возможность, которой обладает государство, с учетом его международно-правовых обязательств, обеспечивать реализацию своего права путем угрозы применения или применения правового принуждения». Необходимость упоминания в определении юрисдикции государств обязанности государств учитывать свои международно-правовые обязательства указывает на то, что, устанавливая и осуществляя свою юрисдикцию, ни одно государство не вправе действовать только по своему усмотрению. Оно должно соблюдать свои международно-правовые обязательства, вытекающие из договорных норм, международных обычаев и решений международных организаций (юридически обязательных для него), либо взятые им на себя в одностороннем порядке.⁵⁸

Следующим вопросом, подлежащим рассмотрению, являются взаимоотношения международной и национальной уголовной юрисдикции.

Взаимоотношения международной уголовной юрисдикции и национальной уголовной юрисдикции могут принимать разные формы. Джо Стинг отмечает следующие возможные взаимоотношения этих юрисдикций.⁵⁹ Во-первых, международная юрисдикция может быть как обязательной (compulsory), так и факультативной (optional). В случае обязательной международной юрисдикции она является таковой в силу самого факта, что все государства являются участниками (ipso facto). В случае необязательной, т. е. факультативной, международной юрисдикции она будет применяться как механизм для государств-участников от случая к случаю, в зависимости от ad hoc признания международной юрисдикции. Во-вторых, международная юрисдикция может быть исключительной или

---

⁵⁸ Черниченко О.С. Общая характеристика юрисдикции государств // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 164–165.

⁵⁹ *Sting J.* The Relationship between the International Criminal Court and National Jurisdictions: The principle of complementarity. Leiden; Boston, 2008. P. 4–5.

параллельной. В случае исключительной международной юрисдикции государства не обладают юрисдикцией в отношении тех преступлений, которые подпадают под юрисдикцию Международного суда. В связи с этим отсутствует коллизия (столкновение) юрисдикций. В случае параллельной международной юрисдикции преследования за совершение одинаковых преступлений подпадают как под национальную юрисдикцию, так и под международную. Механизм распределения нуждается в определении того, какая юрисдикция будет иметь преимущественную силу в данном случае. В-третьих, в случаях параллельной юрисдикции она может быть как основной, так и комплементарной, т. е. дополнительной. В случае, когда она является основной, международная юрисдикция имеет приоритет над общей национальной юрисдикцией, а в случае, когда она является дополнительной, международная юрисдикция будет применена лишь тогда, когда государство само не способно или не желает провести расследование.

Не претендуя на детальное рассмотрение перечисленных выше форм взаимоотношений международной и национальной юрисдикции, можно резюмировать следующее историческое развитие международной юрисдикции: веками традиционно существовала лишь национальная юрисдикция, поскольку отсутствовала международная; после Второй мировой войны Нюрнбергский и Токийский трибуналы продемонстрировали исключительную международную юрисдикцию; в 1993 и 1994 гг. учрежденные Советом Безопасности международные трибуналы по бывшей Югославии и по Руанде имели обязательную, параллельную и основную международную юрисдикцию, а в 2002 г. МУС был учрежден как международный орган с дополнительной юрисдикцией.

Одним из самых сложных вопросов при создании МУС был также вопрос определения его территориальной и персональной юрисдикции. Хотя история знала и другие модели органов международного уголовного правосудия, никогда раньше международному сообществу не удавалось создавать суд с такой общей сферой действия и применения. Нюрнбергский

трибунал был учрежден для справедливого и быстрого суда и наказания главных военных преступников европейских стран Оси. Юрисдикция Международного трибунала по бывшей Югославии ограничивается преступлениями, совершенными на территории бывшей Югославии после 1991 г. Следовательно, юрисдикция данного суда основывается на территориальном принципе. Международный трибунал по Руанде осуществляет свою юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных в Руанде в 1994 г., а также в отношении преступлений, совершенных гражданами Руанды в соседних странах в тот же период. Соответственно, его юрисдикция основывается как на территориальном, так и на личном (персональном) принципе.

Главное отличие МУС от вышеперечисленных трибуналов заключается в том, что он был учрежден с согласия тех, на кого в будущем будет распространяться его юрисдикция. Государства, учредившие МУС, согласились, что преступления, совершенные на их территории или их гражданами, будут подпадать также и под юрисдикцию данного суда. Несомненно, юрисдикция отдельных государств в отношении тех же преступлений шире, чем юрисдикция, которой обладает МУС. Причем разработчики Статута стремились ограничить возможности Суда по рассмотрению дел, которые подпадали под его юрисдикцию. И, как следствие, МУС может осуществить свою юрисдикцию лишь в тех случаях, когда государство не в состоянии (*unable*) либо не желает (*unwilling*) преследовать обвиняемых.⁶⁰ Это то, что Статут называет приемлемостью.

---

⁶⁰ О дополнительнойности см.: *Bartram B.* Primacy or Complementarity: Reconciling the Jurisdictions of National Courts and International Tribunals // *The Yale Journal of International Law.* 1998. Vol. 23. N 2. P. 383–436; *Cassese A.* International Criminal Law. Oxford: Oxford, 2002. P. 348–352. – См. об этом также: *Williams S., Schabas W.* Article 17 – Issues of Admissibility // *Commentary on The Rome Statute of The International Criminal Court: Observers Notes, Article by Article.* P. 605–626; *The International Criminal Court: the Making of The Rome Statute – Issues, Negotiations, Results /* by R.S. Lee. (ed.). The Hague; Boston, 1999. P. 41–78; *Arsanjani M.* The Rome Statute of The International Criminal Court // *American Journal of International Law.* 1999. Vol. 93. N 1. P. 27–28; *Holmes J.* Complementarity: National Courts versus The ICC // *The Rome Statute of The International Criminal Court: A Commentary.* P. 667–668.

Статут МУС различает два взаимосвязанных понятия – «юрисдикция» и «приемлемость». Юрисдикция относится к правовым параметрам деятельности Суда с точки зрения предметной компетенции Суда (*ratione materiae*), пределов действия Статута во времени (*ratione temporis*), территориальной компетенции Суда (*ratione loci*), а также лиц, подпадающих под его юрисдикцию (*ratione personae*).

Вопросы приемлемости возникают на последующем этапе, когда Суд должен определить, может ли дело, подпадающее под его юрисдикцию, быть принято к производству. В соответствии со ст. 17 Статута дело не может быть принято к производству в тех случаях, когда не может быть применено одно из оснований для приемлемости. В указанной статье предусмотрено четыре сценария, при наличии которых дело должно рассматриваться как неприемлемое к производству.⁶¹ Как отметила Судебная палата МУС, «наличие какого-либо из указанных препятствий, перечисленных в ст. 17 Статута, делает дело неприемлемым и как таковое неподсудным».⁶²

Так, согласно п. 2 ст. 17 Статута, чтобы «выявить в каком-либо конкретном деле нежелание, Суд, принимая во внимание принципы уголовного процесса, признанные международным правом, учитывает наличие, если это применимо, одного или нескольких следующих факторов: а) судебное разбирательство было проведено или проводится, либо национальное решение было вынесено с целью оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности за преступления, подпадающие под юрисдикцию настоящего Суда, о которых говорится в статье 5; б) имела место необоснованная задержка с проведением судебного разбирательства, которая в сложившихся обстоятельствах несовместима с намерением предать соответствующее лицо правосудию; в) судебное разбирательство не

---

⁶¹ Основания для неприемлемости предусмотрены в ст. 17 (1) (a) – (d) Римского статута МУС.

⁶² См. see ICC-01/04-01/06-772 14-12-2006 «Решение по апелляции г-на Томаса Лубанги Дыло против решения по протесту защиты относительно юрисдикции Суда в соответствии со ст. 19 (a) Статута от 3 октября 2006 г., п. 23 (Judgement on the Appeal of Mr. Thomas Lubanga Dyilo against the Decision on the Defence Challenge to the Jurisdiction of the Court pursuant to article 19 (2) (a) of the Statute of 3 October 2006» para. 23).

проводилось или не проводится независимо и беспристрастно, и порядок, в котором оно проводилось или проводится, в сложившихся обстоятельствах является несовместимым с намерением предать соответствующее лицо правосудию».⁶³

Как считают некоторые исследователи,⁶⁴ данные положения Статута отличаются крайней неопределенностью используемых терминов, неприемлемых для правового акта, регулирующего полномочия судебного органа. Такие положения расширяют судебское усмотрение членов данного Суда до неограниченных пределов, предоставляя им право выносить суждения о цели и принципах деятельности национальных судебных органов, не устанавливая критериев и оснований для таких оценок. Отмечается также, что подобное не характерно для европейских стран, принадлежащих к континентальной системе права, и свидетельствует об американском влиянии в процессе учреждения Суда. Заложенное делегацией США широкое судебское усмотрение судей МУС создает правовую почву для политизации деятельности Суда. Впоследствии, осознав данную перспективу, которая может обернуться против их интересов, США решили отозвать свою подпись под данным договором.

Однако существует и иная точка зрения в научной литературе. Так, Дж. Холмс отмечает, что «вопрос приемлемости – это не столько обязанность Суда установить некие обстоятельства, сколько препятствие для рассмотрения дела МУС».⁶⁵

Необходимо упомянуть, что в п. 3 рассматриваемой нами статьи Статута закреплено: «Чтобы выявить в каком-либо конкретном деле неспособность, Суд учитывает, в состоянии ли данное государство, в связи с полным либо существенным развалом или отсутствием своей национальной

---

⁶³ Статут МУС. Ст. 17.

⁶⁴ Ведерникова О.Н. Проблемы ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: ЮРАЙТ, 2011. С. 1032.

⁶⁵ Holmes J.T. The Principle of Complementarity // The International Criminal Court: The Making of the Rome Statute: Issues, Negotiations, Results / Ed. by Roy Lee, The Hague: Kluwer Law International, 1999. P. 61.

судебной системы, получить в свое распоряжение обвиняемого либо необходимые доказательства и свидетельские показания или же оно не в состоянии осуществлять судебное разбирательство еще по каким-либо причинам».⁶⁶

Таким образом, Статут делает различие между предварительным анализом ситуации и расследованием преступлений. Перед тем как начать расследование, Прокурор МУС должен проанализировать имеющуюся информацию и удостовериться в том, что начало расследования будет отвечать положениям Статута. Суд может также принять решение о рассмотрении приемлемости дела к своему производству по собственной инициативе, даже если этот вопрос не инициируется одним из участников Статута.

Рассмотрев мнения исследователей относительно того, что положения Статута расширяют судебское усмотрение членов МУС, что тем самым создает правовую почву для политизации деятельности суда, все же считаем, что и в самом Статуте, и в Правилах процедуры и доказывания предусмотрено достаточно средств для того, чтобы соблюдался принцип беспристрастности в деятельности Суда.

Государства осуществляют юрисдикцию в области уголовного законодательства исходя из следующих оснований: территория, гражданство, защита определенных государственных интересов, защита определенных универсальных интересов.⁶⁷

Принцип универсальной юрисдикции – *quasi delicta juris gentium* применяется к ограниченному числу преступлений, за совершение которых любое государство, даже при отсутствии других оснований юрисдикции, вправе привлечь виновного лица к ответственности. Согласно обычному международному праву такими преступлениями являются: пиратство, работорговля и торговля детьми и женщинами. Признание универсальной

---

⁶⁶ Статут МУС. Ст. 17.

⁶⁷ *Mann F.A. Studies in International Law. Oxford, 1973. P. 31.*

юрисдикции за совершение данных преступлений основывается на том, что они преимущественно совершаются на «ничейной земле» (*terra nullius*),⁶⁸ где государства не могут осуществлять свою территориальную юрисдикцию. В последнее время некоторые многосторонние договоры также признали универсальную юрисдикцию в отношении других конкретных преступлений, таких как угон и другие угрозы воздушному транспорту,⁶⁹ пиратство,⁷⁰ терроризм.⁷¹ Применение универсальной юрисдикции также широко признано за геноцид, преступления против человечности, военные преступления, т. е. за совершение преступлений подпадающих под юрисдикцию МУС.

Таким образом, универсальная юрисдикция предполагает возможность осуществления уголовного преследования любым государством вне зависимости от места совершения преступления, гражданской принадлежности виновных и потерпевших лиц; определяющим в данном контексте будет характер преступного деяния.⁷² Данная концепция основана на признании определенной категории преступлений, совершение которых, безотносительно их конкретной направленности, затрагивает интересы всего международного сообщества, посягает на международный правопорядок в целом.⁷³

В ходе разработки проекта Статута некоторые утверждали, что то, что государства осуществляют самостоятельно в рамках своих собственных национальных систем правосудия, они могли бы реализовать и коллективно в международном судебном органе. Утверждалось также, что согласно Статуту

---

⁶⁸ Schabas W. An Introduction to the International Criminal Court. Cambridge. 2011. P. 64.

⁶⁹ Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 10 декабря 1982 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. С. 2534–2538; Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г. // Там же. С. 2528–2532.

⁷⁰ Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 16 декабря 1970 г. // Там же. С. 2538–2546.

⁷¹ Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. // Там же. С. 2561–2564.

⁷² Скуратова А.Ю. К вопросу об иммунитете от уголовной юрисдикции должностных лиц в случае совершения международных преступлений // Московский журнал международного права. 2009. № 3 (75). С. 111.

⁷³ An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, D. Robinson, H. Friman, E. Wilmshurst. Cambridge University Press, 2007. P. 44.

МУС будет уполномочен привлекать к ответственности любых лиц, подозреваемых в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, и задержанных на территории любого государства-участника, даже если преступление было совершено в ином месте и обвиняемый не является гражданином государства – участника Статута. Но такой подход был подвергнут критике по следующим основаниям:⁷⁴

– некоторые государства считали данный подход слишком амбициозным, и, вероятнее всего, это и воспрепятствовало ратификации Статута этими государствами. И, действительно, на практике универсальная юрисдикция редко осуществлялась государствами. Скорее всего, многие из них предпочитали не быть втянутыми в решение вопросов, решения которых они стремились избегать по дипломатическим или иным причинам;

– некоторые государства подвергали сомнению законность международного суда, осуществлявшего универсальную юрисдикцию. По мнению И.С. Марусина, правомочие МУС привлекать к ответственности граждан государств – неучастников Суда, совершивших преступления на территории государства-участника, основано на суверенитете этого государства, а не на принципе так называемой универсальной юрисдикции, существование которой правительство США вполне обоснованно не признает.⁷⁵ Соединенные Штаты Америки утверждали, что отсутствуют все основания законности подобного суда, и настаивали на том, чтобы Суд применял свою юрисдикцию только в отношении граждан государств-участников. Тем самым государство может защитить своих граждан от юрисдикции Суда даже за преступления, совершенные на территории других государств, просто не ратифицировав Статут МУС. В случае включения универсальной юрисдикции в Статут МУС США пригрозили активно противостоять такому суду. И в самом деле, Соединенные Штаты Америки

---

⁷⁴ *Bergsmo M.* The Jurisdictional Regime of the International Criminal Court // *European Journal of Crime, Criminal Law and Criminal Justice.* 1998. N 4. P. 345–363.

⁷⁵ *Марусин И.С.* Международный уголовный суд и США: влияние позиции отдельного государства на функционирование международного органа // *Международные отношения и право: взгляд в XXI век.* СПб., 2009. С. 402.

крайне недовольны достижением того компромисса, в соответствии с которым Суд может осуществить свою юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на территории государства-участника или со стороны граждан государств – участников Статута.⁷⁶ Компромиссное решение, которое отражено в ст. 12 Статута, согласно которому Суд может осуществить свою юрисдикцию в отношении преступлений, совершенных на территории государства-участника или со стороны граждан государств – участников Статута, было подвергнуто критике, и многие полагали, что это поставит Суд в тупик. Утверждалось, что с подобными положениями, закрепленными в Статуте, он будет ратифицирован только такими государствами, как Канада, Нидерланды, скандинавские страны. Что касается государств, сталкивающихся с войнами или внутренними беспорядками, то считалось, что они останутся вне пределов юрисдикции Суда. Но в связи с ускорившимися темпами ратификации произошла поразительная вещь:⁷⁷ многие государства, которым стоило бы «держаться подальше» от участия в Статуте МУС из-за их очевидной уязвимости подпадания под преследование Судом, начали ратифицировать Римский статут МУС, что было совершенно неожиданным. Очевидно, что тем самым они опровергают аргументы, которые высказывались критиками относительно ст. 12 Римского статута.

Комплементарность является основным концептуальным принципом деятельности Суда,⁷⁸ и в связи с этим могут возникнуть проблемы относительно совместимости норм Статута с конституционными нормами, устанавливающими основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам. Подобные нормы предусматривает и Конституция Республики Таджикистан.

---

⁷⁶ *Scheffer D.* The United States and the International Criminal Court // *American Journal of International Law.* 1999. N 1. P. 12–22.

⁷⁷ *Schabas W.* An Introduction to the International Criminal Court. 2009. P. 135.

⁷⁸ *Schabas W.* The International Criminal Court: A Commentary on The Rome Statute. P. 335–352. – См. подробнее: *Razesberger F.* The International Criminal Court: the principle of complementarity. Berlin, 2006; *Stigen J.* The relationship between the International Criminal Court and National jurisdictions: The principle of complementarity. Dordrecht, 2008; *El Zeydy M.* The principle of complementarity in International Criminal Law: Origin, Development and Practice. The Hague, 2008.

2.2. Проблемы совместимости норм Статута МУС и норм Конституции Республики Таджикистан

Согласно ст. 84 Конституции Республики Таджикистан судебная власть осуществляется от имени государства судьями. Судебную власть осуществляют Конституционный суд, Верховный суд, Высший экономический суд, Военный суд, Суд Горно-Бадахшанской автономной области, суды областей, города Душанбе, городов и районов, Экономический суд Горно-Бадахшанской автономной области, экономические суды областей и города Душанбе.

Конституционный подход к вопросу осуществления правосудия по уголовным делам может дать основание для подтверждения наличия противоречий с нормами Римского статута о комплементарности, поскольку Конституция Республики Таджикистан в достаточно четкой и определенной форме установила перечень органов, осуществляющих правосудие, в числе которых МУС не упоминается, даже принимая во внимание ограниченный круг деяний, в отношении которых он осуществляет юрисдикцию. Исходя из того факта, что Таджикистан уже признал юрисдикцию МУС, подписав его Статут, и что необходимые изменения в Основной закон государства не были внесены, для устранения данного противоречия считаем необходимым осуществить официальное толкование норм Конституции Республики Таджикистан относительно вопросов осуществления правосудия по уголовным делам с учетом положений норм Статута МУС Конституционным судом Республики Таджикистан.

Необходимо отметить, что МУС не подменяет, а дополняет национальные системы правосудия в тех случаях, когда они могут оказаться неэффективными.⁷⁹ Это означает, что основная нагрузка в борьбе с международными преступлениями ложится на государства, являющиеся

---

⁷⁹ Лукашук И.И. Международное право. Особенная часть. М., 1998. С. 252.

участниками договора о создании Суда.⁸⁰ Принцип комплементарности, закрепленный в Римском статуте, основан на приоритете национальной уголовной юрисдикции, что с точки зрения реализации государственного суверенитета является безусловным плюсом.⁸¹ Если национальная судебная система Республики Таджикистан функционирует нормально и в состоянии преследовать виновных в преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, то для вмешательства последнего необходимости не возникает.

Следующая проблема заключается в совместимости конституционного запрета экстрадиции собственных граждан и процедуры передачи обвиняемых в МУС.

Н.А. Сафаров описывает экстрадицию как одно из действенных и апробированных в международной практике эффективных средств борьбы с преступностью, а ее дальнейшее совершенствование и развитие, по его мнению, служат интересам обеспечения и укрепления международного правопорядка.⁸²

Институту экстрадиции отводится значительное место в международном уголовном праве. По словам В.П. Панова, именно с определения вопросов выдачи преступников берет начало международное уголовное право.⁸³ А такой ученый с мировым именем, как Ф.Ф. Мартенс, отмечал, что «в учении о выдаче преступников сосредоточивается весь интерес международного уголовного права».⁸⁴

Существенно новые моменты в осмыслении экстрадиции возникли в связи с учреждением Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде, а также в связи с учреждением МУС. Как

---

⁸⁰ *Kaul H.-P.* The International Criminal Court – Its Relationship to Domestic Jurisdiction // *The Emerging Practice of The International Criminal Court.* Leiden, 2009. P. 31–39.

⁸¹ *Каюмова А.Р.* Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // *Государство и право.* 2008. № 1. С. 82–90.

⁸² *Сафаров Н.А.* Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2005. С. 9.

⁸³ *Панов В.П.* Международное уголовное право. М., 1997. С. 8.

⁸⁴ *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. СПб., 1900. Т. 2. С. 391.

Уставы трибуналов *ad hoc*, так и Статут МУС разграничивают понятия выдачи и передачи. Учитывая возможность коллизии норм национального права и положений Статута МУС, в ст. 102 проводится разграничение понятий «экстрадиция» (*extradition*) и «передача» (*surrender*), в соответствии с которыми передача означает доставку лица государством в МУС в соответствии со Статутом, а экстрадиция – доставку лица одним государством в другое в соответствии с положениями международного договора, актов национального законодательства. Эти различия, как отмечает Н.А. Сафаров «выходят далеко за рамки терминологических характеристик».⁸⁵

По мнению Б. Сварта, рассматривавшего вопросы разграничения процедуры передачи лиц и экстрадиции, терминологические дебаты представляют собой скрытую форму дебатов по существу проблемы.⁸⁶

По этому поводу О. Торманн высказался следующим образом: «Решающим аргументом в пользу разграничения экстрадиции и передачи обвиняемых является различие в субъектах сотрудничества. Если при экстрадиции сотрудничество осуществляют два государства, то в случае с передачей лиц – два различных по своей правовой природе субъекта: с одной стороны, Международный уголовный суд, с другой – государство».⁸⁷

Как нами уже было отмечено, национальное законодательство Республики Таджикистан придерживается «преобладающей в конституционно-правовой практике тенденции»⁸⁸ невыдачи собственных граждан. В частности, ст. 16 Конституции предусматривает, что «ни один гражданин республики не может быть выдан иностранному государству. Выдача преступника иностранному государству разрешается на основании

---

⁸⁵ Сафаров Н.А. Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. С. 16.

⁸⁶ Swart B. Arrest and Surrender // The Rome Statute of the International Criminal Court: A Commentary / Eds. A. Cassese, P. Gaeta, John R.W.D. Jones. Oxford, 2002. Vol. II. P. 1639–1704.

⁸⁷ Торманн О. Вопросы, поднимавшиеся в связи с ратификацией и имплементацией Статута МУС в Швейцарии // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. С. 105.

⁸⁸ Сафаров Н.А. Проблемы обеспечения совместимости Римского статута Международного уголовного суда и национальных правовых систем. Баку, 2002. С. 7.

двустороннего соглашения». Конституционная норма о невыдаче собственных граждан подтверждена также в уголовном законодательстве Республики Таджикистан (ст. 16 УК РТ), которое предусматривает, что «гражданин Республики Таджикистан, совершивший преступление на территории другого государства, не подлежит выдаче этому государству, если иное не предусмотрено двусторонними договорами».⁸⁹ А в соответствии с ч. 1 ст. 89 Статута МУС «Суд может препроводить просьбу об аресте и передаче лица вместе с подкрепляющими эту просьбу материалами любому государству, на территории которого может находиться это лицо, и обращается к этому государству с просьбой о сотрудничестве в производстве ареста и предоставлении такого лица в его распоряжение. Государства-участники в соответствии с положениями настоящей Части и процедурой, предусмотренной их национальным законодательством, выполняют просьбы о производстве ареста и предоставлении в распоряжение».⁹⁰ Следовательно, Таджикистан, будучи государством – участником Статута, должен обеспечить наличие процедур, предусмотренных его национальным правом, для всех форм сотрудничества (ст. 88 Статута МУС).

Если конституционные нормы Таджикистана считают допустимой выдачу граждан при наличии соглашений, из этого не следует, что такое разрешение мы можем автоматически распространить и в случаях возникновения необходимости передачи граждан МУС. Современное международное право рассматривает экстрадицию как межгосударственную процедуру, связанную с выдачей правонарушителя по соответствующему запросу, осуществляемую с целью предания суду или исполнения вынесенного приговора.⁹¹ Следует подчеркнуть, что и в Статуте речь идет о передаче собственных граждан, а не о выдаче.

---

⁸⁹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Душанбе: Изд-во «Конуният», 2013.

⁹⁰ Статут МУС. С. 2756.

⁹¹ *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972. С. 119; *Валеев Р.М.* Выдача преступников в современном международном праве. Казань, 1976. С. 28–29; *Международное уголовное право / Под ред. В.Н. Кудрявцева.* М., 1999. С. 241–243.

Можно согласиться с мнением Н.А.Сафарова, который считает, что данная трактовка создает эффективные предпосылки для того, чтобы избежать процедуры внесения изменений в конституцию республики при наличии абсолютного запрета на выдачу граждан.⁹² Однако в целях избегания различных толкований положений действующей Конституции Республики Таджикистан представляется желательным внести следующую поправку в Конституцию республики: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждениям, участником которых является Республика Таджикистан, для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

В научной литературе уже высказывались мнения, что «при возникновении коллизии между нормами международного и национального права государство должно находить такие способы ее разрешения, которые обеспечивали бы выполнение международных обязательств. В целях реализации этих обязательств государство может и должно изменить существующие внутренние нормы, а в случае отсутствия – принять их».⁹³

Проблема иммунитета должностных лиц и парламентариев.

Международно-правовые акты, предусматривающие ответственность отдельных лиц за совершение международных преступлений, указывают, что должностное положение обвиняемого в качестве главы государства, правительства или ответственного чиновника не является основанием для освобождения от ответственности и смягчения наказания.

Впервые норма об установлении индивидуальной уголовной ответственности и наказании лиц, включая главу государств, за совершение преступлений против мира и военных преступлений была закреплена в Версальском договоре 1919 г.⁹⁴

---

⁹²Сафаров Н.А. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда.- Баку, 2002.-С.6.

⁹³ *Бастрыкин А.И.* Институт выдачи: взаимодействие национальных и международных норм // Советский ежегодник международного права. 1989–90–91. С. 115.

⁹⁴ См. подробнее: *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право. М.: Юрлитинформ, 2009. С. 256–257.

Возможность судебного преследования высшего должностного лица государства юридически четко была закреплена в уставах Нюрнбергского (1945 г.) и Токийского (1946 г.) трибуналов, что впоследствии было подтверждено деятельностью указанных органов: в ходе судебных процессов была установлена и доказана виновность главных должностных лиц Германии и Японии в развязывании, ведении агрессивной войны, нарушении законов и обычаев войны. Позднее основные итоги деятельности Нюрнбергского трибунала нашли свое отражение в резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, которая подтвердила «принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и отразившиеся в решении этого трибунала».⁹⁵ Как справедливо отмечает М.Н. Шоу, принятие данной резолюции является свидетельством того, что основные итоги деятельности Нюрнбергского трибунала, в том числе положение о недопустимости ссылки обвиняемого на свое должностное положение как основание освобождения от ответственности, составляют часть действующего международного права.⁹⁶

Впоследствии данное положение было развито и конкретизировано в Уставах МТБЮ и МУТР (соответственно ст. 7 и ст. 6), а также Специального суда по Сьерра-Леоне (ст. 6 Устава Суда).

В ст. 27 Римского статута закреплено, что «настоящий Статут применяется в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение как главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности согласно настоящему Статуту и не является само по себе основанием для смягчения приговора. Иммунитеты или специальные процессуальные нормы, которые могут быть связаны с должностным положением лица, согласно

---

⁹⁵ Резолюция 95 (1) Генеральной Ассамблеи ООН от 11 декабря 1946 г.

⁹⁶ *Shaw M.N. International law, 6-th edition. Cambridge University Press, 2008. P. 669.*

национальному или международному праву, не должны препятствовать осуществлению Судом его юрисдикции в отношении такого лица».

Кроме того, в ст. 7 проекта Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г., подготовленного Комиссией международного права ООН, закреплено следующее положение: «Официальный статус лица, совершающего преступление против мира и безопасности человечества, даже если оно действовало как глава государства или правительства, не освобождает его от уголовной ответственности и не является обстоятельством, смягчающим наказание».⁹⁷

Такое же положение было предусмотрено в ст. 4 Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.⁹⁸

В категорию лиц, на которых распространяются иммунитеты, предусмотренные Конституцией, входят народный депутат (ст.59), Президент (ст.72), и судьи (ст.91). Привлечение к уголовной ответственности указанной выше категории лиц возможно лишь с соблюдением специальных процедурных правил, устанавливаемых национальным законодательством. Однако, в отличие от национальных правовых процедур, регламентирующих порядок привлечения к ответственности лиц, обладающих соответствующими иммунитетами, Статут МУС (ст.27) предусматривает, что его положения применяются в равной мере ко всем лицам без какого бы то ни было различия на основе должностного положения. В частности, должностное положение главы государства или правительства, члена правительства или парламента, избранного представителя или должностного лица правительства ни в коем случае не освобождает лицо от уголовной ответственности по Статуту и само по себе не является основанием для смягчения приговора. Такое же положение предусмотрено в ст. 4 Конвенции

---

⁹⁷ Скуратова А.Ю. Ук. соч. С. 106.

⁹⁸ Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. С. 398–400.

о предупреждении преступления геноцида и наказании за него (принята резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН от 09.12.1948 г.).⁹⁹

Как было отмечено выше, иммунитеты должностных лиц не могут рассматриваться в качестве правового средства, обеспечивающего безнаказанность должностных лиц, которые совершают преступления, подпадающие под юрисдикцию Международного уголовного суда, тем более что речь идет об особо тяжких деяниях, которые вызывают озабоченность всего международного сообщества.

По вопросу об иммунитетах и совместимости норм Конституции Таджикистана со ст. 27 Римского статута необходимо отметить, что никакие положения конституции либо иных актов национального законодательства, устанавливающие иммунитет должностных лиц, не могут трактоваться в противоречие обязательствам согласно международному обычному праву осуществлять преследование таких международных преступлений как геноцид, агрессия, преступления против человечности, военные преступления, а ведь именно подобные деяния подпадают под юрисдикцию Международного уголовного суда.

Согласно ст. 72 Конституции Республики Таджикистан, «Президент лишается права неприкосновенности в случае совершения им государственной измены на основании заключения Конституционного суда и с согласия двух третей голосов от общего числа членов Маджлиси милли и депутатов Маджлиси намояндагон, голосующих на каждом из них отдельно».¹⁰⁰ Таким образом, Конституция Таджикистана предусматривает в качестве основания лишения Президента неприкосновенности только государственную измену. Во всех остальных случаях, хотя Конституцией и закреплена неприкосновенность главы государства, следует подчеркнуть, что

---

⁹⁹ Текст Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. см.: Международное публичное право. ... Ч. I. – М.: Изд-во Проспект, 2006. – С.398-400.

¹⁰⁰ Маджлиси Оли – парламент Республики Таджикистан является высшим представительным и законодательным органом Республики Таджикистан. Маджлиси Оли состоит из двух Маджлисов – Маджлиси мили и Маджлиси намояндагон. // См. Конституция Республики Таджикистан. Ст.48.

последняя функциональна, сохраняется до тех пор, пока президентские полномочия осуществляются их носителем ответственно, и не равняется абсолютному иммунитету.

Вместе с тем ст. 52 Конституции Республики Таджикистан закрепляет, что «член Маджлиси милли и депутат Маджлиси намояндагон обладает правом неприкосновенности, он не может быть арестован, задержан, подвергнут приводу, обыску, *за исключением случаев задержания на месте совершения преступления.* Член Маджлиси милли и депутат Маджлиси намояндагон не может быть также подвергнут личному досмотру, *за исключением случаев, когда это предусмотрено законом для обеспечения безопасности других людей.* Вопросы о лишении неприкосновенности члена Маджлиси милли и депутата Маджлиси намояндагон решаются по представлению Генерального прокурора соответствующим Маджлисом (курсив наш. – М. Х.)».

Таким образом, неприкосновенность определенной категории должностных лиц не является их привилегией; она связана с выполнением ими важных государственных функций, поэтому согласно Конституции Республики Таджикистан и ее международно-правовым обязательствам, неприкосновенность указанных лиц нельзя считать гарантией их безнаказанности. Рассматриваемое право на неприкосновенность лишь определяет особые условия возбуждения против лиц, обладающих таким правом, уголовного преследования. Лица, пользующиеся правом на неприкосновенность, могут нести уголовную ответственность по национальному законодательству, что соответствует международно-правовым обязательствам государства, с привлечением внутригосударственных (национальных) судебных механизмов. Представляется необходимым для достижения полной согласованности норм Конституции Республики Таджикистан с нормами Римского статута дать такое толкование конституционным нормам относительно иммунитетов высших должностных лиц, чтобы они соответствовали нормам Статута МУС.

Принцип *ne bis in idem*, содержащийся в ст.20 Статута МУС, является еще одним распространенным аргументом в подтверждение наличия на практике конституционных коллизий. Принцип, согласно которому, никто не может быть вторично судим или наказан за преступление, за которое он окончательно осужден или оправдан в соответствии с законом и уголовно-процессуальным правом каждой страны, имеет статус конституционного принципа в Республике Таджикистан.

Запрет повторного привлечения к ответственности – это правовой принцип, обладающий качествами императивной нормы *jus cogens*, принятой в каждом государстве в интересах обеспечения права индивида на судебную и иную защиту и вместе с тем признанной международным сообществом государств в интересах поддержания единого правопорядка.¹⁰¹ Как отмечает известный ученый Г.В. Игнатенко, исключение из общего правила, допускаемое во взаимоотношениях международного уголовного правосудия и национального правосудия, касается лишь наиболее тяжких международных преступлений и обусловлено согласованными решениями заинтересованных государств.¹⁰²

Первыми международно-правовыми актами, регламентирующими применение правила *ne bis in idem* в международном уголовном судопроизводстве, признаются Устав Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (1993 г.) и Устав Международного уголовного трибунала по Руанде (1994 г.), утвержденные резолюциями Совета Безопасности № 827 от 25 мая 1993 г.¹⁰³ и № 955 от 8 ноября 1994 г.¹⁰⁴ (соответственно ст. 10 и ст. 9). В обоих Уставах предусматривается, что ни одно лицо не может быть судимо национальным судом за деяния, представляющие собой серьезные нарушения международного

---

¹⁰¹ Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 86–87.

¹⁰² Там же.

¹⁰³ Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. С. 72–74.

¹⁰⁴ Там же. С. 86–88.

гуманитарного права, за которые оно уже было судимо Международным трибуналом. Иное решение касается лиц, осужденных национальными судами за деяния, представляющие собой серьезные нарушения международного гуманитарного права. Такое лицо может быть впоследствии судимо и Международным трибуналом в следующих случаях:

– если деяние, за которое оно было осуждено, было квалифицировано как обычное преступление;

– если судебное разбирательство в национальном суде не было беспристрастным и независимым, предназначалось для того, чтобы оградить обвиняемого от международной уголовной ответственности, или же дело не было расследовано обстоятельным образом. Таким образом, в резолюциях Совета Безопасности было закреплено отступление от правила *ne bis in idem* в пользу международного правосудия. Вместе с тем существенная специфика уставов заключалась в определении оснований такого отступления.¹⁰⁵

Исследователи указывают на появление принципа *ne bis in idem* в качестве процессуальной категории впервые в римском частном праве.¹⁰⁶ Позднее сложилась уголовно-правовая и уголовно-процессуальная ориентация правила недопущения повторного привлечения к ответственности. В качестве довольно раннего примера можно привести английский Habeas corpus act (Акт о лучшем обеспечении свободы подданного и о предупреждении заточений за морями), Конституцию Франции 1791 г., пятую поправку (1791) к Конституции США и т. д. Постепенно принцип *ne bis in idem* закреплялся и в конституциях других государств. В конституциях разных стран принцип *ne bis in idem* находил свое отражение и в форме кратких предписаний запрета двойного осуждения за одно и то же преступление (ФРГ (ст. 103), Португалии (ст. 29), Индии (ст. 20), Азербайджана (ст. 64), Литвы (ст. 31), Республики Корея (ст. 13) и др.), и в форме развернутых положений относительно отказа от повторного преследования как при состоявшемся

---

¹⁰⁵ См. подробнее об этом: *Игнатенко Г.В.* Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права. С. 75–87.

¹⁰⁶ См. подробнее об этом: *Покровский И.А.* История римского права. СПб., 1998. С. 157.

наказании, так и при прекращенном уголовном деле и оправдании привлеченного к уголовной ответственности лица (Японии (ст. 39), Мексики (ст. 23), Кипра (ст. 12), Словакии (ст. 50), Эстонии (ст. 23), Хорватии (ст. 31)). Исследователи указывают также на юридически корректные и конкретизированные формулировки Канады (ст. 11) и Словении (ст. 31).¹⁰⁷

Согласно ст. 20 Конституции Республики Таджикистан, «Никто не может быть повторно осужден за одно и то же преступление». Причем указанный запрет воспроизводится также в ст. 8 Уголовного кодекса Республики Таджикистан: «Никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление».

Статут МУС также исходит из указанного принципа, но с одним важным отличием: МУС вправе привлечь к ответственности лицо, уже осужденное или оправданное национальным судом по обвинениям в геноциде, преступлениях против человечности или военных преступлениях, если сочтет, что судебное разбирательство предназначалось для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности, или по иным признакам не было проведено независимо или беспристрастно.

В связи с теми исключениями из принципа *ne bis in idem*, которые содержатся в Статуте и приведены выше, может возникнуть вопрос о противоречии исключению из указанного принципа конституционному положению Республики Таджикистан о запрете повторного осуждения лица за одно и то же преступление. Вместе с тем Г.В. Игнатенко справедливо отмечает, что «исключение из общего правила, допускаемое во взаимоотношениях международного уголовного правосудия и национального правосудия, касается лишь наиболее тяжких международных преступлений и обусловлено согласованными решениями заинтересованных государств».¹⁰⁸

---

¹⁰⁷ Игнатенко Г.В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права. С. 77.

¹⁰⁸ Игнатенко Г. В. Запрет повторного привлечения к ответственности (*non bis in idem*) как общий принцип права//Российский юридический журнал. 2005. - №1 (45) – С.86-87.

Следовательно, основное предназначение рассматриваемого запрета – это защита лица от осуждения за одно и то же преступление в рамках юрисдикции одного и того же государства, а не в рамках международной юрисдикции.

Определенные проблемы в связи с ратификацией Римского статута могут возникнуть по поводу внутригосударственных прерогатив в области помилования осужденных лиц, которые, как правило, осуществляются высшими должностными лицами государства. Например, в соответствии с п. 27 ст. 69 Конституции Республики Таджикистан Президент Республики Таджикистан осуществляет помилование. В то же время Статут не предусматривает процедуры помилования. Часть 1 ст. 110 Статута гласит: «Государство исполнения приговора не может освободить лицо до истечения срока наказания по приговору, вынесенному Судом». Можно ли признать это положение ограничением суверенитета Республики Таджикистан? Полагаем, что нет. Помилование распространяется на наказания, предусмотренные только национальными законодательствами, т. е. носят внутригосударственный характер.

При анализе критериев приемлемости рассмотрения дела в Суде отмечается также, что помилование, возможно, было предназначено для того, чтобы оградить соответствующее лицо от уголовной ответственности. В качестве решения вопроса относительно охвата критерием приемлемости дел, связанных с последующим решением о помиловании со стороны национального суда, некоторыми исследователями было высказано предположение, что предусмотренное решение о помиловании следует рассматривать как решение, о котором говорится в п. 2 (а) ст. 17.¹⁰⁹

Вместе с тем Статут предусматривает возможность сокращения срока наказания. Часть 3 ст. 110 констатирует: «Когда лицо отбыло две трети срока наказания или 25 лет в случае пожизненного лишения свободы, Суд

---

¹⁰⁹ *Sting J.* The Relationship between the International Criminal Court and National Jurisdictions: The principle of complementarity. P. 334.

осуществляет обзор приговора, вынесенного данному лицу, с тем чтобы определить, следует ли уменьшить назначенный по этому приговору срок наказания».¹¹⁰ Таким образом, Статут предусматривает возможность смягчения наказания, что соответствует духу положений Конституции Республики Таджикистан о помиловании.

Как показывает опыт органов конституционной юстиции многих государств, конституционные нормы о помиловании не вступают в противоречие с соответствующими нормами Римского статута. Так, в заключении Государственного совета Бельгии от 21 апреля 1999 г. по законопроекту об одобрении Римского статута МУС было отмечено, что осуществление права на помилование, предусмотренное ст. 110 и 111 Конституции Бельгии, не противоречит Римскому статуту, поскольку носит территориальный характер и может применяться только в отношении наказаний, назначенных бельгийскими судами.¹¹¹

Таким образом, рассмотрев возможные расхождения между Статутом Международного уголовного суда и Конституцией Республики Таджикистан, отметим следующее:

1. Между нормами Статута, предусматривающими принцип комплементарности, и конституционными нормами Республики Таджикистан, устанавливающими основы порядка осуществления правосудия по уголовным делам, противоречий не выявлено, т.к., осуществляя юрисдикцию в отношении наиболее серьезных преступлений международного значения, Суд выступает в качестве альтернативного судебного органа для расследования и преследования преступлений, совершенных гражданами государств. Принцип комплементарности предполагает, что основная нагрузка в борьбе с международными преступлениями ложится на государства, являющиеся участниками

---

¹¹⁰ Статут МУС. Ст. 110 (3).

¹¹¹ Avis du Conseil d'Etat du 21 avril 1999 sur un projet de loi «portent assentiment au Statut de Rome de la Cour penale internationale, fait a Rome le juillet 1998». Parliamentary document 2–239(1999–2000). P. 94.

договора о создании Суда. Следовательно, национальная юрисдикция Республики Таджикистан является приоритетной по отношению к комплементарной юрисдикции Суда.

2. Между конституционными нормами Республики Таджикистан, предусматривающими запрет выдачи собственных граждан иностранному государству (ст.16), и нормами Римского статута, предусматривающими процедуру передачи обвиняемых в МУС (ст. 89), противоречий не выявлено, т.к. по существу несовместимы с толкованием, допускающим сотрудничество с Международным уголовным судом, только такие конституционные нормы, которые в явном виде включают и запрет на передачу гражданина международным судам. Подобные нормы не предусмотрены Конституцией Республики Таджикистан. Однако в целях избегания различных толкований положений действующей Конституции Республики Таджикистан представляется желательным внести следующую поправку в Конституцию республики: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждениям, участником которых является Республика Таджикистан, для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

3. Положения Статута МУС о недопустимости ссылки на должностное положение лица (ст. 27) не запрещают установления положений и не отменяют положения Конституции Республики Таджикистан, касающиеся неприкосновенности Президента, народных депутатов и судей. Рассматриваемое право на неприкосновенность лишь определяет особые условия возбуждения против лиц, обладающих таким правом, уголовного преследования. Лица, пользующиеся правом на неприкосновенность, могут нести уголовную ответственность по национальному законодательству с привлечением национальных судебных механизмов, что соответствует международно-правовым обязательствам Республики Таджикистан.

4. Представляется, что исключения из принципа *ne bis in idem*, содержащиеся в ст. 20 Римского статута, не входят в противоречие с конституционным положением Республики Таджикистан о запрете повторного осуждения лица. Последнее не гарантирует защиту от повторного осуждения лица в пределах уголовной юрисдикции другого государства и тем более защиту от юрисдикции международных судебных органов.

5. Конституционные нормы Республики Таджикистан о помиловании не вступают в противоречие с соответствующими нормами Статута, так как помилование распространяется на наказания, предусмотренные только национальными законодательствами, т. е. носят внутригосударственный характер. В случае же применения международного права его нормы должны действовать и при рассмотрении вопросов о смягчении наказания. И здесь применима ч. 3 ст. 10 Конституции Республики Таджикистан. Тем более, нельзя забывать, что под юрисдикцию МУС подпадают только тяжелейшие преступления, повлекшие массовые жертвы, такие как геноцид, преступления против человечности, военные преступления и агрессия.

Таким образом, между положениями Статута МУС и Конституции Республики Таджикистан противоречий не выявлено, и Статут может в полном объеме применяться на территории Таджикистана в соответствии с нормами его Конституции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ИМПЛЕМЕНТАЦИЯ
НОРМ СТАТУТА МЕЖДУНАРОДНОГО УГОЛОВНОГО СУДА
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН

3.1. Способы имплементации положений Статута МУС в законодательстве государств-участников

Необходимо отметить, что в международно-правовой доктрине кроме теории имплементации сформировалась и другая теория приведения в действие норм международного права в рамках внутригосударственного правопорядка, а именно теория трансформации, основные положения которой мы хотели бы рассмотреть, прежде чем приступить к анализу способов имплементации МУС.

Основной постулат теории трансформации заключается в том, что применение норм международного права в рамках внутреннего правопорядка конкретного государства возможно только в случае придания таким международно-правовым нормам силы национального права посредством издания того или иного внутригосударственного акта.¹¹²

Е.Т. Усенко подчеркивает, что для того, чтобы правило, представляющее собой норму международного права, приобрело юридическую силу в пределах действия национального права, оно должно приобрести силу национально-правовой нормы, что может сделать только территориальный суверен, издав соответствующий национально-правовой акт.¹¹³ Таким образом, он отмечает, что в силу суверенитета государства на его территории может действовать только его воля.

Вместе с тем воля этого же государства, выраженная иным способом, т.е. не законодательным, а договорным путем, тоже может быть обязательной

---

¹¹² *Гаврилов В.В.* Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. 2001. № 2 (42). С. 43.

¹¹³ *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Там же. 1995. № 2. С. 16.

в сфере внутренней юрисдикции с санкции государства. И такое регулирование и экономичнее, и эффективнее, чем преобразование этих норм в нормы внутреннего права.¹¹⁴

А.С. Гавердовский, выделяя трансформацию как форму рецепции, считает, что при трансформации происходит изменение характера международно-правовой нормы в результате превращения ее правил в качественно иную правовую категорию – в норму внутригосударственного права. Он отмечает также, что «правовым результатом трансформации в отличие от инкорпорации является не только дополнение действующего внутреннего права, но и изменение норм в связи с требованиями международного соглашения».¹¹⁵

Однако не все исследователи разделяют такую точку зрения, отрицая изменение характера нормы как нормы международного права при ее реализации на внутригосударственном уровне. К примеру, И.П. Блищенко утверждает, что «простое опубликование нормы международного права, издание специального закона, распространявшего действие договора на территорию государства, вотум законодательной власти на заключение договора – все это не изменяет характера нормы как нормы международного права, но обуславливает действие этой нормы во внутригосударственной сфере, т. е. обязывает национальные суды применять ее, а физических и юридических лиц исполнять данную норму. Такой характер действия международно-правовой нормы на территории государства не означает трансформацию, т. е. изменение характера самой нормы и превращение ее в норму национального права».¹¹⁶

Р.А. Мюллерсон, например, считает, что имплементация норм международного права не преследует цель трансформации (превращения) норм международного права в нормы внутригосударственные.¹¹⁷

---

¹¹⁴ Международное право./Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. М.: Норма, 2010. С. 203.

¹¹⁵ Гавердовский А.С. Имплементация норм международного права. Киев, 1980. С. 82.

¹¹⁶ Блищенко И.П. Международное и внутригосударственное право. М., 1960. С. 199–200.

¹¹⁷ Мюллерсон Р.А. Соотношение международного и национального права. М., 1982. С. 59.

Такого же мнения придерживается и Н.В. Миронов, полагая, что «отсылка не преобразует природы той нормы, к которой она отсылает. Международная норма применяется во внутреннем праве как таковая, не будучи преобразованной в национальную норму».¹¹⁸

Следует согласиться с аргументами И.П. Блищенко и Р.А. Мюллерсона доказывающих отсутствие трансформации норм одной системы в нормы другой в процессе национально-правовой имплементации. Прежде чем приступить к анализу способов имплементации¹¹⁹ Статута МУС, мы хотели бы обратиться к доктрине международного права для определения понятия имплементации.

О.И. Тиунов отмечает, что процесс осуществления, реализации, претворения в жизнь международного договора обычно обозначают термином «имплементация».¹²⁰

Ученый рассматривает имплементацию норм международного права во внутригосударственных отношениях в узком и широком смысле. По его мнению, в узком смысле имплементация связана с обязанностью государства предпринимать внутригосударственные меры по созданию и обеспечению правовых механизмов реализации норм международного права. В этом смысле имплементация имеет внутригосударственный правовой (национально-правовой) характер. В широком же смысле имплементация охватывает не только правовые меры, но и меры организационно-распорядительного характера и иные необходимые действия со стороны государства.¹²¹

---

¹¹⁸ *Миронов Н.В.* Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980. С. 41.

¹¹⁹ В официальных документах ООН, в различных изданиях получил распространение термин «имплементация» (от англ. implementation – осуществление, проведение в жизнь). Согласно словарю международного права термин «имплементация» означает осуществление международно-правовых и внутригосударственных норм во исполнение международно-правовых, а также создание на международном и внутригосударственном уровнях условий для такого осуществления (Словарь международного права / Бацанов С.Б., Ефимов Г.К., Кузнецов В.И. М., 1986. С. 101–102).

¹²⁰ *Тиунов О.И.* Конституция Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 43.

¹²¹ Там же.

Р.А. Мюллерсон называет имплементацию норм международного права на национальном уровне важнейшим способом их реализации. При этом он оговаривает, что термин и обозначаемое им понятие шире процесса реализации норм международного права внутри страны, поскольку без помощи национального права применяются нормы международного права, адресованные международным организациям; на международном уровне нередко осуществляются предварительные организационно-правовые меры имплементационного характера и в том случае, когда речь идет о нормах, адресованных другому типу субъектов международного права – государствам.¹²² В связи с этим автор предлагает обозначить процесс помощи национального права исполнению норм международного права на территории государств в сфере действия национального права национально-правовой имплементацией.

А.С. Гавердовский определяет имплементацию норм международного права как «целенаправленную организационно-правовую деятельность государств, предпринимаемую индивидуально, коллективно или в рамках международных организаций в целях своевременной, всесторонней и полной реализации принятых ими в соответствии с международным правом обязательств».¹²³ На наш взгляд, данное определение имплементации наиболее полно охватывает все элементы реализации норм международного права, поскольку предусматривает последнее и как организационную, и как правотворческую деятельность государства.

Следовательно, если воспринимать имплементацию как деятельность, тогда следует обратить внимание и на способы, которыми она осуществляется.

Р.А. Мюллерсон в качестве способов национально-правовой имплементации отмечает отсылку и инкорпорацию, и под отсылкой он понимает включение государством в свое национальное право нормы (или нескольких норм), отсылающей к нормам международного права, в силу чего

---

¹²² Мюллерсон Р.А. Ук.соч. С. 74.

¹²³ Гавердовский А.С. Ук.соч. С. 62.

последние могут действовать внутри страны, регулировать отношения между субъектами национального права.¹²⁴ Далее он пишет, что отсылка как способ исполнения норм международного права на территории государства применима только к тем положениям международного права, которые сформулированы достаточно конкретно и полно, т. е. которые по своему характеру готовы к применению регулирования отношений с участием субъектов национального права.¹²⁵ Иными словами, имеются в виду самоисполняющиеся нормы. Касательно несамоисполняющихся норм, когда нормы устанавливают лишь границы поведения, а не конкретные правила, в пределах которых «государства уточняют и конкретизируют свои обязательства, относящиеся к регулированию общественных отношений, сторонами которых являются субъекты национального права», Р.А. Мюллерсон предлагает применять такой способ имплементации, как инкорпорация. По его мнению, суть инкорпорации заключается в том, что «в национальное право вводятся (инкорпорируются) новые нормы национального права, принятые с целью исполнения международного права».¹²⁶

Опыт имплементации Римского статута его государствами-участниками показывает, что большинство государств имплементировали положения Статута таким способом, как воспроизведение, т. е. инкорпорация.

Хотя государствами был использован и такой имплементационный способ, как отсылка (например, ст. 9–11 Закона Новой Зеландии о международных преступлениях и Международном уголовном суде, посвященные геноциду, преступлениям против человечности и военным преступлениям, предусматривают, что для целей данного закона эти преступления понимаются так, как они изложены в ст. 6–8 Статута МУС).¹²⁷

---

¹²⁴ Мюллерсон Р.А. Ук. соч. С. 59.

¹²⁵ Там же. С. 63.

¹²⁶ Там же. С. 59–60.

¹²⁷ Савельев В.А. Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: общие вопросы, взгляд на международный опыт // Юриспруденция. 2010. № 8. С. 7. // http://pravorggu.ru/2006_8/saveleva_v_25.shtml

Статут МУС в результате ратификации становится частью правовой системы государства. Как полагают некоторые авторы, наиболее легко ввести во внутренний правопорядок нормы Статута МУС в государствах, конституции которых устанавливают приоритет международного права над внутригосударственным.¹²⁸ Что касается Республики Таджикистан как государства-участника Статута Международного уголовного суда, то хотелось бы отметить, что существует возможность прямого использования его положений на основании ч. 3 ст. 10 Конституции, где указано, что международно-правовые акты, признанные Таджикистаном, являются составной частью правовой системы республики. В случае несоответствия законов Республики Таджикистан признанным международно-правовым актам применяются нормы международно-правовых актов.¹²⁹

Таким образом, два процесса – конституционализм как режим жизни общества, основанный в том числе на верховенстве Конституции в правовой системе, и имплементация норм международного права – оказываются тесно взаимосвязанными.¹³⁰

За время, прошедшее с момента принятия Статута МУС, уже накоплен определенный правовой опыт, направленный на его имплементацию и совершенствование в связи с этим соответствующих положений национального материального и процессуального права.

Как показывает опыт зарубежных государств в отношении имплементации положений Статута МУС, существуют три основных подхода:

1) принятие одного законодательного акта, охватывающего все имплементационные проблемы (подход, выбранный Великобританией, ФРГ). Однако необходимо уточнить, что такой закон будет обладать преимуществом перед действующим законодательством при возникновении противоречий между законодательством, касающимся МУС, и иным законодательством;

---

¹²⁸ Ламберт-Авелдгавад Э., Маклаков В.В. Международный уголовный суд и адаптация конституций: сравнительное исследование. Реферат // Конституционное право. М., 2005. С. 34.

¹²⁹ Конституция Республики Таджикистан. Душанбе: Изд-во «Ирфон», 2005.

¹³⁰ Тиунов О.И. Конституция Российской Федерации и международное право. С. 48.

2) внесение поправок во все соответствующие законодательные документы по отдельности: в Конституцию, отраслевые кодексы или законы (подход, выбранный Францией). Поскольку внесение изменений и дополнений в Конституцию – сложный и многоступенчатый процесс, подобный подход представляется наиболее сложным, однако он наиболее полно отражает признание юрисдикции МУС;

3) внесение изменений и дополнений в соответствующие законодательные акты, сопровождающиеся принятием специального законодательства о сотрудничестве с МУС (подход, выбранный Финляндией, Канадой, Грузией). Немаловажным при таком подходе имплементации является то, что в национальном законодательстве не только предусматриваются процедуры сотрудничества, но и обозначаются компетентные органы, осуществляющие сотрудничество.

В.А. Савельев отмечает, что государства – участники Статута должны решить вопрос соотношения во времени процедур ратификации и имплементации Статута МУС.¹³¹

Сам Статут четко не оговаривает, что первично (ратификация или имплементация), а что вторично. В ст. 88 лишь в общей форме говорится о необходимости обеспечить наличие национальных процедур для сотрудничества с Судом, причем момент осуществления таких процедур не обозначен. Из этого можно сделать вывод, что решение данного вопроса зависит от усмотрения самого государства.¹³²

Исследователи также отмечают, что в рамках первой проблемы государствам удалось выработать следующие варианты для ее разрешения: первоочередность имплементации перед ратификацией; метод «пакетного рассмотрения» вопроса об очередности ратификации и имплементации

---

¹³¹ Савельев В.А. Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: общие вопросы, взгляд на международный опыт // Юриспруденция. 2010. № 8. С. 1. // http://pravorggu.ru/2006_8/saveleva_v_25.shtml – О том же пишет и Ю.В. Пузырева (*Пузырева Ю.В.* Проблемные аспекты имплементации Статута Международного уголовного суда и пути их решения (опыт государств-членов Европейского союза) // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 17).

¹³² Савельев В.А. Ук. соч. С. 37–39.

Статута, когда оба процесса осуществляются практически одновременно; осуществление имплементации Статута после его ратификации.¹³³

Оптимальность метода «пакетного рассмотрения» вопроса об очередности ратификации и имплементации Статута МУС заключается в том, что он позволит сразу принять комплексное решение по ратификации и по имплементации, не разбивая эти процедуры во времени.

Международный опыт имплементации Статута МУС показывает, что государства так или иначе выбирали один из трех указанных выше вариантов выполнения процедур ратификации и имплементации. Норвегия, Канада, Франция, Нидерланды, Португалия, Испания, Швеция, ЮАР и многие другие страны приняли имплементирующее законодательство после ратификации Статута МУС, т. е. в данном случае применялась формула – «ратификация предшествует имплементации». Это неудивительно, учитывая, что вышеперечисленные государства ратифицировали Статут МУС еще до его вступления в силу (до 1 июля 2002 г.). В связи с этим момент имплементации не имел для них особой актуальности, так как возможность осуществления МУС своей юрисдикции еще не существовала.

До 1 июля 2002 г. Статут МУС не вступил в силу, поэтому временной разрыв между ратификацией и имплементацией, в принципе, не мог создать каких-либо неприятностей для государств-участников. К примеру, Испания ратифицировала Статут МУС 24 октября 2000 г., а Закон о сотрудничестве с МУС был принят 10 декабря 2003 г. В ЮАР ратификация Статута МУС была проведена 27 ноября 2000 г., а Закон об имплементации Римского статута Международного уголовного суда был принят 18 июля 2002 г. Португалия ратифицировала Статут МУС 5 февраля 2002 г., в то время как имплементирующий акт был принят 22 июля 2004 г.¹³⁴

---

¹³³ Там же. С. 37–39; Пузырева Ю.В. Проблемные аспекты имплементации Статута Международного уголовного суда и пути их решения (опыт государств – членов Европейского союза). С. 17.

¹³⁴ Информацию об имплементирующем законодательстве государств – участников Статута МУС, а также тексты отдельных законов можно найти на следующих сайтах в Интернете: www.hrw.org, www.icrc.org, www.iccnw.org.

В некоторых государствах был избран иной подход, когда имплементация осуществлялась до ратификации или одновременно с ней. К их числу относятся Люксембург, Финляндия, Австралия, Великобритания, Дания. В Дании, например, 16 мая 2001 г. был принят имплементирующий акт (Закон о Международном уголовном суде), а 21 июня того же года был ратифицирован Статут МУС. В Люксембурге в августе 2000 г. была пересмотрена конституция, а также был принят закон об одобрении Статута МУС. Сам Статут был ратифицирован Люксембургом 8 сентября того же года. Интересный опыт имплементации у Австралии, где Статут МУС был ратифицирован 1 июля 2002 г., т. е. в день его вступления в силу. Имплементирующие акты, вносящие изменения в некоторые законодательные акты, в Австралии были приняты за несколько дней до этого – 27 июня 2002 г. В Финляндии эти две процедуры произошли практически одновременно: 28 декабря 2000 г. были приняты Закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом и Закон о преступлениях, подпадающих под юрисдикцию Международного уголовного суда, а 29 декабря 2000 г. Финляндская Республика ратифицировала Статут МУС. Это можно рассматривать как применение «пакетного метода» выполнения ратификации и имплементации, о котором упоминалось выше.¹³⁵

Таким образом, международная практика свидетельствует о том, что государствами использовались все три возможных варианта выполнения процедур ратификации и имплементации: имплементация до ратификации; имплементация после ратификации; одновременная ратификация и имплементация.

Теперь рассмотрим, какой метод выбрала для себя Республика Таджикистан.

Существенную роль в разрешении вопросов реализации норм международного права Республики Таджикистан играет Закон Республики

---

¹³⁵ Там же.

Таджикистан «О международных договорах Республики Таджикистан».¹³⁶ Согласно преамбуле данного закона Таджикистан выступает за неукоснительное соблюдение международных договоров и подтверждает свою приверженность принципу добросовестного выполнения международных обязательств. Международные договоры Республики Таджикистан подлежат добросовестному выполнению с момента их вступления для Республики Таджикистан в силу. До вступления международного договора в силу Республика Таджикистан в соответствии с нормами международного права воздерживается от действий, которые лишают договор его объекта и цели.¹³⁷

Согласие Республики Таджикистан на обязательность для нее международного договора выражается путем подписания договора, его ратификации, принятия, утверждения, присоединения к нему, обмена документами, составляющими договор, или иным способом, о котором договорились стороны.¹³⁸ В соответствии со ст. 22 указанного закона «подписание» – это стадия заключения договора либо способ согласия Республики Таджикистан на обязательность международного договора, если таковое предусмотрено самим договором или договоренностью сторон либо намерением Республики Таджикистан придать подписанию такую силу. Республика Таджикистан подписала Римский статут 30 ноября 1998 г. «Ратификация» – это способ выражения согласия Республики Таджикистан в Маджлиси намояндагон Маджлиси Оли Республики Таджикистан на обязательность международного договора, подписанного ее уполномоченным представителем, и способ выражения согласия Республики Таджикистан на обязательность международного договора, предусматривающего иной способ дополнительного утверждения помимо его подписания (в редакции Закона Республики Таджикистан от 28 декабря

---

¹³⁶ Закон Республики Таджикистан от 11 декабря 1999 г. № 909 «О международных договорах» // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.mmk.tj/legislation/base/1999/> (дата обращения: 26.04.2014).

¹³⁷ Там же.

¹³⁸ Там же.

2005 г. № 142 «О международных договорах Республики Таджикистан». Республика Таджикистан ратифицировала Статут МУС 11 декабря 1999 г. Документ вступил в силу для республики 5 мая 2000 г.

Согласно Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. каждый действующий договор обязателен для его участников и должен ими добросовестно выполняться (ст. 26); участник не может ссылаться на положения своего внутреннего права в качестве оправдания для невыполнения им договора (ст. 27). Под выполнением обязательств следует понимать совокупность мер, принимаемых государствами по обеспечению эффективного применения основных положений международного договора.

Государство, взявшее на себя договорное обязательство, должно следовать общепризнанному принципу международного права *pacta sunt servanda*. Данный принцип порождает, в частности, обязанность государств предпринять все необходимые действия по осуществлению международного договора во внутригосударственных отношениях. Добросовестное выполнение обязательств – одно из условий эффективности международно-правового регулирования в области борьбы с преступностью.¹³⁹

Поскольку ратификация Римского статута высшим законодательным органом государственной власти Республики Таджикистан – Маджлиси Оли означает признание государством Таджикистан для себя действительности норм договора, она не может рассматриваться как автоматическое приведение договора в действие для внутреннего законодательства, а следовательно, не рассматривается как имплементационный акт.

Таджикистан выбрал не метод «пакетного рассмотрения» вопроса об очередности ратификации и имплементации Статута, когда оба процесса осуществляются практически одновременно, а сначала ратифицировал Статут, а затем постепенно вводил в действие имплементирующее законодательство, хотя, на наш взгляд, было бы предпочтительнее для

---

¹³⁹ Галенская Л.Н., Козлов В.А. Об эффективности международно-правового регулирования борьбы с преступностью // Правоведение. 1974. № 3.

Таджикистана как участника Статута, чтобы имплементация Статута предшествовала ратификации.

Как было отмечено выше, опыт имплементации положений Статута МУС его государствами-участниками показывает, что они в основном использовали три подхода, а именно принятие одного законодательного акта, охватывающего все имплементационные проблемы; внесение поправок во все соответствующие законодательные документы по отдельности: в Конституцию, отраслевые кодексы или законы; внесение изменений и дополнений в соответствующие законодательные акты, сопровождающиеся принятием специального законодательства о сотрудничестве с МУС. Поскольку Республика Таджикистан до сих пор не приняла единого законодательного акта, охватывающего все имплементационные проблемы, и в ближайшее время не собирается вносить поправки в свою Конституцию (она лишь вносила соответствующие изменения и дополнения в свое законодательство путем инкорпорации положений Статута), наиболее оптимальным вариантом для нее, использованным другими государствами – участниками Статута, является третий подход, который был выбран Финляндией, Канадой, Грузией. Однако для этого Республика Таджикистан должна продолжить внесение поправок в свое уголовное и уголовно-процессуальное законодательство, а кроме того, принять специальный закон о сотрудничестве с МУС, в котором должна определить свой компетентный орган для сотрудничества с ним. Данные вопросы будут подробно освещены в главе четвертой нашей работы.

3.2. Общие принципы уголовного права по Статуту Международного уголовного суда в законодательстве Республики Таджикистан

Категория «принцип» означает основное исходное положение какой-либо теории, учения, науки, мировоззрения, политической организации и т. д.¹⁴⁰ А принципы права – это выраженные в праве руководящие начала, характеризующие его содержание.¹⁴¹

Л.Н. Галенская дает следующую характеристику принципам международного права: «Во-первых, это фундаментальная основополагающая идея всей системы международного права, которая проявляется через совокупность норм права и выступает в качестве системообразующего момента; во-вторых, эта идея выступает как критерий законности в области международного права, т. е. ей не должна противоречить ни одна норма этого права; в-третьих, принцип международного права является основой для принятия решений по конкретным делам».¹⁴²

Международное уголовное право сочетает в себе положения внутреннего уголовного права и положения международного права, что предопределяет и особую совокупность его принципов.¹⁴³ Обращаясь к истории формирования принципов международного уголовного права, нужно отметить, что первым международно-правовым актом, закрепившим эти принципы, стал Устав Нюрнбергского трибунала 1945 г. Комиссия международного права по поручению Генеральной Ассамблеи ООН (Резолюция 177 (II)) сформулировала и представила Генеральной Ассамблее ООН Принципы международного права, признанные Уставом Нюрнбергского трибунала и нашедшие выражение в решении данного трибунала.¹⁴⁴ Впоследствии принципы международного уголовного права

---

¹⁴⁰ Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 1 / Под ред. А.И. Коробеева. СПб., 2008. С. 86.

¹⁴¹ Алексеев С.С. Общая теория социалистического права. Вып. 1. Свердловск, 1963. С. 150.

¹⁴² Галенская Л.Н. Правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с преступностью. Л., 1978. С. 7.

¹⁴³ Полный курс уголовного права. В 5 т. Т. 5 / Под ред. А.И. Коробеева. С. 707.

¹⁴⁴ Работа Комиссии международного права. Нью-Йорк, 1982. С. 111–112.

были отражены в Уставах Международного уголовного трибунала по бывшей Югославии (1993 г.)¹⁴⁵ и Международного уголовного трибунала по Руанде (1994 г.),¹⁴⁶ а затем в 1998 г. в Статуте МУС.¹⁴⁷

Часть III Статута посвящена общим принципам уголовного права, на основании которых действует данный Суд. Получили закрепление такие принципы, как *nullum crimen sine lege*; *nulla poena sine lege*; отсутствие обратной силы *ratione personae*; индивидуальная уголовная ответственность, исключение из юрисдикции для лиц, не достигших 18-летнего возраста; недопустимость ссылки на должностное положение; ответственность командиров и других начальников; неприменимость срока давности; субъективная сторона; основания для освобождения от уголовной ответственности; ошибка в факте или ошибка в праве; приказы начальника и предписание закона. Некоторые исследователи считают подробные определения важнейших принципов международного уголовного права в Статуте как несомненное достоинство последнего.¹⁴⁸

В ст. 22 Статута закреплён принцип *nullum crimen sine lege*, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности по Статуту, если только соответствующее деяние в момент его совершения не образует преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда. В ч. 2 ст. 22 Римского статута предусмотрено, что определение преступления должно быть точно истолковано и не должно применяться по аналогии. В случае двусмысленности определение толкуется в пользу лица, которое находится

---

¹⁴⁵ Текст Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьёзные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, от 25 мая 1993 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев Ч. II. С. 2711–2719.

¹⁴⁶ Текст Устава Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьёзные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, от 8 ноября 1994 г. см.: Там же. С. 2719–2726.

¹⁴⁷ Статут МУС. Ст. 22–33.

¹⁴⁸ Каюмова А.Р. Принципы международного уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 142. Казань, 2002. С. 191.

под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

В главе II Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Действие уголовного закона во времени и в пространстве» входит ст. 12, в ч. 1 которой закреплено, что «преступность и наказуемость деяния определяется законом, действовавшим во время его совершения».¹⁴⁹ А в ч. 2 этой статьи сказано, что временем совершения преступления признается время осуществления общественно опасного деяния независимо от времени наступления последствий.

В ч. 3 ст. 4 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Принцип законности» предусмотрено, что применение уголовного закона по аналогии не допускается. Еще одним шагом в области приведения уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствие с международными обязательствами, как отмечают исследователи,¹⁵⁰ является имплементация содержания ст. 22 Статута в таджикское уголовное законодательство. В 2004 г. в Уголовный кодекс Республики Таджикистан была включена ст. 11¹ под названием «Правила толкования уголовного закона», в которой отмечено: «Если уголовно-правовая норма изложена двусмысленно или может быть истолкована неоднозначно, то толкование (интерпретация) должно осуществляться в пользу обвиняемого (подсудимого, осужденного)».¹⁵¹

Как мы видим, положения Статута МУС в отношении принципа *nullum crimen sine lege* полностью отражены в уголовном законодательстве Республики Таджикистан.

---

¹⁴⁹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Официальный текст. Душанбе, 2014.

¹⁵⁰ *Солiev К.Х.* Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и вопросы его соответствия положениям Римского Статута Международного Уголовного Суда // Теоретико-методологические и прикладные аспекты борьбы с преступностью: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (17–18 марта 2005 г.). В 4 ч. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2005. Ч. 1. С. 94.

¹⁵¹ Закон Республики Таджикистан от 17 мая 2004 г. № 35 «О внесении изменений и дополнений в УК РТ» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе, 2004. № 5.

В ст. 23 Статута закреплен принцип *nulla poena sine lege*, согласно которому лицо, признанное Судом виновным, может быть наказано только в соответствии с положениями настоящего Статута.

В ч. 2 той же ст. 4 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, которая называется «Принцип законности», предусмотрено, что никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

Относительно данного принципа Статута МУС «у многих заинтересованных государств и физических лиц, в первую очередь обвиняемых и подозреваемых, лишаемых права на суд в собственной стране, может возникнуть вопрос о правомерности создания международного уголовного судебного учреждения»¹⁵² и несения ответственности согласно его Статуту (см., например, дело Душко Тадича¹⁵³ в МТБЮ). Обвиняемый, пытаясь уйти от ответственности, выдвинул ряд возражений в отношении юрисдикции МТБЮ, согласно одному из которых Трибунал учрежден незаконно, так как согласно общему принципу права суд должен быть учрежден на основании закона или *международного договора*.¹⁵⁴

По существу данного возражения Д. Тадича Апелляционная палата МТБЮ указала, что выражение «учреждение на основе закона», примененное в ст. 14 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., не означает, что суд должен быть учрежден только до совершения противоправных актов. Это положение означает, что судебный орган должен быть учрежден компетентным органом и что в своей деятельности он должен обеспечить требование справедливого правосудия. Указанное мнение подтверждается, в частности, толкованием, данным этой

---

¹⁵² Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. СПб., 2004. С. 49.

¹⁵³ Judgment, The Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, ICTY Appeals Chamber, 15 July 1999.

¹⁵⁴ Блищенко И.П., Дориа Ж. Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. С. 287.

статье Комитетом по правам человека в 1988 г. Апелляционная палата подчеркнула, что МТБЮ создан на основе Устава ООН и наделен всем необходимым для обеспечения справедливого правосудия, следовательно, он учрежден на основе закона.¹⁵⁵

Полагаем, что относительно МУС возможные возражения указанного выше характера беспочвенны, поскольку он был учрежден на основе *международного договора*, значение которого как основного источника международного права закреплено в Венской конвенции о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. Ведь и одним из основных отличий МУС от МТБЮ и МУТР является то, что он был создан на основе согласия государств, учредивших его. Если государство на национальном уровне может создать закон, на основании которого может быть учрежден суд, то своей волей оно способно сделать подобное и на международном уровне.

В ст. 24 Статута закреплен принцип отсутствия обратной силы *ratione personae*, согласно которому лицо не подлежит уголовной ответственности в соответствии с настоящим Статутом за деяние до вступления Статута в силу. В ч. 2 этой статьи закреплено, что в случае внесения изменения в закон, применимый к данному делу до вынесения окончательного решения, применяется закон, более благоприятный для лица, которое находится под следствием, в отношении которого ведется судебное разбирательство или которое признано виновным.

В ст. 13 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Обратная сила уголовного закона», предусмотрено, что уголовный закон, устраняющий преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, которое совершило преступление, имеет обратную силу, т. е. распространяется на лиц, совершивших соответствующее деяние до вступления такого закона в силу, в том числе на

---

¹⁵⁵ Марусин И.С. Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. С. 51.

лиц, отбывающих или отбывших наказание, но имеющих судимость. С момента вступления в силу закона, устраняющего преступность деяния, соответствующее деяние, совершенное до его вступления в силу, не считается преступным (ч. 1 ст. 13 УК РТ). А в ч. 2 указано, что если новый уголовный закон смягчает наказуемость деяния, за которое лицо отбывает наказание, назначенное наказание подлежит сокращению в соответствии с верхним пределом санкции вновь изданного уголовного закона. В ч. 3 этой же статьи закреплено также, что уголовный закон, устанавливающий преступность деяния, усиливающий наказание или иным образом ухудшающий положение лица, которое совершило это деяние, обратной силы не имеет.

Как мы видим, положения Статута МУС в отношении принципа отсутствия обратной силы *ratione personae* полностью отражены в уголовном законодательстве Республики Таджикистан.

В ст. 25 Статута закреплён принцип индивидуальной уголовной ответственности, согласно которому Суд обладает юрисдикцией в отношении физических лиц в соответствии со своим Статутом (ч. 1 ст. 25 Римского статута).

Согласно ст. 23 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Общие условия уголовной ответственности», которая входит в глава IV, которая называется «Лица, подлежащие уголовной ответственности», уголовной ответственности подлежит только вменяемое физическое лицо, достигшее возраста, установленного настоящим Кодексом.

В соответствии с ч. 2 ст. 25 Статута МУС лицо, которое совершило преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, несёт индивидуальную ответственность и подлежит наказанию в соответствии со Статутом.

В ч. 1 ст. 7 Уголовного кодекса Республики Таджикистан под названием «Принцип личной ответственности и виновности» никто не может нести уголовную ответственность иначе как за свои собственные деяния (действия или бездействие).

В ч. 3 ст. 25 Римского статута предусмотрено, что в соответствии со Статутом лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, если это лицо:

а) совершает такое преступление индивидуально, совместно с другим лицом или через другое лицо, независимо от того, подлежит ли это другое лицо уголовной ответственности;

б) приказывает, подстрекает или побуждает совершить такое преступление, если это преступление совершается или если имеет место покушение на это преступление;

в) с целью облегчить совершение такого преступления пособничает, подстрекает или каким-либо иным образом содействует его совершению или покушению на него, включая предоставление средств для его совершения;

г) любым другим образом способствует совершению или покушению на совершение такого преступления группой лиц, действующих с общей целью.

В ч. 1 ст. 36 Уголовного кодекса Республики Таджикистан законодатель приводит исчерпывающий перечень лиц, которые могут быть признаны по закону соучастниками преступления. К ним наряду с исполнителем относятся организатор, подстрекатель и пособник. Далее в ч. 2–5 ст. 36 дается определение каждого вида соучастника, которое в целом соответствует вышеперечисленным определениям Римского статута. Согласно ч. 2 этой статьи исполнителем признается лицо, непосредственно совершившее преступление либо непосредственно участвовавшее в его совершении совместно с другими лицами (соисполнителями), а также лицо, совершившее преступление посредством использования других лиц, в силу закона не подлежащих уголовной ответственности.

Далее в ст. 25 Римского статута предусмотрено, что содействие в совершении преступления должно оказываться умышленно и либо в целях поддержки преступной деятельности или преступной цели группы в тех случаях, когда такая деятельность или цель связана с совершением

преступления, подпадающего под юрисдикцию Суда, либо с осознанием умысла группы совершить преступление. Как полагает А.Р. Каюмова, последняя формулировка рассчитана на включение других форм соучастия, в том числе заговор.¹⁵⁶

Уголовный кодекс Республики Таджикистан в ст. 39 предусматривает ответственность за все случаи совершения преступления группой лиц по предварительному сговору, организованной группой или преступным сообществом (преступной организацией). В частности, в ч. 5 вышеназванной статьи закреплено, что преступление признается совершенным преступным сообществом (преступной организацией), если оно совершено членом (членами) такого сообщества во исполнение его преступных целей. Данное положение подразумевает в том числе и такие формы участия, как заговор. Оно было взято дословно из ст. 2 (3) (с) Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом,¹⁵⁷ принятой резолюцией 52/164 Генеральной Ассамблеи от 15 декабря 1997 г., и в свою очередь было заимствовано из Конвенции «Об экстрадиции между государствами – членами Европейского Союза» от 27 сентября 1996 г.,¹⁵⁸ которая не вступила в силу в связи с тем, что не была ратифицирована всеми государствами – членами Европейского Союза.

В п. «f» ст. 25 Римского статута предусмотрено, что также подлежит уголовной ответственности и наказанию лицо, покушавшееся на совершение преступления, предпринимая действие, которое представляет собой значительный шаг в его совершении, однако преступление оказывается незавершенным по обстоятельствам, не зависящим от намерений данного лица.

---

¹⁵⁶ *Каюмова А.Р.* Принципы международного уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда. С. 192.

¹⁵⁷ Текст Международной конвенции ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. С. 2539–2546.

¹⁵⁸ *Arsanjani M.H.* The Rome Statute of the International Criminal Court // *American Journal of International Law.* 1999. N 1. P. 36.

Согласно ч. 3 ст. 32 Уголовного кодекса Республики Таджикистан покушением на преступление признаются умышленные действия (бездействие) лица, непосредственно направленные на совершение преступления, если при этом преступление не было доведено до конца по не зависящим от этого лица обстоятельствам.

Вместе с тем далее в п. «f» ст. 25 Римского статута закреплено, что лицо, которое отказывается от попытки совершить преступление или иным образом предотвращает завершение преступления, не подлежит наказанию в соответствии с настоящим Статутом за покушение на совершение этого преступления, если данное лицо полностью и добровольно отказалось от преступной цели.

В соответствии с ч. 2 ст. 34 Уголовного кодекса Республики Таджикистан лицо не подлежит уголовной ответственности за преступление, если оно добровольно и окончательно отказалось от доведения этого преступления до конца. В ч. 4 этой же статьи закреплено также, что организатор преступления и подстрекатель к преступлению не подлежат уголовной ответственности, если эти лица своевременным сообщением органам власти или иными предпринятыми мерами предотвратили доведение преступления исполнителям до конца. Пособник преступления не подлежит уголовной ответственности, если он предпринял все зависящие от него меры, чтобы предотвратить совершение преступления.

В ч. 4 ст. 25 Римского статута прописано, что ни одно положение в данном Статуте, касающееся индивидуальной уголовной ответственности, не влияет на ответственность государств по международному праву. Таким образом, как считают некоторые исследователи,¹⁵⁹ вопрос о международной уголовной ответственности государств, возникший в доктрине международного права еще по окончании Второй мировой войны и затем неоднократно обсуждавшийся в ходе разработки проекта Статута МУС, остался открытым. На подготовительном этапе переговоров представители

---

¹⁵⁹ Ibid.

делегации Франции выступили с предложением распространить юрисдикцию МУС и на международные организации, однако данное предложение не нашло соответствующей поддержки.

В ст. 26 Статута закреплён принцип исключения из юрисдикции для лиц, не достигших 18-летнего возраста. Согласно этому принципу Суд не обладает юрисдикцией в отношении любого лица, не достигшего 18-летнего возраста на момент предполагаемого совершения преступления.

Общеизвестно, что для привлечения к уголовной ответственности лицо должно достигнуть определенного возраста и быть вменяемым, т. е. обладать способностью сознавать свои поступки и отвечать за них. Это в полной мере относится и к лицам, совершившим преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС. Поскольку данные преступления различны по своему содержанию, одни из них могут быть совершены детьми и подростками, другие преступления дети и подростки совершать не могут. В последнем случае речь следует вести не только и не столько о возрасте, сколько о возможности человека быть на том посту, на той должности, которая только и позволяет совершить преступления. Здесь, как и в национальном уголовном праве, речь должна идти о специальном субъекте преступления. И.И. Карпец подчеркивает, что специальные субъекты, которые в силу своего должностного положения, как правило, обладают большими возможностями для совершения преступлений либо получают большие выгоды от их совершения, должны нести более суровую ответственность.¹⁶⁰

Однако, как отмечают некоторые исследователи,¹⁶¹ данное положение Римского статута сильно уязвимо, поскольку дети могут быть призваны на военную службу с 15 лет. К примеру, согласно подп. XXVI п. «b» ст. 8 Римского статута набор или вербовка детей в возрасте до пятнадцати лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях рассматривается как серьезное нарушение

---

¹⁶⁰ Карпец И.И. Преступления международного характера. М., 1979. С. 238.

¹⁶¹ См., напр.: Каюмова А.Р. Принципы международного уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда. С. 192.

законов и обычаев, применимых в ходе международных вооруженных конфликтов. Согласно подп. VII п. «е» данной статьи те же самые действия признаются серьезными нарушениями законов и обычаев, применимых в ходе немеждународных вооруженных конфликтов. Следовательно, по смыслу этих положений ст. 8 Римского статута лица, достигшие 15 лет, но еще не достигшие 18-летнего возраста, считаются полноправными воинами и могут совершать преступления безнаказанно, в связи с чем возможны варианты призыва в армию несовершеннолетних специально для формирования преступных отрядов, члены которых будут освобождены от уголовного преследования. Вместе с тем нельзя не отметить, что почти повсеместно преступность «молодеет»,¹⁶² и в настоящее время вызывает тревогу в связи с участвовавшими вовлечениями молодых людей в боевые действия.¹⁶³

В соответствии с ч. 1 ст. 23 Уголовного кодекса Республики Таджикистан уголовной ответственности подлежит лицо, достигшее шестнадцати лет ко времени совершения преступления. Часть 2 этой же статьи закрепляет, что лица, достигшие ко времени совершения преступления четырнадцатилетнего возраста, подлежат уголовной ответственности за совершение определенных составов преступлений, перечень которых закреплен в этой же части ст. 23.

Те преступления, которые подпадают под юрисдикцию МУС, признаются уголовным законодательством Республики Таджикистан тяжкими и особо тяжкими преступлениями. В связи с этим уголовная ответственность, к примеру, за геноцид наступает с 16 лет. В свете того, что юрисдикция МУС носит комплементарный характер, полагаем, что предусмотрение уголовной ответственности уголовным законодательством Республики Таджикистан с 16-летнего возраста за совершение преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, позволит Таджикистану самому

---

¹⁶² Карпец И.И. Преступления международного характера. С. 237.

¹⁶³ Каюмова А.Р. Ук. соч. С. 192.

привлекать к ответственности лиц, совершивших данные преступления. Тем более, что согласно ч. 3 ст. 23 Уголовного кодекса Республики Таджикистан в отдельных случаях, предусмотренных Особой частью Уголовного кодекса, уголовной ответственности подлежат только лица, достигшие более старшего возраста, чем шестнадцать лет.

В ст. 28 Римского статута предусмотрен принцип ответственности командиров и других начальников за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, совершенные силами, находящимися под эффективным командованием и контролем военного командира или лица, эффективно действующего в качестве военного командира.

Следует подчеркнуть, что начальник подлежит уголовной ответственности, если подпадающие под юрисдикцию МУС преступления были совершены его подчиненными в результате неосуществления им надлежащего контроля над такими подчиненными, когда начальник либо знал, либо сознательно проигнорировал информацию, которая явно указывала на то, что подчиненные совершали или намеревались совершить такие преступления; если преступления затрагивали деятельность, подпадающую под эффективную ответственность и контроль начальника; и если начальник не принял всех необходимых и разумных мер в рамках его полномочий для предотвращения или пресечения их совершения либо для передачи данного вопроса в компетентные органы для расследования и уголовного преследования.

При подготовке текста Статута МУС были подняты такие важные вопросы в отношении ответственности командиров, как возможность возложения ответственности на командиров за действия их подчиненных и должна ли ответственность руководящих гражданских лиц быть идентичной ответственности командиров. Как отмечает М. Арсанджани, Статут МУС утвердительно отвечает на вышеперечисленные вопросы. Кроме того, слова «эффективная власть и контроль», по его мнению, призваны наложить на

гражданскую обстановку те же требования к некоторым типам отношений между начальником и подчиненным, что и в военной области.¹⁶⁴

В таджикском уголовном законодательстве отсутствует принцип, предусмотренный ст. 28 Статута МУС, т. е. принцип ответственности командиров и других начальников в отношении действий подчиненных, находящихся под их «эффективной властью и контролем», не нашел своего отражения. Следовательно, в целях приведения в соответствие Римскому статуту таджикского уголовного законодательства мы предлагаем включить в последнее норму с аналогичным содержанием, которое закреплено в ст. 28 Статута МУС.

Статья 29 Статута закрепляет принцип неприменимости срока давности в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию Суда.

В отношении сроков давности необходимо обратить внимание на то, что Статут МУС идет несколько дальше Конвенции о недопустимости применения сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г.,¹⁶⁵ участниками которой являются многие государства. Деяния, являющиеся преступлениями в соответствии со Статутом МУС, были позаимствованы не только из договоров, на которые указывает вышеуказанная Конвенция (Устав Нюрнбергского трибунала, Женевские конвенции о защите жертв войны 1949 г., Конвенция о предупреждении актов геноцида 1948 г.), но и из других договоров (например, Дополнительные протоколы к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1977 г.). В связи с тем, что норма о неприменимости срока давности в отношении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, давно уже стала обычной нормой международного права, вполне закономерно включение данного принципа в Римский статут.

---

¹⁶⁴ *Arsanjani M.H.* The Rome Statute of the International Criminal Court. P. 37.

¹⁶⁵ Текст Конвенции о недопустимости применения сроков давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества от 26 ноября 1968 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. С. 1916–1922.

Уголовное законодательство Республики Таджикистан в ст. 75 и 81 устанавливает предельный срок давности после совершения особо тяжкого преступления – в 15 лет. В то же время в виде исключения из общего правила о давности привлечения к уголовной ответственности, согласно ч. 6 ст. 75 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, предусматривается, что к лицам, совершившим преступления против мира и безопасности человечества, сроки давности не применяются.¹⁶⁶ К преступлениям против мира и безопасности человечества глава 34 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, в частности, относит агрессивную войну (ст. 395); публичные призывы к развязыванию войны (ст. 396); геноцид (ст. 398); преступления против человечности (ст. 403–405); военные преступления в том смысле, в котором они предусмотрены в ст. 8 Римского статута, тоже охватываются ст. 403–405 Уголовного кодекса Республики Таджикистан. Кроме того, уголовное законодательство, предусматривающее возможность освобождения от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности обвинительного приговора, исключает из сферы действия ст. 81 Уголовного кодекса Республики Таджикистан лиц, совершивших преступления против мира и безопасности человечества.

Таким образом, относительно неприменения сроков давности по отношению к указанным выше преступлениям положения Общей части Уголовного кодекса Республики Таджикистан соответствуют положениям Статута МУС.

Статья 30 Римского статута закрепляет принцип субъективной стороны, в соответствии с которым лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, только в том случае, если по признакам, характеризующим объективную сторону, оно совершено намеренно и сознательно. В соответствии с ч. 2 ст. 7 Уголовного кодекса Республики Таджикистан лицо подлежит уголовной ответственности только за те

---

¹⁶⁶ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Официальный текст. Душанбе, 2012.

общественно опасные деяния и наступившие общественно опасные последствия, в отношении которых установлена его вина.

Далее дается определение тому, что для целей данной статьи Римского статута лицо имеет намерение в тех случаях, когда в отношении деяния это лицо собирается совершить такое деяние; в отношении последствия это лицо собирается причинить такое последствие или сознает, что оно наступит при обычном ходе событий. Также подчеркивается, что для целей данной статьи Римского статута «сознательно» означает – с осознанием того, что обстоятельство существует или что последствие наступит при обычном ходе событий. «Знать» и «знание» должны толковаться соответствующим образом.

В соответствии со ст. 27 Уголовного кодекса Республики Таджикистан виновным в преступлении признается лишь лицо, совершившее деяние умышленно или по неосторожности. Преступление признается совершенным с прямым умыслом (*dolus directus*),¹⁶⁷ когда субъект сознавал общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидел его общественно опасные последствия и желал их наступления (ст. 27 УК РТ). Преступление признается совершенным с косвенным умыслом (*dolus indirectus, dolus eventualis*),¹⁶⁸ когда лицо, его совершившее, сознавало общественно опасный характер своего действия или бездействия, предвидело его общественно опасные последствия и сознательно допускало их наступления (ст. 27 УК РТ). Кроме двух рассмотренных вариантов отношения к последствиям своих действий (желания их или сознательного допущения), возможен и третий вариант, когда субъект не желает наступления последствий, но в то же время понимает неизбежность их наступления.¹⁶⁹ Уголовный кодекс Республики Таджикистан не содержит никаких указаний на отнесение осознания неизбежности последствий к той

---

¹⁶⁷ Беляев Н.А., Шаргородский М.Д. Курс советского уголовного права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1. С. 412.

¹⁶⁸ Там же. С. 417.

¹⁶⁹ Там же.

или другой форме умысла. В теории же уголовного права и в практике, как отмечают Н.А. Беляев и М.Д. Шаргородский, сознание неизбежности последствий рассматривается как разновидность прямого умысла.¹⁷⁰

Исследователи отмечают «определенный пробел нормативно-правового регулирования»¹⁷¹ в данном принципе Статута, мотивируя это тем, что, по крайней мере, в случаях совершения военных преступлений преступная небрежность относительно возможных последствий может быть достаточным основанием для возникновения уголовной ответственности, в то время как согласно Римскому статуту уголовная ответственность может наступить лишь в том случае, когда преступления совершаются «намеренно и сознательно».

Исходя из того, что обе формы вины достаточно подробно описаны в Уголовном кодексе Республики Таджикистан, соответственно и принцип субъективной стороны Римского статута в кодексе предусмотрен полностью.

Римский статут предусматривает различные виды освобождения от уголовной ответственности, среди которых указываются: наличие психического заболевания или расстройства, лишаящего лицо возможности осознавать противоправность своего деяния либо его характер или соотносить свои действия с требованиями закона (ст. 31 (1, «а»)); нахождение лица в состоянии интоксикации, которое лишало его возможности осознавать противоправность или характер своего поведения или соотносить свои действия с требованиями закона, если только это лицо не подверглось добровольно интоксикации при таких обстоятельствах, при которых это лицо знало, что в результате интоксикации им может быть совершено деяние, представляющее собой преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, либо проигнорировало опасность совершения им такого деяния (ст. 31 (1, «в»)); действия для защиты другого лица или важного имущества, когда это лицо действовало разумно для защиты себя или другого лица или, в случае военных преступлений, имущества, которое

---

¹⁷⁰ Там же. С. 419–420.

¹⁷¹ Каюмова А.Р. Ук. соч. С. 193.

является особо важным для выживания данного лица или другого лица, либо имущества, которое является особо важным для выполнения задачи военного характера, от неизбежного и противоправного применения силы способом, соразмерным степени опасности, угрожающей этому лицу или другому защищаемому лицу или имуществу. То обстоятельство, что лицо участвовало в операции по защите, проводившейся силами, само по себе не является основанием для освобождения от уголовной ответственности согласно этому подпункту (ст. 31 (1, «с»)); действия, являющиеся вынужденной ответной реакцией на угрозу неминуемой смерти или неминуемого причинения тяжких телесных повреждений (ст. 31 (1, «d»)).

Совершение деяния при указанных выше обстоятельствах (невменяемость, необходимая оборона, крайняя необходимость) согласно ст.ст. 24, 40, 42 Уголовного кодекса Республики Таджикистан исключает его противоправность. Кодекс не предусматривает лишь такого основания для освобождения от ответственности, предусмотренного Римским статутом, как нахождение лица в состоянии интоксикации. Напротив, исключается возможность освобождения от ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии опьянения, независимо от его причин (например, использование алкоголя, наркотических, сильнодействующих средств), либо данное обстоятельство отягчает ответственность виновного (п. «н» ч. 1 ст. 62). Каких-либо имплементационных мер в связи с основаниями для освобождения от ответственности не требуется, поскольку в любом случае применимость этих оснований согласно ст. 31 (2) Римского статута определяется МУС.

Далее согласно ч. 3 ст. 31 Римского статута Суду предоставлено право, наряду с предусмотренными в этом документе основаниями, рассматривать и иные виды оснований освобождения от уголовной ответственности. Согласно данному положению в Уголовный кодекс внесено дополнение в ч. 2 ст. 31, по которому лицо не подлежит уголовной ответственности, если оно не могло предотвратить вредные последствия своего деяния в силу

несоответствия своих психофизиологических качеств требованиям экстремальных условий или нервно-психическим перегрузкам.

В ст. 32 Римского статута предусмотрено, что ошибка в факте является основанием для освобождения от уголовной ответственности, только если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления. Далее определяется, что ошибка в праве относительно того, является ли определенный тип поведения преступлением, подпадающим под юрисдикцию Суда, не является основанием для освобождения от уголовной ответственности.

Однако ошибка в праве может быть основанием для освобождения от уголовной ответственности, если она исключает необходимую субъективную сторону данного преступления, либо в порядке, предусмотренном в ст. 33 Статута МУС.

В ст. 33 Римского статута закреплено, что тот факт, что преступление, подпадающее под юрисдикцию Суда, было совершено лицом по приказу правительства или начальника, военного или гражданского, не освобождает это лицо от уголовной ответственности, за исключением случаев, когда это лицо было юридически обязано исполнять приказы данного правительства или данного начальника; это лицо не знало, что приказ был незаконным; приказ не был явно незаконным. Эти три условия действуют в совокупности. В Римском статуте также уточняется, что для целей данной статьи приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности всегда являются явно незаконными. Следовательно, ссылаться на эти исключения как на освобождающие можно только лицам, обвиняемым в совершении военных преступлений или преступления агрессии. Другими словами, на необходимость исполнить приказ начальника можно будет сослаться только как на смягчающее обстоятельство, способное, например, уменьшить меру наказания.¹⁷²

Следует отметить, что вышеперечисленный принцип всегда вызывал разногласия. В уставах Нюрнбергского и Токийского трибуналов, а также

---

¹⁷² Раджабов С.А. Становление и развитие Международного уголовного суда. С. 99.

МТБЮ И МУТР было закреплено, что ссылка на приказ начальника в качестве средства защиты недопустима ни при каких условиях, поскольку приказ совершить преступление уже незаконен сам по себе и его нельзя использовать как оправдание поведения подчиненного.

Однако в уголовных законодательствах многих государств был принят противоположный подход, благодаря чему они в целом соответствуют положениям ст. 33 Римского статута. И в Уголовном кодексе Республики Таджикистан такое основание для освобождения от уголовной ответственности предусмотрено ст. 45 Кодекса. Исполнение приказа или распоряжения является одним из обстоятельств, исключающих преступность деяния по таджикскому законодательству. Согласно ч. 1 ст. 45 Уголовного кодекса Республики Таджикистан не является преступлением причинение вреда охраняемым уголовным законом интересам лицом, действующим во исполнение обязательного для него приказа или иного распоряжения, отданных в установленном порядке. Уголовную ответственность за причинение такого вреда несет лицо, отдавшее незаконный приказ или распоряжение. Вместе с тем в ч. 2 этой же статьи предусмотрено, что лицо, совершившее умышленное преступление во исполнение незаконного приказа или распоряжения, несет уголовную ответственность на общих основаниях. Неисполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения исключает уголовную ответственность (ч. 3 ст. 45).

Таким образом, допускается ссылка на приказ начальника в качестве освобождающего от ответственности обстоятельства, и подчиненного можно признать виновным только в том случае, если он знал, что отданный приказ был явно незаконным.

Кроме того, в случае, когда исполнение приказа не является основанием для освобождения от уголовной ответственности, его исполнение может быть признано обстоятельством, смягчающим наказание по п. «ж» ч. 1 ст. 61 Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

Следует подчеркнуть, что в п. 2 ст. 33 Статута МУС закреплено, что приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными, в то время как в ст. 45 Уголовного кодекса Республики Таджикистан такое положение отсутствует.

Исходя из вышеуказанного, полагаем необходимым включить в ст. 45 Уголовного кодекса Республики Таджикистан аналогичное положение, закрепленное в п. 2 ст. 33 Статута МУС.

Также Статут не предусматривает смертной казни за совершенные преступления, как и Уставы Международных уголовных трибуналов *ad hoc* по бывшей Югославии и Руанде.¹⁷³

Хотя в ст. 80 Статута МУС и закреплено, что ничто в его части VII «не затрагивает применения государствами мер наказания, установленных их национальным законодательством, или законов государств, которые не предусматривают меры наказания, установленные в данной части»,¹⁷⁴ из которого следует, что государства – члены МУС могут иметь и иные виды наказания, чем это предусмотрено в Статуте МУС, следует заметить, что Республика Таджикистан, внося существенные изменения в свое уголовное законодательство в области определения мер наказаний, тем самым привела его в соответствие со ст. 77 Римского статута, где в качестве основного наказания предусматривается лишение свободы, которое может быть срочным (не более тридцати лет) либо пожизненным. Так, Уголовный кодекс Республики Таджикистан был дополнен ст. 58¹ под названием «Пожизненное лишение свободы» как альтернатива смертной казни.¹⁷⁵ Законом Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни в Республике Таджикистан» от 15 июля 2004 г. № 45¹⁷⁶ назначение и применение данного вида наказания полностью приостановлено до неопределенного времени.

---

¹⁷³ Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. С. 74–86.

¹⁷⁴ Статут МУС. Ст. 80.

¹⁷⁵ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2005. № 3 (1352). С. 158–159.

¹⁷⁶ <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14818> (дата обращения: 26.04.2014)

3.3. Имплементация норм Статута Международного уголовного суда, устанавливающих ответственность за конкретные преступления в законодательстве Республики Таджикистан

В соответствии со ст. 5 Статута МУС юрисдикция Суда ограничивается наиболее тяжкими преступлениями, вызывающими озабоченность всего международного сообщества. В соответствии со Статутом Суд обладает юрисдикцией в отношении следующих преступлений:

- а) преступление геноцида;
- б) преступления против человечности;
- с) военные преступления;
- д) преступление агрессии.¹⁷⁷

Геноцид является тягчайшим преступлением. Статья 6 Римского статута полностью воспроизводит определение геноцида, данное в ст. II Конвенции 1948 г. о предупреждении преступления геноцида и наказании за него.¹⁷⁸ В ст. 6 Римского статута закреплено, что «геноцид» означает совершение деяний с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Далее следует список из пяти деяний, признаваемых Статутом МУС геноцидом при обязательном условии их совершения при вышеуказанных обстоятельствах. Геноцид может быть выражен в применении одного или нескольких предусмотренных ст. 6 Римского статута способов:

- а) убийство членов этой группы;
- б) причинение серьезных телесных повреждений или умственного расстройства;
- в) предумышленное создание для какой-либо группы таких жизненных условий, которые рассчитаны на полное или частичное ее уничтожение.

---

¹⁷⁷ Статут МУС. Ст. 5.

¹⁷⁸ Текст Конвенции о предупреждении преступления геноцида и наказании за него от 1948 г. см.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. I. С. 398–400.

Согласно Элементам преступлений эта форма геноцида означает, что исполнитель создал определенные жизненные условия для одного или нескольких лиц, принадлежащих к конкретной национальной, этнической, расовой или религиозной группе, и имел умысел уничтожить, полностью или частично, эту национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. При этом в п. 4 отмечается, что жизненные условия должны быть рассчитаны на полное или частичное физическое уничтожение такой группы. Кроме того, в ст. 6(с) уточняется, что «термин “жизненные условия” может включать в себя умышленное лишение ресурсов, насущно необходимых для выживания, таких, как продовольствие или медицинское обслуживание, или систематическое изгнание из жилищ, но не ограничивается ими».¹⁷⁹

Этническая группа (этнос) – исторически возникший вид устойчивой социальной группы людей, представленный племенем, народностью, народом, характеризующийся компактным расселением, особенностями быта, культуры, традиций.

Расовая группа объединяет группу людей, имеющих общность происхождения, определенную совокупность внешних физических признаков (цвет кожи, волос, форма носа, губ, лица и др.) и иные исторически сложившиеся особенности.

Религиозная группа – определенная группа людей, исповедующих соответствующую религию, отличную от официально признанной в конкретном обществе;

г) меры, рассчитанные на предотвращение деторождения;

д) насильственная передача детей из одной человеческой группы в другую.

Действия по уничтожению должны быть направлены на одну из четырех групп, перечисленных в самом понятии геноцида: национальная, этническая, расовая или религиозная. Под *национальной группой* понимается

---

¹⁷⁹ Элементы преступлений. Ст. 6 (с).

группа людей, принадлежащая к определенной нации. Нация (от лат. *natio* – племя, народ) есть историческая общность людей, складывающаяся в процессе формирования общности их территории, экономических связей, языка, некоторых особенностей культуры и характера (например, американская нация, французская нация).¹⁸⁰

Определение геноцида не содержит формального требования о том, что наказуемые деяния должны быть совершены в рамках широкомасштабного или систематического нападения или как часть организованного общего плана уничтожить группу.

Нужно отметить, что для описания субъективной стороны данного преступления важное значение имеет не фактическое количество жертв, а скорее умысел преступника уничтожить значительную часть этой группы. А фактическое количество жертв играет главную роль при доказательстве умысла преступника совершить именно геноцид. Чем больше количество реальных жертв, тем логичнее вывод, что умысел был направлен на уничтожение группы «полностью или частично».

Выражение «полностью или частично» означает, что отдельный акт расового насилия не образует состава преступления геноцида. О последнем можно говорить, когда присутствует намерение уничтожить значительное количество представителей группы, хотя и необязательно уничтожать эту группу целиком.

Как отмечает У. Шабас, данное определение означает количественное измерение. Необходимо, чтобы обозначенное количество было значительным, и намерение лишить жизни всего лишь нескольких членов группы не может быть признано геноцидом.¹⁸¹

Очень часто авторами отмечается, что геноцид отличается от других составов, определенных Римским статутом, своим «специальным

---

¹⁸⁰ Коробеев А.И. Ук. соч. С. 643.

¹⁸¹ Schabas W. Op. cit. P. 104.

намерением» («*dolus specialis*»)).¹⁸² В сущности три из четырех преступлений согласно Римскому статуту предусматривают уголовную ответственность за умышленное истребление людей или убийство. Однако геноцид отличается от преступлений против человечности и военных преступлений тем, что деяния в соответствии со ст. 6 Статута МУС должны быть совершены с конкретным намерением уничтожить полностью или частично какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую. Преступление геноцида не может быть совершено по неосторожности.

Поскольку принципы, лежащие в основе Конвенции о геноциде 1948 г., признаны в международном праве в качестве обязательных даже без каких-либо договорных обязательств, Республика Таджикистан имплементировала их в качестве обязательных путем инкорпорации, не будучи даже государством – участником данного договора.¹⁸³ Статья 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан предусматривает уголовную ответственность за геноцид. Непосредственным основным объектом геноцида являются отношения по безопасности человечества, обеспечивающие безопасные условия существования национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей. В качестве дополнительного объекта геноцида выступает жизнь или здоровье людей указанных групп.

Из определения геноцида, которое закреплено в диспозиции ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, следует, что он характеризуется действиями, направленными на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы людей и выражается в применении одного или нескольких из следующих предусмотренных этой статьей способов:

- а) полное или частичное физическое истребление;
- б) насильственное воспрепятствование деторождению;

---

¹⁸² Ibid.

¹⁸³ Раджабов С.А. Становление и развитие Международного уголовного суда. С. 105.

в) принудительная передача детей из одной человеческой группы в другую;

г) причинение тяжкого вреда их здоровью;

д) иное создание жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы.

Такой способ совершения геноцида, предусмотренного Статутом, как «убийство членов группы», таджикский законодатель описывает по-другому, а именно как «полное или частичное физическое истребление», хотя суть от этого не меняется, поскольку когда в Элементах преступлений дается толкование «истреблению», предусмотренному п. 1 (b) ст. 7 Статута как одному из альтернативных действий преступлений против человечности, то последнее описывается именно как «убийство одного или нескольких лиц, в том числе путем создания условий жизни, рассчитанных на то, чтобы уничтожить часть населения».¹⁸⁴

Такие альтернативные способы совершения геноцида по таджикскому уголовному законодательству, как насильственное воспрепятствование деторождению, принудительная передача детей из одной человеческой группы в другую и причинение тяжкого вреда их здоровью, в целом соответствуют аналогичным альтернативным действиям по конструкции объективной стороны геноцида, предусмотренного ст. 6 Статута МУС.

К иному созданию жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы, согласно Уголовному кодексу Республики Таджикистан следует отнести, например, преднамеренное заражение окружающей среды химическими токсинами, радиоактивными материалами или иными опасными для жизнедеятельности людей веществами, установление запрета на поставку определенной продукции в места массового проживания определенной группы, отказ в выделении необходимых средств для восстановления разрушенных или поврежденных

---

¹⁸⁴ Элементы преступлений. Ст. 7 п. 1 (b).

объектов жизнеобеспечения после стихийных бедствий или иных чрезвычайных событий и т. п.¹⁸⁵

Статья 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, так же как и ст. 6 Статута, для квалификации преступления не устанавливает условия фактического уничтожения идентифицируемой группы; достаточно, если совершено одно из действий, составляющих объективную сторону состава геноцида, но с обязательным условием – намерением подобного уничтожения.

Обязательным признаком субъективной стороны преступления геноцида по Уголовному кодексу Республики Таджикистан, так же как и по ст. 6 Статута МУС, является цель его совершения – полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы. И именно этим геноцид отличается от иных видов умышленного лишения жизни другого человека.

Таким образом, проанализировав положения ст. 6 Римского статута МУС, предусматривающей ответственность за геноцид, мы пришли к выводу, что они полностью отражены в ст. 398 («Геноцид») Уголовного кодекса Республики Таджикистан.

В п. «е» ч. 3 ст. 25 Римского статута закреплено, что лицо будет нести уголовную ответственность за прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида.

Несмотря на то что таджикский законодатель определил объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Геноцид», как преступление с усеченным составом (т. е. оно будет считаться оконченным «уже в момент совершения действий, а не после их выполнения»¹⁸⁶), все же полагаем, что положения Уголовного кодекса Республики Таджикистан не соответствуют Римскому статуту в смысле его п. «е» ч. 3 ст. 25. В сущности, по смыслу ст. 398

---

¹⁸⁵ *Вартанян В.М., Кибальник А. Г., Соломоненко И.Г.* Уголовная ответственность за геноцид. Ставрополь, 2001.

¹⁸⁶ *Коробеев А.И.* Ук.соч. С. 645.

Уголовного кодекса Республики Таджикистан лицо будет нести уголовную ответственность за геноцид лишь с момента совершения им одного из альтернативно предусмотренных способов осуществления геноцида, т. е. действий, направленных на полное или частичное уничтожение национальной, этнической, расовой или религиозной группы путем их полного либо частичного физического истребления, насильственного воспрепятствования деторождению либо передачи детей из одной человеческой группы в другую, причинения тяжкого вреда их здоровью либо иного создания жизненных условий, рассчитанных на физическое уничтожение членов этой группы. Такое деяние, как прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида, в таджикском законодательстве не предусмотрено. Полагаем, что для приведения в соответствие положений Уголовного кодекса Республики Таджикистан Статуту необходимо включить в Особенную часть Уголовного кодекса Республики Таджикистан норму с таким содержанием, которое предусмотрено в п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС.

Второе из преступлений, преследуемых МУС, – это преступления против человечности.

В ст. 7 (1) Статута закреплено, что «преступление против человечности» означает совершение деяний в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц, при том, что такое нападение совершается сознательно. Далее следует список из 11 деяний, признаваемых Статутом МУС преступлениями против человечности, при обязательном условии их совершения при вышеуказанных обстоятельствах:

- a) убийство;
- b) истребление;
- c) порабощение;
- d) депортация или насильственное перемещение населения;

е) заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы в нарушение основополагающих норм международного права;

f) пытки;

g) изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести;

h) преследование любой идентифицируемой группы или общности по политическим, расовым, национальным, этническим, культурным, религиозным, гендерным или другим мотивам, которые повсеместно признаны недопустимыми согласно международному праву, в связи с любыми деяниями, указанными в данном пункте, или любыми преступлениями, подпадающими под юрисдикцию Суда;

i) насильственное исчезновение людей;

j) преступление апартеида;

k) другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

Во введении к Элементам преступлений ст. 7 Римского статута предусмотрено, что «поскольку статья 7 Статута касается международного уголовного права, ее положения, в соответствии со статьей 22 Статута, должны строго толковаться с учетом того, что определяемые в статье 7 преступления против человечности входят в число самых серьезных преступлений, вызывающих обеспокоенность международного сообщества в целом, обуславливают и влекут за собой индивидуальную уголовную ответственность и предполагают совершение деяния, которое является недопустимым в соответствии с общепризнанными нормами

международного права, признаваемыми основными правовыми системами мира».¹⁸⁷

В соответствии с Элементами преступлений для каждого преступления, признаваемого преступлением против человечности согласно ст. 7 Статута МУС, указываются два последних элемента: участие в широкомасштабном или систематическом нападении на гражданское население и осведомленность о нем. Лицо, принимающее участие в преступлениях против человечности, но не знающее, что его действия совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения на гражданское население, может быть признано виновным в совершении убийства или даже военного преступления, но не может быть признано виновным Международным уголовным судом за совершение преступлений против человечности, хотя в соответствии с Элементами преступлений для этого не требуется, «чтобы преступник был осведомлен обо всех характеристиках нападения или точных деталях плана или политики государства или организации».¹⁸⁸ Кроме того, указывается, что в случае нападения, становящегося широкомасштабным или систематическим, субъективная сторона налицо, если исполнитель намеревался способствовать такому нападению. Например, в деле «Прокурор против Жермена Катанги» Палата предварительного производства установила, что Жермен Катанга, Матье Нгуджоло Шуи и другие, находящиеся под их командованием, встретились в Авебе и спланировали нападение на деревню Богоро 24 февраля 2003 г. На основании вышеизложенного Палата предварительного производства считает, что Жермен Катанга и Матье Нгуджоло Шуи знали о нападении, а также о том, что их действия были неотъемлемой частью широкомасштабных или систематических нападений, совершенных против гражданского населения.¹⁸⁹

---

¹⁸⁷ Элементы преступлений. Ст. 7.

¹⁸⁸ Там же.

¹⁸⁹ The Prosecutor v. G. Katanga, Case № ICC-01/04-01/07, 10 March 2008. URL: <http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc571253.pdf>. (дата обращения: 09.04.2014).

Вместе с тем в Элементах преступлений уточнено, что при установлении этих пороговых элементов преступлений против человечности Прокурор Суда не обязан доказывать, был ли исполнитель осведомлен обо всех характеристиках нападения или точных деталях плана, либо политики государства или организации. В отношении умысла указывается, что в случае нападения, становящегося широкомасштабным или систематическим, субъективная сторона налицо, если исполнитель намеревался способствовать такому нападению.

Определение преступления против человечности взято из Устава Нюрнбергского трибунала в его толковании и применении им с учетом новых моментов, появившихся в международном праве после Нюрнбергского процесса.¹⁹⁰ Следует отметить, что в ст. 6 Устава Международного военного трибунала перечень деяний, признаваемых преступлениями против человечности, был значительно короче¹⁹¹ и увеличился главным образом благодаря развитию международного права прав человека. Соответственно этот перечень был расширен пунктами, закрепляющими конкретные виды преступлений против человечности, которые уже были запрещены в международном праве, – апартеид, пытки и насильственные исчезновения. Некоторые термины, признанные в ходе Нюрнбергского процесса, были также разработаны и расширены. Например, к термину «депортация» были добавлены слова «насильственное перемещение населения», как признание осуждения такого явления, как «этнические чистки», особенно когда это происходит в пределах границы одного и того же государства. Тем не менее предложения о включении других деяний в состав преступлений против человечности, таких как «экономическое эмбарго», «терроризм» и «массовое голодание», не нашли достаточной поддержки.

---

¹⁹⁰ Костенко Н.И. Международный уголовный суд. М.: «Издательство Приор», 2002. С. 60.

¹⁹¹ Самович Ю.В. Генезис международно-правовой регламентации понятия «преступления против человечности» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 133.

И в определении геноцида, и в определении преступлений против человечности отсутствуют конкретные указания на то, что данные преступления могут быть совершены и в мирное время, хотя несомненно, это подразумевается в самом определении. Наиболее яркий пример расширения понятия преступлений против человечности можно найти в перечне половых преступлений. Устав Нюрнбергского трибунала не признавал изнасилование как вид преступления против человечности, по крайней мере, явных указаний там не было.¹⁹² Статут МУС идет гораздо дальше, закрепляя такие действия, как «изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, принудительная стерилизация или любые другие формы сексуального насилия сопоставимой тяжести».¹⁹³

Статут МУС оставляет возможность для будущего расширения и развития определения преступлений против человечности в последнем абзаце п. 1 ст. 7, где закреплены «другие бесчеловечные деяния аналогичного характера, заключающиеся в умышленном причинении сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью». Однако нужно отметить, что понятие «другие бесчеловечные деяния» действительно может быть сужено путем добавления слов «аналогичного характера», подразумевающих умышленное причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений, или серьезного ущерба психическому или физическому здоровью.

В Элементах преступлений применительно к п. 1 (k) ст. 7 Римского статута указывается, что преступления против человечности в виде других бесчеловечных актов означают, что исполнитель причинил сильные страдания или серьезные телесные повреждения, или ущерб психическому или физическому здоровью посредством бесчеловечного акта, который по

---

¹⁹² *Schabas W. Op. cit. P. 265.*

¹⁹³ Подробный анализ «половых преступлений» как одного из альтернативных деяний преступлений против человечности см.: *Oosterveld V. Gender, Persecution, and the International Criminal Court: Refugee Law's Relevance to the Crimes against humanity of Gender – based Persecution // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 17:49. 2006. P. 49–89.*

своему характеру был схож с любым другим актом, указанным в п. 1 ст. 7 Статута.¹⁹⁴

В ст. 7 Статута МУС определено также: «...если такое нападение совершается сознательно». Это условие можно соотнести с четким требованием о специальном намерении при определении геноцида, хотя вышеуказанное условие относительно преступлений против человечности и менее конкретизировано. Введение к Элементам преступлений¹⁹⁵ ст. 7 Статута предусматривает, что последние два элемента каждого преступления против человечности описывают контекст, в котором должно иметь место поведение. В ст. 7 (2) Статута МУС дается определение наиболее трудных положений п. 1 этой же статьи. Соответственно там закрепляются определения таких понятий, как «нападение», «истребление», «порабощение», «депортация» или «насильственное перемещение населения», «пытки», «принудительная беременность», «преследование», «преступление апартеида», «насильственное исчезновение людей».

В соответствии с Элементами преступлений¹⁹⁶ под «нападением на гражданское население», предусмотренным п. 2 (а) ст. 7 Статута, понимается поведение, которое включает многократное совершение против любых гражданских лиц актов, указанных в п. 1 ст. 7 Статута, предпринимаемых в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике.

Данное определение указывает, что нападение – это, прежде всего, многократное совершение актов. Как отмечает У. Фенрик, «убийство одного отдельно взятого гражданского лица не является преступлением против человечности».¹⁹⁷

Кроме того, нападение должно быть направлено против гражданского населения, что отличает его от многих других военных преступлений,

---

¹⁹⁴ Под «характером» понимается содержание и степень тяжести акта.

¹⁹⁵ Элементы преступлений. Ст. 7.

¹⁹⁶ Там же. Ст. 7 (2) (а).

¹⁹⁷ *Fenrick W. Should Crimes Against Humanity Replace War Crimes? // Columbia Journal of Transnational Law. 1999. P. 773.*

которые могут быть направлены против комбатантов или гражданских лиц. Эти действия не обязательно должны представлять собой военное нападение.¹⁹⁸ Имеется в виду, что «политика, направленная на совершение такого нападения», предполагает, что государство или организация активно поощряли такое поведение, как нападение на гражданское население, или подстрекали к нему. Кроме того, в Элементах преступлений уточняется, что «политика, при которой гражданское население является объектом нападения, осуществляется в контексте деятельности государства или организации. Такая политика может, в исключительных обстоятельствах, представлять собой преднамеренное бездействие, которое сознательно нацелено на подстрекательство к такому нападению. Вывод о проведении такой политики не может быть сделан лишь на основании отсутствия каких-либо действий со стороны правительства или организации».¹⁹⁹

Вместе с тем нападение должно быть «предпринято в целях проведения политики государства или организации, направленной на совершение такого нападения, или в целях содействия такой политике». Последнее выражение означает, что преступления против человечности при некоторых обстоятельствах могут совершить и негосударственные субъекты. Ранее считалось, что для совершения преступлений против человечности требуется реализация государственной политики. Это требование постепенно утратило свою силу благодаря развитию права и расширению понятия военных преступлений в ходе немеждународного вооруженного конфликта.

Хотя МУС еще не вынес приговора по преступлениям против человечности, в своих слушаниях по делам «Прокурор против Жермена Катанги» и «Прокурор против Жан Пьера Бембы Гомбо» он уже исследовал такое требование, как «наличие политики государства или организации». Понятие «государство» не вызывает никаких сложностей: согласно одному из классических подходов это совокупность территории, населения или

---

¹⁹⁸ Элементы преступлений. Ст. 7 (3).

¹⁹⁹ Там же. Ст. 7(1).

власти.²⁰⁰ Слово «организация» имеет несколько значений, наиболее подходящее дано в Толковом словаре под редакцией С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой: под организацией понимается общественное объединение или государственное учреждение.²⁰¹

В деле «Прокурор против Жана Пьера Бембы Гомбо» суд сделал вывод, что политика может осуществляться группами людей, которые управляют определенной территорией или любой организацией, в чьей власти совершать широкомасштабные или систематические атаки гражданского населения.²⁰²

Согласно п. 2 (е) ст. 7 Статута МУС «пытки» означают умышленное причинение сильной боли или страданий, будь то физические или психические, лицу, находящемуся под стражей или под контролем обвиняемого, при этом пытками не считаются боль или страдания, которые возникают лишь в результате законных санкций, неотделимы от этих санкций или вызываются ими случайно.

Отдельные составы преступлений против человечности охвачены ст. 403–404 Уголовного кодекса Республики Таджикистан (нападение на гражданское население или на отдельных гражданских лиц, депортация или перемещение всего населения или его части; пытки; применение практики апартеида и других негуманных и унижающих действий, оскорбляющих достоинство личности, основанных на расовой дискриминации), хотя в отличие от Римского статута в данных статьях речь идет о деяниях, совершенных в ходе международного или внутреннего вооруженного конфликта. Вместе с тем из числа деяний, подпадающих под признаки преступлений против человечности, предусмотренные ст. 7 Статута МУС, в Уголовном кодексе Республики Таджикистан отсутствуют такие нормы, как «истребление», «насильственное перемещение населения», «принудительная

---

²⁰⁰ *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2009. С. 112.

²⁰¹ *Ожегов С.И., Шведова Н. Ю.* Толковый словарь русского языка. М., 1992. С. 458.

²⁰² *The Prosecutor v. Bemba, Case № ICC-01/05-01/08, 15 June 2009.* URL: <http://icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc699541.PDF> (дата обращения: 20.09.2013).

беременность», «заключение в тюрьму или другое жестокое лишение физической свободы», «принудительная стерилизация» и «насильственное исчезновение людей». Однако следует уточнить, что в Уголовном кодексе республики эти нормы отсутствуют в связи с их соответствием точному контексту Римского статута, хотя подобные деяния в той или иной степени подпадают под действие иных составов преступлений, например, ст. 134 (принуждение), ст. 149 (незаконное ограничение передвижения, свободного выбора места жительства) Уголовного кодекса Республики Таджикистан и т. д.

Отметим, что когда разрабатывался и принимался законодательной властью республики ее Уголовный кодекс (21 мая 1998 г.), то в нем были реализованы положения Женевских конвенций 1949 г. и дополнительных протоколов к ним 1977 г., так как Таджикистан еще в 1993 г. ратифицировал данные документы, а Статут МУС Таджикистан подписал уже после вступления в силу своего Уголовного кодекса, т. е. 30 ноября 1998 г.

Поэтому содержащиеся в ст. 403–404 Уголовного кодекса Таджикистана отдельные составы преступлений против человечности не позволяют сделать вывод о соответствии трактовок преступлений против человечности, данных в ст. 7 Статута МУС, нормам таджикского Уголовного кодекса.

В связи с этим, как отмечает С.А. Раджабов, в главе 34 («Преступления против мира и безопасности человечества») Уголовного кодекса Республики Таджикистан необходимо предусмотреть ответственность за преступления против человечности в том виде, в каком они даны в ст. 7 Статута МУС, включая отсутствие увязки с каким-либо вооруженным конфликтом.²⁰³

Как мы отмечали выше, согласно ст. 7 (1) Статута МУС «преступление против человечности» означает совершение деяний в рамках широкомасштабного или систематического нападения, что не нашло своего отражения в уголовном законодательстве Республики Таджикистан.

Важным шагом в области приведения уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствие с его обязательствами,

---

²⁰³ Раджабов С.А. Указ. соч. С. 106.

вытекающими из членства в МУС, стало принятие Закона Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. № 808 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан»,²⁰⁴ согласно которому в Уголовный кодекс была включена ст. 143¹ под названием «Пытки», деяния, предусмотренные диспозицией которой, соответствуют определению пытки, данному в п. (f) ст. 7 Римского статута МУС.

Примечательно, что такое преступление, как пытки, помещено в главу 20 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, посвященную преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина. На основании этого мы можем сделать вывод, что непосредственным объектом преступления пытки являются общественные отношения, обеспечивающие конституционные права и свободы человека и гражданина.

Статья 143¹ Уголовного кодекса Республики Таджикистан состоит из трех частей и предусматривает уголовную ответственность за пытки. Согласно данной статье, пытки означают умышленное причинение физических и (или) психических страданий, совершенное лицом, производящим дознание или предварительное следствие, или иным должностным лицом либо с их подстрекательства или с молчаливого согласия либо с их ведома другим лицом с целью получить от пытаемого или третьего лица сведения или признания или наказать его за действие, которое совершило оно или в совершении которого оно подозревается, а также запугать или принудить его или третье лицо или по другой причине, основанной на дискриминации любого характера. Как мы видим по смыслу анализируемой статьи, субъект данного преступления может быть как специальный, т. е. лицо, производящее дознание или предварительное следствие, или иное должностное лицо, так и общий (не должностное лицо), т. е. другое лицо, совершающее пытки по подстрекательству или с молчаливого согласия либо с ведома этого специального субъекта.

---

²⁰⁴ Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2012. № 4 (1437). С. 176–177.

Аналогичное положение предусмотрено в Элементах преступлений к п. 1 (f) ст. 7 Статута, где дается такое толкование преступлениям против человечности в виде пытки, согласно которому виновное лицо причинило сильную физическую или нравственную боль или страдание одному или нескольким лицам, *которые находились под стражей или под контролем исполнителя*. В ч. 2 анализируемой статьи Уголовного кодекса Таджикистана предусмотрена квалификация данного преступления при таких обстоятельствах, как повторное совершение пыток; совершение группой лиц по предварительному сговору; в отношении женщины, заведомо для виновного находящейся в состоянии беременности, или лица, заведомо несовершеннолетнего, либо инвалида; с причинением средней тяжести вреда здоровью.

В ч. 3 анализируемой статьи Уголовного кодекса Республики Таджикистан предусмотрено совершение данного преступления при таких особо квалифицирующих обстоятельствах, как совершение пытки с причинением тяжкого вреда здоровью и повлекшее за собой по неосторожности смерть потерпевшего или иные тяжкие последствия.

Кроме того, пытки запрещены в Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г.²⁰⁵ Республика Таджикистан присоединилась к данной Конвенции 21 июля 1994 г.

Таким образом, сравнительный анализ Уголовного кодекса Таджикистана и Статута МУС показывает, что таджикский Уголовный кодекс не содержит определения преступлений против человечности, аналогичных закрепленным в Статуте МУС. Для приведения норм Особенной части Уголовного кодекса Республики Таджикистан в полное соответствие положениям Статута МУС предлагается внести в Уголовный кодекс нормы с таким содержанием, которое предусмотрено ст. 7 Статута МУС, а именно - определение и признаки составов преступлений против человечности с обязательным

---

²⁰⁵ Текст Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания от 10 декабря 1984 г. _ См.: Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. I. С. 466–475.

квалифицирующим признаком – «в рамках широкомасштабного или систематического нападения на любых гражданских лиц».

Военными преступлениями принято признавать деяния, состоящие в нарушении установленных основополагающими принципами международного права и международным гуманитарным правом правил ведения вооруженных конфликтов международного и немеждународного характера. Конкретные составы военных преступлений предусмотрены в Статуте МУС.

Законы войны зародились еще в древности. Вероятнее всего, за совершение военных преступлений стали привлекать к ответственности с момента возникновения уголовного права.²⁰⁶ Более того, в международном праве эта категория преступлений была одной из первых, за совершение которых привлекали к ответственности.

В своем нынешнем виде ст. 8 Статута МУС состоит из четырех категорий военных преступлений, первые две относятся к военным преступлениям, совершаемым в период международного вооруженного конфликта, а оставшиеся - относятся к военным преступлениям, совершаемым в ходе немеждународного вооруженного конфликта.

Первой категорией военных преступлений, перечисляемых в п. 2 (а) ст. 8 Статута, являются «серьезные нарушения» Женевских конвенций 1949 г. К ним относятся: умышленное убийство; пытки или бесчеловечное обращение, включая биологические эксперименты; умышленное причинение сильных страданий или серьезных телесных повреждений или ущерба здоровью; незаконное, бессмысленное и крупномасштабное уничтожение и присвоение имущества, не вызванное военной необходимостью; принуждение военнопленного или другого охраняемого лица к службе в вооруженных силах враждебной державы; умышленное лишение военнопленного или другого охраняемого лица права на справедливое и нормальное

---

²⁰⁶ *Green L.C.* International Regulation of Armed Conflict // International Criminal Law, 2nd edn, Ardsley, NY: Transnational Publisher / Ed. by M.Ch. Bassiouni, 2003. Vol. I. P. 355.

судопроизводство; незаконная депортация или перемещение или незаконное лишение свободы; взятие заложников.

Ни одно из положений п. 2 (а) ст. 8 Римского статута не утверждает, что оно применяется только к международным вооруженным конфликтам, хотя в соответствии с контекстом это обязательно должно быть так. Согласно Элементам преступлений для каждого преступления, признаваемого военным, согласно ст. 8 Статута МУС, указываются два критерия: деяние имело место в *ходе* международного вооруженного конфликта и было связано с ним; исполнитель сознавал фактические обстоятельства, свидетельствовавшие о существовании вооруженного конфликта.

Вместе с тем в Элементах преступлений дается уточнение, что при установлении этих пороговых критериев военных преступлений Прокурор Суда не обязан доказывать, был ли исполнитель осведомлен о наличии или отсутствии вооруженного конфликта, какова была правовая оценка исполнителем характера конфликта - как международного или немеждународного. В соответствии с Элементами преступлений существует только требование в отношении знания фактических обстоятельств, определяющих существование вооруженного конфликта, что подразумевается во фразе «имело место в контексте... и было связано с ним».²⁰⁷

Вводная часть п. 2 (а) ст. 8 Римского статута описывает серьезные нарушения как действия, совершаемые против лиц или имущества, охраняемых согласно положениям соответствующей Женевской конвенции. Никаких существенных изменений в формулировках положений Женевских конвенций и Римского статута нет.

Второй категорией военных преступлений, перечисленных в п. 2 (b) ст. 8 Римского статута, являются «другие серьезные нарушения законов и обычаев, применимых в международных вооруженных конфликтах в установленных рамках международного права».

---

²⁰⁷ Элементы преступлений. Ст. 8.

Данное положение указывает, что эта категория преступлений также относится к деяниям, совершенным в ходе международных вооруженных конфликтов. Приведенный в п. 2 (b) ст. 8 Римского статута перечень преступлений определяется как «Право Гааги», поскольку в основном состоит из правил, вытекающих из Гаагских конвенций 1907 г.

Остальные две категории военных преступлений, предусмотренных п. 2 (c) – (e) ст. 8 Римского статута, относятся к деяниям, совершенным в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, - отрасли международного права, которая вызывала наибольшие споры, по крайней мере, в историческом смысле. Задолго до принятия Женевских конвенций государства были готовы признать международно-правовые обязательства, включая международную уголовную ответственность, возникающие между ними. При этом они не были так решительны в своей готовности признавать международную уголовную ответственность за преступления, совершаемые в ходе вооруженных конфликтов немеждународного характера, гражданской войны, поскольку многие государства считали, что это их внутреннее дело и никто извне не должен вмешиваться.

Вопросом, подлежащим предварительному решению по обвинению по ст. 8 Римского статута, является существование вооруженного конфликта, будь то международный или немеждународный. С точки зрения времени совершения преступления некоторые военные преступления могут быть совершены после завершения открытых военных действий, в особенности те, которые связаны с репатриацией военнопленных. Таким образом, военные преступления фактически могут быть совершены, когда нет никакого вооруженного конфликта или после его завершения.

В шкале тяжести преступлений военные преступления обычно несколько ниже того уровня, на котором находятся геноцид или преступления против человечности, хотя бы потому, что они подлежат наказанию в качестве отдельных деяний и не требуют наличия элемента преднамеренности или свидетельства того, что они являются

широкомасштабными или систематическими. Преступления против человечности совершаются в рамках широкомасштабного или систематического нападения, а для признания геноцида необходимо совершение деяния со специальным намерением. А военные преступления могут охватывать даже изолированные действия отдельных солдат, действующих без руководства свыше. В то время как совершение преступлений против человечности и геноцида является достаточно серьезным основанием для вмешательства МУС, подобное не относится к совершению военных преступлений.

Исходя из того, что Республика Таджикистан 13 января 1993 г. ратифицировала Женевские конвенции 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним 1977 г., меры по криминализации военных преступлений в уголовном законодательстве были осуществлены при разработке и принятии Уголовного кодекса Республики Таджикистан 1998 г.

Глава 34 Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Преступления против мира и безопасности человечества» включает полный перечень серьезных нарушений норм международного гуманитарного права, которые считаются военными преступлениями.²⁰⁸ Установлена уголовная ответственность за следующие деяния: ст. 403 – умышленное нарушение норм международного гуманитарного права, совершенное в ходе вооруженного конфликта; ст. 404 – умышленные нарушения норм международного гуманитарного права, совершенные во время международного или внутреннего вооруженного конфликта с угрозой здоровью или повлекшие физические увечья; ст. 405 – иные нарушения норм международного гуманитарного права. Кроме того, по рекомендации Международного Комитета Красного Креста Правительство Республики Таджикистан разработало отдельный проект Закона от 12 мая 2001 г. № 26 «Об использовании и защите эмблем и наименований Красного Креста и

---

²⁰⁸ Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Официальный текст.

Красного Полумесяца в Республике Таджикистан».²⁰⁹ Закон был одобрен Маджлиси Оли в 2001 г. и его Постановлением от 4 февраля 2002 г. введен в действие.

Следует отметить, что судебная практика в отношении предусмотренных Уголовным кодексом Республики Таджикистан военных преступлений отсутствует из-за неоднократного объявления амнистий как для лиц, принимавших участие в военном противоборстве с Правительством Республики Таджикистан, так и для правительственных войск в годы гражданской войны (1992–1997 гг.).²¹⁰

Можно сказать, что абсолютное большинство военных преступлений, предусмотренных ст. 8 Статута, уже имплементировано в Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Исключения составляют лишь такие серьезные военные преступления:

- вероломное убийство или ранение лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии (ст. 8 (2) b XI);
- заявление о том, что пощады не будет (ст. 8 (2) b XII);
- изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как она определена в п. 2 (f) ст. 7 Римского статута, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также являющиеся грубым нарушением Женевских конвенций (ст. 8 (2) b XXII);
- умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду в качестве способа ведения войны (ст. 8 (2) b XXV);
- набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях (ст. 8 (2) b XXVI);
- ненадлежащее использование флага парламентария, флага или военных знаков различия и формы неприятеля или ООН (ст. 8 (2) b VII).

²⁰⁹ http://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30602076 (дата обращения: 26.04. 2014)

²¹⁰ *Раджабов С.А.* Уголовная ответственность за нарушение гуманитарных норм (на примере Кыргызской Республики и Республики Таджикистан) // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 4. С. 78.

С целью устранения указанных пробелов предлагается внести дополнения и изменения в действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан с тем, чтобы он отражал весь спектр военных преступлений, предусмотренных Римским статутом МУС, и был полностью совместимым.

Последнее из преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС согласно ст. 5 Римского статута, – это преступление агрессии.

Статут МУС и другие Уставы Трибуналов *ad hoc* при регламентировании материально-правовых основ ответственности за совершение агрессии в основном исходят из положений Устава и приговора Нюрнбергского трибунала. Данный Трибунал отверг утверждения о том, что включение в его Устав положений о незаконности и преступности агрессивной войны якобы имело односторонний характер. В связи с этим в приговоре Трибунала было отмечено, что «Устав не является произвольным осуществлением власти со стороны победивших народов, но... является выражением международного права, которое уже существовало ко времени его создания».²¹¹ Данный вывод был одобрен Генеральной Ассамблеей ООН²¹² и поддержан советской международно-правовой доктриной.²¹³

Статут МУС в качестве одного из преступлений, преследование за совершение которых подпадает под юрисдикцию МУС, предусмотрел агрессию, при условии, что она будет осуществляться «как только будет принято... положение, содержащее определение этого преступления и излагающее условия, в которых Суд осуществляет юрисдикцию касательно этого преступления» (п. 2 ст. 5 Статута).²¹⁴ На момент принятия Статут МУС не содержал определения агрессии, так как в ходе Римской конференции не удалось согласовать определение данного вида преступления. В целях

---

²¹¹ Нюрнбергский процесс. Сб. материалов. В 7 т. Т. VII. С. 363.

²¹² См. Резолюцию ГА ООН 95 (I).

²¹³ *Полянский Н.Н.* Международное правосудие и преступники войны. М., 1945; *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. М., 1948; *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956; *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс. М.: Наука, 1966.

²¹⁴ *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. С. 277.

определения понятия агрессии Ассамблея МУС учредила Специальную рабочую группу, которая была открытой для всех государств, принимавших участие в работе конференции 1998 г. и подписавших Заключительный акт Дипломатической конференции. Предполагалось, что группа представит свои предложения по агрессии на рассмотрение Ассамблеи государств - участников Статута.²¹⁵

Создатели Статута МУС предусмотрели проведение Конференции по обзору Статута через семь лет после его вступления в силу. Данная Конференция состоялась 31 мая – 11 июня 2010 г. в столице Уганды Кампале. В ходе ее работы были приняты поправки в Статут Суда, содержащие определение преступления: оно раскрывается в двух пунктах его новой ст. 8-bis. В первом пункте данной статьи содержится определение преступления агрессии, означающее «планирование, подготовку, инициирование или осуществление лицом, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, акта агрессии, который в силу своего характера, серьезности и масштабов является грубым нарушением Устава Организации Объединенных Наций».²¹⁶ Во втором пункте статьи содержится понятие акта агрессии, означающего применение вооруженной силы государством против суверенитета, территориальной неприкосновенности или политической независимости другого государства или каким-либо другим образом, не совместимым с Уставом ООН. Далее перечисляются действия, которые независимо от объявления войны в соответствии с резолюцией 3314 (XXIX) Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. признаются в качестве акта агрессии: а) вторжение или нападение вооруженных сил государства на территорию другого государства или любая военная оккупация, какой бы

---

²¹⁵ Кузьменков С.Ю. Разработка определения преступления агрессии в рамках Ассамблеи государств – участников Статута Международного уголовного суда // Международное право. М., 2007. № 1. С. 114.

²¹⁶ Резолюция RC/ Res. 6 Преступление агрессии. Приложение I: Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда по преступлению агрессии // International Criminal Court/ Assembly of State Parties/ Review Conference // URL: http://www2.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-Rus.pdf.

временный характер она ни носила, являющаяся результатом такого вторжения или нападения, или любая аннексия с применением силы на территории другого государства или ее части; б) бомбардировка вооруженными силами государства территории другого государства или применение любого оружия государством против территории другого государства; в) блокада портов или берегов государства вооруженными силами другого государства; г) нападение вооруженными силами государства на сухопутные, морские или воздушные силы или морские и воздушные флоты другого государства; д) применение вооруженных сил одного государства, находящихся на территории другого государства по соглашению с принимающим государством, в нарушение условий, предусмотренных в соглашении, или любое продолжение их пребывания на такой территории по прекращении действия соглашения; е) действие государства, позволяющее, чтобы его территория, которую оно предоставило в распоряжение другого государства, использовалась этим другим государством для совершения акта агрессии против третьего государства; ж) засылка государством или от имени государства вооруженных банд, групп, иррегулярных сил или наемников, которые осуществляют акты применения вооруженной силы против другого государства, носящие столь серьезный характер, что это равносильно перечисленным выше актам или его значительному участию в них (ст. 8-бис).²¹⁷

Согласно принятым поправкам к Элементом преступлений субъектом ответственности за совершение агрессии признается лицо, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии. Субъект преступления необязательно должен принимать конкретные решения по поводу войны и мира, но он должен участвовать в деятельности, представляющей исключительную важность для планирования, подготовки, инициирования или осуществления акта агрессии.

---

²¹⁷ Там же.

Для привлечения виновного к ответственности необходимо установить, что был совершен акт агрессии. Запрещенные деяния включают подготовительные этапы преступления от планирования и подготовки до развязывания и, в конечном счете, ведения агрессивной войны. Противоправные действия, квалифицируемые как агрессия, должны быть совершены умышленно. Субъект преступления должен сознавать фактические обстоятельства, указывающие на несовместимость применения вооруженной силы с Уставом ООН (ст. 15-бис).²¹⁸

Как отмечает Х.П. Кауль, ключевым моментом нового определения преступления агрессии является то, что в нем проводится четкое различие между деянием государства, которое влечет за собой ответственность государства, и деянием отдельного лица, фактически осуществляющего контроль над политическими или военными действиями государства, которое влечет за собой индивидуальную уголовную ответственность. Еще один важный вопрос, на который ссылается автор, – это так называемое пороговое требование, установленное в будущей ст. 8-бис (1) Римского статута. Согласно этому требованию акт агрессии со стороны государства должен в силу своего характера, серьезности и масштабов являться грубым нарушением Устава ООН. Необходимо одновременное наличие всех трех компонентов – характера, серьезности и масштабов акта агрессии, чтобы этот акт можно было считать грубым нарушением ст. 2 (4) Устава ООН.²¹⁹

Действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан, так же как и Уголовный кодекс России, определяет в качестве своей задачи обеспечение мира и безопасности человечества (ст. 2). Уголовный кодекс Республики Таджикистан предусматривает уголовную ответственность за агрессию в ст. 395, где речь идет о планировании, подготовке, развязывании и ведении агрессивной войны, и в ст. 396, где предусмотрена ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны. Непосредственным

---

²¹⁸ Там же.

²¹⁹ Кауль Х.П. Международный уголовный суд: перспективы после Кампальской конференции по обзору // Российский ежегодник международного права. 2010. Специальный выпуск. С. 82–83.

основным объектом преступления агрессии являются отношения, обеспечивающие мир, мирное сосуществование, добрососедские отношения между государствами и народами. Дополнительным непосредственным объектом в зависимости от конкретных обстоятельств могут быть жизнь, здоровье, отношения собственности, отношения по обеспечению культурного наследия народов.

Объективная сторона ст. 395 Уголовного кодекса Республики Таджикистан характеризуется альтернативно указанными действиями в диспозиции анализируемой статьи: планированием, подготовкой, развязыванием агрессивной войны. При этом следует уточнить, что планирование и подготовка агрессивной войны относятся к преступлениям с усеченным составом, в отличие от ст. 396 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, которая предусматривает уголовную ответственность за публичные призывы к развязыванию агрессивной войны и объективная сторона которой определена законодателем как формальный состав преступления.

В диспозиции ст. 395 и 396 Уголовного кодекса Республики Таджикистан нет никаких указаний на признаки специального субъекта, которые указаны в поправках к Элементам преступлений, а именно «лицо, которое в состоянии фактически осуществлять руководство или контроль за политическими или военными действиями государства, совершившего акт агрессии».²²⁰

Проведенный анализ показывает, что диспозиции ст. 395 и 396 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, предусматривая ответственность лишь за планирование, подготовку, развязывание агрессивной войны и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, по сравнению с Римским статутом предлагает весьма узкую трактовку, не содержащую всех компонентов акта агрессии в соответствии с

---

²²⁰ Резолюция RC/Res.6 Преступление агрессии [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.msal.ru/main/files/icctc2012rus_aggression_russian.pdf.

кампальскими поправками, и требует внесения изменений в Уголовный кодекс республики для его полного соответствия Статуту МУС.

Еще один вид преступлений, которые может преследовать МУС, – это преступления против отправления правосудия в МУС. В ст. 70 (1) Римского статута приведен перечень умышленно совершенных преступлений против правосудия, в отношении которых МУС обладает юрисдикцией.

Преступления против правосудия предусмотрены главой 32 Уголовного кодекса Республики Таджикистан и охватываются ст. 345–365 Кодекса. Как показывает сравнительный анализ, уголовное законодательство Республики Таджикистан в целом охватывает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Римского статута, что в свою очередь снимает вопрос о внесении основательных изменений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Однако вряд ли можно утверждать, что положения этой главы распространяются и на международные судебные учреждения, поскольку как глава 31 входит в раздел X Уголовного кодекса РФ, так и глава 32 входит в раздел IX Уголовного кодекса Республики Таджикистан «Преступления против государственной власти». Международный уголовный суд органом государственной власти не является.²²¹ И с учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить главу 32 и ст. 345 Уголовного кодекса Республики Таджикистан примечаниями о том, что приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия Судом.²²² Например, как и многие государства, Швейцария просто распространила действие существующих законов, сделав их применимыми к преступлениям против процедур МУС (ст. 309 швейцарского Уголовного кодекса).²²³

---

²²¹ *Марусин И.С.* Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 116.

²²² *Раджабов С.А.* Ук. соч. С. 110.

²²³ *Торманн О.* Вопросы, поднимавшиеся в связи с ратификацией и имплементацией Статута МУС в Швейцарии // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. С. 108.

Таким образом, сравнительный анализ положений Статута МУС и Уголовного кодекса Республики Таджикистан показывает:

1) положения Статута МУС в отношении принципов *nullum crimen sine lege u nulla poena sine lege* полностью предусмотрены в Уголовном кодексе Республики Таджикистан;

2) положения Статута МУС в отношении принципа отсутствия обратной силы *ratione personae* полностью предусмотрены в Уголовном кодексе Республики Таджикистан;

3) для приведения положений уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствие Статуту МУС необходимо включить в Особенную часть Уголовного кодекса Республики Таджикистан норму с таким содержанием, которое предусмотрено в п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС, т. е. предусмотреть уголовную ответственность за прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида;

4) принцип, предусмотренный ст. 28 Статута МУС, т. е. принцип ответственности командиров и других начальников, в отношении действий подчиненных, находящихся под их «эффективной властью и контролем», не нашел в таджикском Уголовном кодексе своего отражения; мы предлагаем включить в последний норму с аналогичным содержанием, которое закреплено в ст. 28 Статута МУС;

5) относительно неприменения сроков давности по отношению к преступлениям, подпадающим под юрисдикцию МУС, положения общей части Уголовного кодекса Республики Таджикистан соответствуют положениям Статута МУС;

6) Статут МУС предусматривает различные виды освобождения от уголовной ответственности, совершение деяния, в состоянии которых согласно ст. 24, 40, 42 Уголовного кодекса Республики Таджикистан исключает его противоправность. Уголовный кодекс Республики Таджикистан не предусматривает лишь такого основания для освобождения от ответственности, закрепленного Статутом, как нахождение лица в

состоянии интоксикации. Каких-либо имплементационных мер в связи с основаниями для освобождения от ответственности не требуется, поскольку в любом случае применимость этих оснований согласно ст. 31 (2) Статута определяется МУС;

7) в п. 2 ст. 33 Статута МУС закреплено, что приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными, в то время как в ст. 45 Уголовного кодекса Республики Таджикистан такое положение отсутствует. Исходя из вышеуказанного, полагаем необходимым включить в ст. 45 Уголовного кодекса Республики Таджикистан аналогичное положение, закрепленное в п. 2 ст. 33 Статута МУС;

8) Статут МУС не предусматривает смертной казни за совершенные преступления. Законом Республики Таджикистан «О приостановлении применения смертной казни в Республике Таджикистан» от 15 июля 2004 г. № 45²²⁴ назначение и применение данного вида наказания полностью приостановлено до неопределенного времени. Республика Таджикистан, внося существенные изменения в свое уголовное законодательство в области определения мер наказаний, тем самым привела его в соответствие со ст. 77 Статута МУС, где в качестве основного наказания предусматривается лишение свободы, которое может быть срочным (не более тридцати лет) либо пожизненным. Так, Уголовный кодекс был дополнен ст. 58¹ под названием «пожизненное лишение свободы» как альтернатива к смертной казни;

9) проанализировав положения ст. 6 Статута МУС, предусматривающей ответственность за геноцид, необходимо отметить, что эти положения предусмотрены в ст. 398 («Геноцид») Уголовного кодекса Республики Таджикистан; несмотря на то что таджикский законодатель сконструировал объективную сторону состава преступления, предусмотренного ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, т. е.

---

²²⁴ <http://www.legislationline.org/ru/documents/action/popup/id/14818> (дата обращения: 26.04.2014)

геноцида как преступления с усеченным составом (оно будет считаться оконченным «уже в момент совершения действий, а не после их выполнения»), все же полагаем, что положения Уголовного кодекса Республики Таджикистан не соответствуют положениям Статута, т.е. п. «е» ч. 3 ст. 25. В сущности, по смыслу ст. 398 Уголовного кодекса Республики Таджикистан лицо будет нести уголовную ответственность за геноцид лишь с момента совершения им одного из альтернативно предусмотренных способов осуществления геноцида. Анализ положений Уголовного кодекса Республики Таджикистан показал, что такое деяние, как прямое и публичное подстрекательство других к совершению геноцида, в таджикском законодательстве не предусмотрено. Полагаем, что для приведения положений уголовного законодательства Республики Таджикистан в соответствие с положениями Статута МУС необходимо включить в Особенную часть Уголовного кодекса Республики Таджикистан норму с таким содержанием, которое предусмотрено в п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС;

10) сравнительный анализ Уголовного кодекса Республики Таджикистан и Статута МУС показывает, что таджикский Уголовный кодекс не содержит определения преступлений против человечности, как оно дается в Статуте МУС, Уголовный кодекс Республики Таджикистан не предусматривает ответственность за отдельные составы преступлений против человечности в смысле их соответствия точному контексту Статута. В связи с этим было бы желательно все составы преступлений против человечности поместить в одну статью либо каждое преступное деяние - в отдельные самостоятельные статьи. Последний подход позволит облегчить работу должностных лиц, осуществляющих правосудие в Республике Таджикистан;

11) ст. 8 Статута МУС предусматривает военные преступления, абсолютное большинство которых уже имплементированы в Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Исключения составляют лишь такие, по смыслу Статута серьезные военные преступления, как:

- вероломное убийство или ранение лиц, принадлежащих к неприятельской нации или армии (ст. 8 (2) b XI);
- заявление о том, что пощады не будет (ст. 8 (2) b XII);
- изнасилование, обращение в сексуальное рабство, принуждение к проституции, принудительная беременность, как она определена в п. 2 (f) ст. 7 Статута, принудительная стерилизация и любые другие виды сексуального насилия, также являющиеся грубым нарушением Женевских конвенций (ст. 8 (2) b XXII);
- умышленное совершение действий, подвергающих гражданское население голоду, в качестве способа ведения войны (ст. 8 (2) b XXV);
- набор или вербовка детей в возрасте до 15 лет в состав национальных вооруженных сил или их использование для активного участия в боевых действиях (ст. 8 (2) b XXVI);
- ненадлежащее использование флага парламентария, флага или военных знаков различия и формы неприятеля или ООН (ст. 8 (2) b VII).

С целью устранения указанных пробелов предлагается внести дополнения и изменения в действующий Уголовный кодекс Республики Таджикистан с тем, чтобы он отражал весь спектр военных преступлений, предусмотренных Статутом МУС, и был полностью совместимым;

12) диспозиции ст. 395 и 396 Уголовного кодекса Республики Таджикистан, предусматривая ответственность лишь за планирование, подготовку, развязывание агрессивной войны и публичные призывы к развязыванию агрессивной войны, по сравнению со Статутом предлагают весьма узкую трактовку, не содержащую всех компонентов акта агрессии в соответствии с кампальскими поправками, и требуют внесения изменений в Уголовный кодекс республики для его полного соответствия Статуту МУС;

13) уголовное законодательство Республики Таджикистан в целом охватывает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Статута, что в свою очередь снимает с повестки дня вопрос о внесении основательных изменений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Однако с учетом

положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить главу 32 и ст. 345 Уголовного кодекса Республики Таджикистан примечаниями о том, что приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия МУС.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ СОТРУДНИЧЕСТВА РЕСПУБЛИКИ ТАДЖИКИСТАН С МЕЖДУНАРОДНЫМ УГОЛОВНЫМ СУДОМ

Кроме имплементации преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, в своем национальном уголовном законодательстве Таджикистан как государство - участник Статута МУС должен также обеспечить наличие необходимых процедурных механизмов, позволяющих осуществлять сотрудничество своих органов с Судом. Данное обязательство прямо вытекает из ст. 88 Статута МУС.

Осуществляя свою компетенцию, МУС выдает ордера на арест, запросы об истребовании доказательств, о получении свидетельских показаний и розыске подозреваемых и иные требования. Однако он не имеет полномочий вторгаться в пределы верховной власти государства и реализовывать эти решения по отношению к индивидам соответствующего государства.²²⁵ К тому же МУС не располагает своим аппаратом принуждения.²²⁶ В связи с этим считаем справедливой метафору А. Кассези о том, что трибунал представляет собой «гиганта без рук и ног»,²²⁷ (которую он применил в отношении Международного трибунала по бывшей Югославии, но его использование и относительно МУС считаем вполне уместным). Так вот, «руками и ногами» как для югославского трибунала,²²⁸ так и для МУС являются национальные власти.

Поскольку МУС является независимым и автономным межправительственным образованием, основанным на договоре, он уполномочен требовать сотрудничества только от государств-участников.

---

²²⁵ *Глотова С.В.* Сотрудничество государств с Международным уголовным судом // Правоведение. 2009. № 1. С. 48.

²²⁶ *Марусин И.С.* Международные уголовные судебные учреждения. СПб., 2004. С. 146.

²²⁷ *Cassese A.* On current trends towards criminal prosecution and punishment of breaches of International humanitarian law // European journal of International law. 1998. N 9. P. 13.

²²⁸ *Ibid.*

Последнее соответствует общему принципу права международных договоров о том, что договор не создает обязательств или прав для третьего государства без его на то согласия, закрепленного в ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.²²⁹ Юридическим основанием обязательств по сотрудничеству для государств – участников Статута является сам Римский статут МУС.

Следует заметить, что в Статуте предусмотрена возможность сотрудничества МУС и с государствами – неучастниками Статута; при этом юридическим основанием для подобного сотрудничества может быть одностороннее или двустороннее обязательство: 1) признание *ad hoc* юрисдикции МУС в отношении конкретного дела согласно ст. 12 (3); 2) специальная договоренность, соглашение или «иная соответствующая основа» об оказании помощи в соответствии с ч. 9 на основании ст. 87 (5).²³⁰

Необходимо иметь в виду, что помимо общего обязательства по сотрудничеству с Судом Статут МУС охватывает конкретные положения, регламентирующие порядок выполнения отдельных действий, связанных с оказанием правовой помощи. Кроме просьб о передаче лица, все остальные просьбы о правовой помощи могут быть отклонены запрашиваемым государством. При этом единственным основанием для отказа в оказании правовой помощи являются интересы национальной безопасности.²³¹

Часть 9 Статута МУС подразделяет все формы сотрудничества государств с МУС на две основные группы:

– сотрудничество по вопросам задержания, ареста и передачи МУС подозреваемых, обвиняемых, осужденных;

– сотрудничество по всем иным вопросам производства предварительного расследования и судебного разбирательства, а именно в установлении личности и местопребывания лиц и предметов, в получении

---

²²⁹ Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1986. № 37. С.772.

²³⁰ Глотова С.В. Сотрудничество государств с Международным уголовным судом. С. 54.

²³¹ Сафаров Н. Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда. Баку, 2002. С. 27.

свидетельских показаний, в том числе под присягой, и предоставлении доказательств, в том числе экспертных заключений, в производстве допроса обвиняемого, в предоставлении протоколов и документов, включая официальные протоколы и документы, в содействии добровольной явке лиц в качестве свидетелей или экспертов в Суд, в проведении осмотра мест или объектов, включая эксгумацию и осмотр захоронений, в производстве обысков и выемок, в защите потерпевших и свидетелей, в сохранении доказательств, в выявлении, отслеживании и замораживании или аресте вырубленных средств, имущества и доходов, а также орудий преступлений для цели последующей конфискации, а также предоставление любых других видов помощи, не запрещенных законодательством запрашиваемого государства, с целью содействия осуществлению расследования и уголовного преследования за преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда.²³²

Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан содержит специальный раздел, посвященный оказанию правовой помощи по уголовным делам, – раздел XIII «Основные положения о порядке взаимодействия судов, прокуроров, следователей и органов дознания с соответствующими органами и должностными лицами иностранных государств по уголовным делам». Однако указанная процессуальная норма регулирует межгосударственное сотрудничество по оказанию взаимной правовой помощи, не затрагивая вопросов сотрудничества с международными судебными учреждениями.

И поскольку в соответствии со Статутом его государства-участники обязуются, если это необходимо, изменить национальное законодательство так, чтобы обеспечить должную правовую базу для исполнения всех запросов МУС, считаем необходимым включение следующих вопросов в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан:

---

²³² *Марусин И.С.* Международные уголовные судебные учреждения: судостроительство и судопроизводство. С. 147.

- исполнение просьб МУС об аресте и передаче лица в его распоряжение;
- установление порядка сбора и сохранения доказательств для МУС;
- исполнение предписаний о наложении штрафа, конфискации и возмещении ущерба;
- определение процессуального порядка расследования и рассмотрения дел, подсудных МУС;
- включение положений Статута МУС, касающихся сотрудничества государств и их обязательств в этом направлении;
- установление отсрочки исполнения просьб о сотрудничестве;
- обеспечение конфиденциальности просьб;
- определение правового положения осужденных.

Представляется, что урегулирование вышеперечисленных вопросов в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан предотвратит в будущем возникновение затруднений при выполнении запросов МУС надлежащим образом.

Кроме того, следует принять специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом, в котором будут определены компетентные национальные государственные органы, отвечающие за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, а также формы оказания взаимной правовой помощи в ходе такого сотрудничества. Представляется, что в качестве национального государственного органа, отвечающего за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, должно быть определено Министерство юстиции Республики Таджикистан. Последнему как компетентному органу и должны направляться просьбы о сотрудничестве, исходящие от МУС; также оно должно принимать необходимые меры для исполнения просьб и координировать в случае необходимости деятельность, осуществляемую компетентными национальными органами в ходе исполнения просьб.

Для обеспечения сотрудничества с МУС Министерству юстиции Республики Таджикистан должны предоставляться следующие полномочия:

- получать просьбы о сотрудничестве, исходящие от МУС;
- выносить решение о приемлемости такого сотрудничества с МУС;
- вырабатывать процедуры сотрудничества;
- при необходимости выносить протесты в отношении юрисдикции МУС;
- выносить решение о принятии необходимых мер с целью осуществления сотрудничества, а также назначать конкретный компетентный орган, на который возлагается исполнение просьбы;
- информировать МУС о результатах исполнения просьбы;
- проводить консультации с МУС по вопросам, касающимся просьбы, в том случае, когда такая процедура предусматривается Статутом;
- при необходимости и в соответствии с законом принимать меры для назначения защитника и оказания других видов правовой помощи;
- принимать решение о передаче преследуемого лица МУС;
- на основании ст. 70 (4) (b) Статута передавать просьбу о судебном преследовании, полученную от МУС, в соответствующий компетентный орган власти;
- выносить решение по просьбе МУС с целью исполнения приговора о лишении свободы на территории Республики Таджикистан, принятия осужденного лица и взыскания штрафа и иного возмещения других расходов, требуемых МУС;
- в целях безотлагательного принятия мер, указанных в просьбе, определять формы и условия ее исполнения;
- передавать МУС от имени Республики Таджикистан доказательства и информацию, собранные таджикскими органами власти, если это позволит МУС начать процедуру преследования;
- обращаться с просьбой о возмещении расходов, связанных с исполнением просьбы, поступившей от МУС, когда такое возмещение предусматривается Статутом;

– выполнять другие функции, предусмотренные Статутом.

Следует особо подчеркнуть, что в ст. 19 (2) (b) (c) Статута МУС предусмотрена возможность вынесения протеста государством, обладающим юрисдикцией в отношении дела, на том основании, что оно ведет расследование или уголовное преследование по делу или провело расследование или уголовное преследование; или государством, от которого требуется признание юрисдикции в соответствии со ст. 12 Статута МУС. На основании вышеуказанного положения Статута МУС можно будет внести в предлагаемый нами закон положение о том, что Министерство юстиции Республики Таджикистан как компетентный национальный государственный орган при получении запроса о сотрудничестве, исходящем от МУС, проводит консультации с ведущими судебное расследование органами, определенными в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Таджикистан, и только после этого либо принимает к рассмотрению просьбу МУС, либо выносит протест в отношении юрисдикции МУС в соответствии со ст. 19 его Статута.

Помимо всего вышеперечисленного в предлагаемом законе нужно отметить, что просьбы, исходящие от МУС, и прилагаемые к ним материалы должны быть переведены на таджикский язык, или к ним должен прилагаться заверенный должным образом перевод на таджикский язык, поскольку если государство не указывает желательный для него язык сообщений, то такие сообщения могут отправляться на одном из рабочих языков Суда, что тоже может в свою очередь затруднить выполнение данных запросов.

Полагаем, что принятие специального закона, который предусматривал бы весь комплекс вышеперечисленных вопросов, связанных с сотрудничеством с МУС, и внесение вышеуказанных изменений в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан позволит привести в соответствие Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан со Статутом Международного уголовного суда.

К иным обязательствам, связанным с членством в МУС, относятся обязательства, вытекающие из подписания Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда от 9 сентября 2002 г.

Хотя Таджикистан и является государством - участником Статута МУС, к настоящему времени он пока не подписал вышеупомянутый документ, что, как нам кажется, в будущем может привести к невыполнению обязательств Таджикистана перед МУС.

Для того чтобы понять, каким образом неподписание Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда от 9 сентября 2002 г. может затруднить выполнение Таджикистаном его обязательств перед МУС, необходимо понять, что представляет собой данный документ.

Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда было принято в ходе заседания Ассамблеи государств - участников Статута МУС, проходившего 3-10 сентября 2002 г. в Центральных учреждениях Организации Объединенных Наций в Нью-Йорке.

Согласно ст. 35 (1) данного Соглашения оно вступает в силу через тридцать дней после даты сдачи на хранение Генеральному секретарю десятого документа о ратификации, принятии, утверждении или присоединении.

22 июня 2004 г. Канада стала десятым государством, ратифицировавшим Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда, и соответственно оно вступило в силу 22 июля 2004 г.

Анализируемое нами соглашение состоит из 39 статей, и в нем его государства-участники, учитывая положения ст. 48 Римского статута, согласились, что Суд пользуется на территории каждого государства-участника такими привилегиями и иммунитетами, какие являются необходимыми для достижения его целей (ст. 3 Соглашения).

В частности, государства – участники названного Соглашения согласились, что представители государств — участников Статута,

участвующие в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представители других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей в соответствии с п. 1 ст. 112 Статута, и представители государств и межправительственных организаций, приглашенных на заседания Ассамблеи и ее вспомогательных органов, при выполнении своих служебных функций и во время следования к месту заседания и обратно пользуются иммунитетом от личного ареста или задержания; иммунитетом от любых процессуальных действий в отношении сказанного или написанного и всего совершенного ими в служебном порядке, причем этот иммунитет продолжает действовать и после того, как соответствующие лица прекратили выполнять функции представителей (ст. 13 Соглашения).

Судьи, Прокурор, заместители Прокурора и Секретарь пользуются, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических миссий (ст. 15 Соглашения);

– заместитель Секретаря, сотрудники канцелярии Прокурора и сотрудники Секретариата пользуются такими привилегиями, иммунитетами и льготами, которые необходимы для независимого выполнения ими своих функций (ст. 16 Соглашения).

Также в соответствии со ст. 18–20 Соглашения о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда адвокатам и лицам, оказывающим помощь адвокатам, свидетелям, потерпевшим, экспертам и другим лицам, присутствие которых требуется в месте работы Суда, предоставляются привилегии и иммунитеты.

Столь широкие привилегии и иммунитеты, предоставляемые всем вышеперечисленным категориям лиц, обусловлены в первую очередь принципиальной необходимостью сохранения независимости международного уголовного судебного учреждения и стремлением защитить данный орган от контроля и вмешательства государств. Наоборот,

функциональная независимость МУС полностью опирается на гарантии государств не вмешиваться в его деятельность. Отсутствие привилегий и иммунитетов может также воспрепятствовать потерпевшим и свидетелям ов участию в работе Суда в связи с трудностями, с которыми они могут столкнуться.

В отличие от Международных трибуналов по бывшей Югославии и по Руанде, которые были созданы в рамках ООН, в результате чего в отношении этих организаций и их должностных лиц распространяется действие Конвенции о привилегиях и иммунитетах Организации Объединенных Наций от 13 февраля 1946 г.,²³³ МУС не был создан в качестве органа Организации Объединенных Наций. Следовательно, нужно было принять соответствующее соглашение, предоставляющее привилегии и иммунитеты должностным лицам МУС, его персоналу, а также всем лицам, присутствие которых требуется в месте работы Суда.

В соответствии со ст. 48 Римского статута судьи, Прокурор, заместители Прокурора и Секретарь пользуются, когда они участвуют в деятельности Суда или в отношении такой деятельности, теми же привилегиями и иммунитетами, которые предоставляются главам дипломатических представительств; судебно-процессуальный иммунитет любого рода в отношении всего сказанного, написанного ими, и действий, совершенных ими в официальном качестве, продолжает предоставляться им и после истечения срока их полномочий; заместитель Секретаря, сотрудники Канцелярии Прокурора и сотрудники Секретариата пользуются привилегиями, иммунитетами и льготами, необходимыми для выполнения ими своих функций в соответствии с соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда; защитнику, экспертам, свидетелям и любому другому лицу, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда, обеспечивается такой статус, какой является необходимым для надлежащего

---

²³³ Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. I. С. 823–829.

функционирования Суда, в соответствии с соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда.²³⁴

Соглашение о привилегиях и иммунитетах МУС не только воспроизводит эти положения, содержащиеся в ст. 48 Статута МУС, но и значительным образом расширяет круг лиц, обеспечиваемых привилегиями и иммунитетами, куда входят представители государств — участников Статута, участвующие в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представители других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей.

Следует также подчеркнуть, что государства — неучастники Статута также могут подписать данное соглашение, поскольку в соответствии со ст. 34 анализируемого соглашения оно «остается открытым для присоединения к нему всех государств». Так, Украина, не будучи государством — участником Статута МУС, приняла Закон «О присоединении Украины к Соглашению о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда» в октябре 2006 г., вступивший в силу 29 января 2007 г.

Хотя обязательство ратифицировать Соглашение о привилегиях и иммунитетах прямо не вытекает из Статута МУС, необходимо отметить, что положения названного соглашения являются важным инструментом толкования положений ст. 48 Статута,²³⁵ и, следовательно, государствам — участникам Статута целесообразно было бы подписать вышеназванный документ.

Республика Таджикистан, первой среди стран СНГ ратифицировавшая Статут Международного уголовного суда 11 декабря 1999 г., по непонятным нам причинам до сих пор не подписала анализируемое нами соглашение, что, как мы отмечали выше, может привести к невыполнению его обязательств перед МУС.

---

²³⁴ Статут МУС. Ст. 48.

²³⁵ *Nilsson C.* Contextualizing the Agreement on the Privileges and Immunities of the International Criminal Court // *Leiden Journal of International Law*. 2004. N 3. P. 564.

Как показал анализ Соглашения о привилегиях и иммунитетах МУС, данный документ по сравнению со ст. 48 Статута МУС расширяет круг лиц, обеспечиваемых привилегиями и иммунитетами, таким образом, что они распространяются и на представителей государств — участников Статута, участвующих в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителей других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей.

Относительно привилегий и иммунитетов, предоставляемых персоналу МУС при исполнении ими служебных обязанностей и предусмотренных ст. 48 Статута, К.Х. Солиев отмечает, что данный вопрос положительно разрешен в ч. 4 ст. 14 Уголовного кодекса Республики Таджикистан,²³⁶ согласно которой «вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и *иных граждан*, которые пользуются иммунитетом, в случаях совершения этими лицами преступления на территории Республики Таджикистан разрешается на основе норм международного права (курсив наш. – М. Х.)».²³⁷ Указанный выше автор полагает, что наряду с дипломатическими представителями иностранного государства соответствующий иммунитет предоставлен и «иным гражданам», в категорию которых согласно нормам Статута входят и должностные лица МУС.²³⁸

Как мы отмечали выше, вопрос о привилегиях и иммунитетах должностных лиц МУС, а именно судей, Прокурора, заместителей Прокурора и Секретаря достаточно четко разрешен в ст. 48 (2) Статута МУС, где их положение приравнивается к положению глав дипломатических представительств.

Соответственно Таджикистан, подписав Статут МУС, взял на себя обязательство признавать привилегии и иммунитеты вышеуказанных лиц.

---

²³⁶Солиев К.Х. Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и вопросы его соответствия положениям Римского Статута Международного Уголовного Суда С. 94.

²³⁷ Уголовный кодекс Республики Таджикистан.

²³⁸ Солиев К.Х. Там же.

Некоторая неясность может возникнуть в связи с тем, что в Статуте МУС закреплено, что заместители Секретаря, сотрудники Канцелярии Прокурора и сотрудники Секретариата пользуются привилегиями, иммунитетами и льготами, необходимыми для выполнения ими своих функций в соответствии с Соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда (ст. 48 (3)), а защитнику, экспертам, свидетелям и любому другому лицу, присутствие которых требуется в месте пребывания Суда, обеспечивается такой статус, какой является необходимым для надлежащего функционирования Суда, в соответствии с Соглашением о привилегиях и иммунитетах Суда (48 (4)). Иными словами, когда в тексте самой ст. 48 (3)-(4) идет ссылка на соглашение о привилегиях и иммунитетах МУС, государству-участнику, которым является Таджикистан, необходимо было бы подписать данное соглашение.

На основании вышеизложенного считаем, что Таджикистан должен гарантировать в своем законодательстве привилегии и иммунитет, предоставляемые не только должностным лицам МУС, его персоналу при исполнении ими служебных обязанностей, но и представителям государств – участников Статута, участвующим в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителям других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей, поскольку последние не являются ни должностными лицами МУС, ни его персоналом. В гипотетическом случае, придуманном нами (который может произойти и в реальности), в том случае, когда на основании п. 3 ст. 3 Статута Суд считает желательным заседать не в своей штаб-квартире в Гааге, а в другом месте, он может договориться с соответствующим государством об обеспечении его надлежащими условиями для выполнения своих функций (ст. 12 Соглашения). Представим, что Суд посчитал желательным заседать на территории Республики Таджикистан, и в случаях, когда представитель государства – участника Статута, участвующего в заседании Ассамблеи и ее вспомогательных

органов, или представитель другого государства, которое может участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателя, совершает какое-нибудь дорожно-транспортное правонарушение и будет задержан или арестован на территории Таджикистана. Если вышеупомянутое лицо обжалует действия должностных лиц Таджикистана относительно своего задержания или ареста и будет ссылаться на Соглашение о привилегиях и иммунитетах МУС, то соответствующие должностные лица Республики Таджикистан не смогут применить положения названного соглашения, так как Таджикистан его не подписал.

Таким образом, для предотвращения появления всяких затруднений при выполнении Таджикистаном взятых на себя обязательств согласно Римскому статуту считаем необходимым присоединение республики к Соглашению о привилегиях и иммунитетах МУС.

Еще одно обязательство, которое, по нашему мнению, вытекает из членства в МУС, заключается в том, что государства – участники Статута не должны заключать двусторонние соглашения с третьими государствами о передаче лиц Международному уголовному суду, согласно которым стороны берут на себя обязательство не передавать граждан друг друга МУС.

Как отмечалось выше, задача МУС заключается в том, чтобы предотвратить безнаказанность лиц, совершивших преступления, подпадающие под юрисдикцию Суда, через их привлечение к ответственности национальными судебными органами, а в случае несостоятельности последних - через осуществление юрисдикции МУС.

Необходимое условие для выполнения этой задачи заключается в том, что государства должны всецело сотрудничать с МУС в проведении уголовных расследований последним, и в силу запрета на вынесение судебных решений в отсутствие обвиняемого государства – участники Статута МУС должны выполнять просьбу МУС о передаче подозреваемых. Общее обязательство сотрудничать с Судом и конкретная обязанность

передавать подозреваемых лиц Суду закреплены в ч. 9 Статута «Международное сотрудничество и судебная помощь», в ст. 86 и 89 соответственно.

Сотрудничество государств с МУС – основа эффективной международной уголовной процедуры, однако данная обусловленность эффективности деятельности Суда порождает значительные трудности на практике.²³⁹

Так, Соединенные Штаты Америки, будучи «страной, вполне обоснованно претендующей на лидерство в современном мире, разошлись во мнениях с подавляющей частью мирового сообщества» проявив свое негативное отношение к МУС.²⁴⁰

Заметим, что США были в числе тех самых 7 государств, которые проголосовали против принятия Статута МУС, впоследствии, однако, подписали данный документ, а в итоге демонстративно сняли свою подпись, тем самым показав всему миру свое негативное отношение к МУС.²⁴¹

По мнению Правительства Соединенных Штатов Америки Статут МУС содержит принципиальные недостатки, в частности, утверждается, что положения Статута о его правомочии привлекать к ответственности граждан государств – неучастников Суда, совершивших преступления на территории государства-участника, без согласия первого государства противоречат Венской конвенции о праве международных договоров.

Подобные утверждения Правительства Соединенных Штатов Америки сомнительны и не выдерживают критики. Во-первых, потому, что деятельность МУС состоит в привлечении к ответственности не государств, а физических лиц, которые просто не могут быть участниками

---

²³⁹ Глотова С.В. Сотрудничество государств с Международным уголовным судом. С. 49.

²⁴⁰ Марусин И.С. Международный уголовный суд и США: влияние позиции отдельного государства на функционирование международного органа // Международные отношения и право: взгляд в XXI век. СПб., 2009. С. 397.

²⁴¹ US Signing of the Statute of the International Criminal Court / Ed. by S. D. Murphy // American Journal of International Law. 2001. N 2. P. 397.

международного договора.²⁴² Участниками международного договора могут быть государства, которые, ратифицируя Статут МУС, тем самым дают свое согласие на то, что в случае их неспособности МУС будет осуществлять свою юрисдикцию в отношении лиц, совершивших преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС. Это суверенное право государств разрешать международному органу осуществлять юрисдикцию в том же объеме, в каком сами государства ее осуществляли. В международном праве отсутствует правило, запрещающее государству передавать свое право юрисдикции международному суду.²⁴³ Несмотря на это США утверждают, что Римский статут нарушает принцип *pacta tertiis nec nocent nec prosunt*, согласно которому договор не может создать обязательств или прав для государства, не являющегося участником данного договора без его согласия. Это правило международного обычного права было кодифицировано в ст. 34 Венской конвенции о праве международных договоров²⁴⁴ (участником которого США не являются). Аналогичной точки зрения придерживается Д. Шеффер.²⁴⁵

Не подлежит сомнению, что Статут не создает прямых правовых обязательств для государств, которые не являются его участниками. Однако государства – неучастники Статута могут оказаться под его влиянием. Если гражданин государства – неучастника Статута обвиняется в совершении преступления, подпадающего под юрисдикцию МУС на территории государства – участника Статута, Суд может осуществить свою юрисдикцию, если определит, что государство не в состоянии или не желает преследовать это лицо (и нет других государств, которые могли бы осуществить свою юрисдикцию). Поскольку Суд принимает такое решение, в частности, исходя из попытки (или отсутствия такового) государств-неучастников самим

---

²⁴² Марусин И.С. Ук. соч. С. 401.

²⁴³ Hafner G., Boon K., Rubesame A., Huston J. A Response to the American View as Presented by Ruth Wedgwood // The European Journal of International Law. 1999. N 1. P. 117.

²⁴⁴ Действующее международное право Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учеб. пособие. Т. I. С. 200.

²⁴⁵ Sheffer D.J. The United States and the International Criminal Court // The American Journal of International Law. 1999. N 1. P. 18.

привлечь к ответственности обвиняемого, они вынуждены соответствовать такому требованию Статута МУС как «способность» («ability») и «желание» («willingness») относительно привлечения к ответственности виновного лица, в случае если они не хотят, чтобы Суд осуществлял свою юрисдикцию в отношении их гражданина. Следовательно, государства-неучастники для того, чтобы защитить своих граждан от юрисдикции Суда, сами должны привлекать их к ответственности.

Хотя может показаться, что это налагает обязательство на государства-неучастники Статута, запрещенное в международном праве принципом *pacta tertiis*, это всего лишь практическое следствие режима Римского статута, а не правового обязательства. Соответственно здесь идет речь не о распространении обязательной силы международного договора на третьи государства или о каких-то исключениях из принципа *pacta tertiis nec nocent nec procunt*, а об обязанности всех государств уважать международные договоры, а также ситуации и последствия, которые ими созданы.²⁴⁶

В отношении государств – неучастников Статута отсутствуют какие-либо обязательства соблюдать положения Статута о комплементарности. Им это может понадобиться только в случае, если они захотят предотвратить осуществление юрисдикции МУС над их гражданами, обвиняемыми в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС на территории государств – участников Статута. Тот факт, что большинство государств в самом деле захотят поступать именно так, больше говорит о политических реалиях, нежели о принципе *pacta tertiis*.²⁴⁷

Второй принципиальный недостаток Римского статута, по утверждению Правительства США заключается в том, что якобы МУС может

---

²⁴⁶ Талалаев А.Н. Право международных договоров. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / Отв. ред. Л.Н. Шестаков. М., 2011. С. 69.

²⁴⁷ Hafner G., Boon K., Rubesame A., Huston J. A Response to the American View as Presented by Ruth Wedgwood. P. 118.

выносить в отношении американских солдат «политически мотивированные»²⁴⁸ решения.

По справедливому мнению исследователей, если Соединенные Штаты Америки опасаются политически мотивированных преследований со стороны МУС, то ведь никто не принуждает их отправлять своих военнослужащих в другие государства. На территории своей страны, границы которой американские солдаты и призваны защищать, они полностью неподвластны МУС, поскольку США не являются участниками Статута. Такая возможность может возникнуть, если Соединенные Штаты Америки, проводя активную внешнюю политику с использованием вооруженных сил, рассчитывают на безнаказанность своих военнослужащих за совершенные «в результате ошибки» в ходе подобных операций убийства и увечья мирных жителей. Достижению такой цели МУС препятствует уже одним своим существованием.²⁴⁹

Не ограничившись тем, что они отозвали свою подпись от Римского статута, впоследствии правительство США начало требовать от всех государств, на территории которых были размещены американские войска, заключения соглашений, по которым данные государства берут на себя обязательство не передавать граждан США МУС. В противном случае США угрожали разорвать двустороннее военное сотрудничество и перестать оказывать военную помощь. Некоторые государства, например, Германия и Великобритания, подобные соглашения с США заключить отказались, но большинство государств такие договоры с США подписали.²⁵⁰ Среди подписавших данное соглашение есть как государства – неучастники Статута, так и его государства-участники.

Так, Ч.А. Мусабекова отмечает, что Кыргызстан подписал Статут МУС 12 декабря 1998 г., но пока не ратифицировал его. Она приводит

---

²⁴⁸ *Zappala S.* The Reaction of the US to the Entry into Force of the ICC Statute: Comments on UN SC Resolution 1422 (2002) and Article 98 Agreements // *Journal of International Criminal Justice*. Oxford University Press. 2003. N 1.P. 130.

²⁴⁹ *Марусин И.С.* Ук. соч. С. 402.

²⁵⁰ Там же. С. 396.

утверждения некоторых правозащитных организаций относительно того, что препятствием ратификации Статута МУС Киргизией являются наличие военной базы США «ГАНСИ» на территории Кыргызской Республики и опасения Правительства США относительно своих военнослужащих этой базы, которые могут оказаться в числе подследственных или подсудимых МУС.²⁵¹ И действительно, распоряжением премьер-министра Киргизии Н. Танаева был одобрен проект Соглашения между Правительством Кыргызской Республики и Правительством США о передаче лиц Международному уголовному суду. Согласно этому соглашению сторонами достигнута договоренность о взаимном обязательстве не передавать граждан друг друга МУС («Соглашение по статье 98» Статута).²⁵²

В числе государств, подписавших подобное соглашение с Соединенными Штатами Америки находится и Республика Таджикистан. При этом она является единственным государством в Центральной Азии, которое не только подписало, но и ратифицировало Статут МУС.

Правительства Республики Таджикистан и Соединенных Штатов Америки подписали 26 августа 2002 г. соглашение о неприкосновенности американских солдат перед Международным уголовным судом. Согласно Государственному департаменту США Таджикистан стал, таким образом, четвертой страной, откликнувшейся на призыв Вашингтона не передавать граждан США МУС. До Таджикистана подобное соглашение подписали Румыния, Израиль и Восточный Тимор.²⁵³

В выше упомянутых соглашениях подчеркивается, что они были заключены с учетом положений ст. 98 Статута МУС.

Согласно п. 1 ст. 98 Статута «Суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение или с просьбой о помощи, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, противоречащих его

---

²⁵¹ Мусабекова Ч.А. Статут Международного уголовного суда и Конституция Кыргызской Республики: соотношение, возможные коллизии, пути решения // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 4. С. 51.

²⁵² Там же.

²⁵³ <http://press.try.md/item.php?id=19358> (дата обращения: 06.11.2013).

обязательствам по международному праву в отношении государственного или дипломатического иммунитета лица или имущества другого государства, до тех пор, пока Суд не заручится сотрудничеством этого другого государства в вопросе отказа от иммунитета».

Пункт этой статьи предусматривает, что «Суд не может обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение, которая требовала бы от запрашиваемого государства действий, не совместимых с его обязательствами по международным соглашениям, в соответствии с которыми для предоставления какого-либо лица в распоряжение Суда требуется получение согласия направляющего государства, если только Суд сначала не заручится сотрудничеством направляющего государства в деле получения согласия на предоставление в распоряжение».

Как отмечает Х. ван дер Вильт, Римский статут основан на согласии государств, его учредивших, и его составители попытались найти баланс между высокими идеалами и политическими реалиями. Статья 98 Римского статута является воплощением данного подхода. Иначе говоря, цели МУС не будут осуществляться любой ценой, следовательно, обязательство государств-участников по сотрудничеству и передаче подозреваемых лиц в МУС не является абсолютным.²⁵⁴ Хотя закрепленное в ст. 98 (2) положение указывает, что МУС не должен обращаться с просьбой о предоставлении в распоряжение при некоторых обстоятельствах, вместе с тем данное положение уточняет обязательства государств-участников в этом отношении. Государства-участники не должны сталкиваться с неприятной ситуацией, которая требовала бы от них выполнения несовместимых с их обязательствами действий. Просьба о передаче МУС подозреваемого лица уступает место международным соглашениям с государствами – неучастниками Статута МУС, в силу которых государства – участники МУС

---

²⁵⁴ *Van der Wilt H.* Bilateral agreements between the United States and states-parties to the Rome Statute: Are they compatible with the object and the purpose of the Statute? // *Leiden Journal of international law.* 2005. N 1. P. 102.

имеют обязательство соблюдать иммунитет или особое положение в отношении граждан другого государства.²⁵⁵

Соединенные Штаты Америки в духе своей политики оппозиции к МУС используют регулирование ст. 98 (2) в качестве базиса для исключения своих граждан из-под юрисдикции. Однако, как отмечает С.В. Глотова, такое предупреждение юрисдикции МУС будет действовать лишь в том случае, если оно совместимо со Статутом.²⁵⁶

Дело в том, что, как утверждается в докладе международной неправительственной организации «Amnesty International», история разработки п. 2 ст. 98 Римского статута свидетельствует о том, что он был включен с целью обеспечения гарантии того, что существующие соглашения о статусе вооруженных сил²⁵⁷ не утратят силу в связи с принятием Римского статута.²⁵⁸ Далее вполне справедливо отмечается, что сама терминология ст. 98 (2), даже без всякой ссылки на историю разработки данной статьи, четко указывает на то, что ее разработчики имели в виду соглашения о статусе вооруженных сил, а не другие соглашения, поскольку оборот «направляющее государство» в п. 2 ст. 98 Римского статута является юридическим термином, используемым почти исключительно в подобных соглашениях для обозначения государства, чьи вооруженные силы дислоцированы в другом государстве (государство пребывания) в соответствии с соглашением.²⁵⁹ С. Заппала также отмечает, что положения ст. 98 (2) Римского статута по

---

²⁵⁵ Ibid.

²⁵⁶ Глотова С.В. Ук. соч. С. 59–60.

²⁵⁷ Подробнее о соглашениях о статусе вооруженных сил см.: Jane N. A Separate Law for Peacekeepers: The Clash between the Security Council and the International Criminal Court // *The European Journal of International Law*. 2005. N 2. P. 239–255. – Нельзя согласиться с анализируемым соглашением о статусе сил Д. Флеком, который вопреки всеобщему мнению отрицает то, что положения ст. 98 (2) относятся к стандартным соглашениям о статусе сил (see.: *Fleck D. Are Foreign Military Personnel Exempt From International Criminal Jurisdiction under Status of Forces Agreements?* // *Journal of International Criminal Justice*. 2003. Vol. 1. P. 651–670).

²⁵⁸ См. отчет, опубликованный на сайте международной правозащитной организации «Эмнести интернешнл» в 2002 г.: «International Criminal Court: US Efforts to Obtain Impunity for Genocide, Crimes Against Humanity and War Crimes». August 2002. <http://www.amnesty.org/fr/library/asset/IOR40/025/2002/fr/3187379a-d7f4-11dd-9df8-936c90684588/ior400252002en.pdf> (дата обращения: 17.11.2013).

²⁵⁹ Там же.

смыслу указывают на то, что они применимы лишь в отношении соглашений о статусе вооруженных сил (так называемые SOFA).²⁶⁰

С.В. Глотова поясняет также, что положение ст. 98 (2) «направлено на решение коллизионных проблем, например, когда государство, на территории которого дислоцируются военные контингенты, согласилось в соответствии со статусом этих сил предоставить право направившему государству осуществлять уголовную юрисдикцию над своим персоналом в случае совершения определенного вида преступлений». При отсутствии этого положения ст. 98 (2) такое соглашение вступало бы в противоречие с обязательствами о передаче подозреваемых МУС согласно его Статуту.²⁶¹ Еще одним примером соглашения, о котором идет речь в ст. 98 (2), может быть соглашение об экстрадиции, по которому в соответствии с принципом специализации предусматривается возможность требования от государства по получении его согласия возвращать подозреваемого, экстрадированного в другое государство, в случае, ином, чем для преследования его за преступление, которое было основанием его экстрадиции.²⁶²

Кроме того, история переговоров в ходе Римской конференции свидетельствует о том, что у разработчиков Статута МУС не было намерения ограничить сферу применения положения, предусмотренного ст. 98 (2) Статута МУС, рассматриваемыми (действующими) двусторонними соглашениями.

Для того чтобы признать соглашения между Соединенными Штатами и государствами – членами МУС относительно передачи лиц МУС совместимыми с его Статутом, необходимо решить наиболее дискуссионный вопрос относительно того, распространяются ли положения ст. 98 (2) лишь на соглашения, предшествующие вступлению в силу Римского статута, или возможно их распространение и на соглашения, заключенные после

---

²⁶⁰ *Zappala S.* The Reaction of the US to the Entry into Force of the ICC Statute: Comments on UN SC Resolution 1422 (2002) and Article 98 Agreements. P. 124.

²⁶¹ *Глотова С.В.* Ук. соч.С. 60.

²⁶² Там же.

вступления в силу Римского статута.²⁶³ Кроме того, не является правдоподобным аргумент относительно того, что формулировка ст. 98 (2) в отличие от формулировок других положений, содержащихся в таких статьях, как ст. 90 (6) и 93(3), не содержит определяющего прилагательного «существующие».²⁶⁴ Немаловажное значение имеет то, предшествовали ли двусторонние соглашения Римскому статуту или последовали за ним, имеет немаловажное значение, поскольку изначально разработчики Статута были обеспокоены тем, чтобы не нарушить уже существующие права и обязательства, вытекающие из международных соглашений, и именно этим можно объяснить включение в Статут положения ст. 98 (2) с таким содержанием. Тем более, такой тщательный подход является оправданным в силу ст. 30 Венской конвенции о праве международных договоров, в которой рассматривается иерархия между последующими заключенными договорами. Согласно этой же статье Венской конвенции о праве международных договоров предусмотренное в ней ограничение применяется также к заключению последующих соглашений с государствами, которые не являются участниками договора.

Таким образом, как отмечает С.В. Глотова, «соглашения, заключенные США, не будут подпадать под условия ст. 98 (2) и поэтому не будут иметь эффекта предупреждения выдачи лиц МУС».²⁶⁵

Теперь перейдем непосредственно к самому тексту соглашения, которое было заключено между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Соединенных Штатов.

Данное соглашение состоит из преамбулы, в которой подтверждается важность привлечения к судебной ответственности лиц, совершивших геноцид, преступления против человечества и военные преступления. Далее, ссылаясь на то, что Римский статут имеет целью дополнить, а не заменить

---

²⁶³ *Zappala S.* The Reaction of the US to the Entry into Force of the ICC Statute: Comments on UN SC Resolution 1422 (2002) and Article 98 Agreements. P. 122.

²⁶⁴ *Van der Wilt. H.* Op. cit. P.103.

²⁶⁵ *Глотова С.В.* Ук. соч. С. 60.

национальные уголовные юрисдикции, закрепляется выражение намерения каждой из сторон расследовать и «при необходимости» преследовать в судебном порядке в пределах юрисдикции МУС действия, якобы совершенные их должностными лицами, сотрудниками, военным персоналом или другими гражданами.²⁶⁶

Как мы видим, стороны лишь закрепляют «свое намерение расследовать и при необходимости преследовать в судебном порядке», что не равнозначно строгому взятию на себя государствами обязательств расследовать в обязательном порядке действия, совершенные их должностными лицами, сотрудниками, военным персоналом или другими гражданами.²⁶⁷

Целями Римского статута являются предотвращение безнаказанности лиц, совершивших массовые злодеяния, и эффективное уголовное преследование данных преступлений. Соглашение, которое не дает никаких гарантий эффективного преследования и расследования преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС, противоречит цели Римского статута, следовательно, будет считаться недействительным для цели все той же самой ст. 98 (2). Именно на этом основании соглашения, заключенные США с другими странами относительно передачи лиц МУС, подвергались критике.²⁶⁸

Далее дается определение тем лицам, которые охватываются данным соглашением, коими являются настоящие или бывшие правительственные

---

²⁶⁶ Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду (в редакции Соглашения от 27.09.2004 г.) //Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/international-legal-documents/double-sided/usa> (дата обращения: 26.04.2014).

²⁶⁷ *Zappala S.* Op. cit. P. 131.

²⁶⁸ *Jane N.* A Separate Law for Peacekeepers: The Clash between the Security Council and the International Criminal Court // *The European Journal of International law.* 2005. N 2. P. 249; *Crawford J., Sands P., Wilde R.* Joint Opinion in the Matter of the Statute of the International Criminal Court and in the Matter of Bilateral Agreements Sought by the United States under Article 98(2) of the Statute // *The European Journal of International law.* 2003. P. 22–23.

чиновники, служащие (включая контрактеров), или военный персонал или граждане одной «стороны».²⁶⁹

Как видно из этого определения, соглашение охватывает всех граждан сторон, тогда как, основываясь на интерпретации термина «направляющее государство», мы приходим к выводу, что государство может «направить» своих настоящих или бывших правительственных чиновников, служащих (включая контрактеров), или военный персонал в другое государство, но любого своего гражданина без каких-либо дифференцированных признаков, например, туристов или бизнесменов, оно не может «направить» в другое государство.

Далее в анализируемом нами соглашении в качестве особого условия оговаривается, что лица одной стороны, находящиеся на территории другой, за исключением определенно выраженного согласия первой стороны, не выдаются или передаются любым способом МУС, в каких бы то ни было целях, или не выдаются или передаются любым способом какому-нибудь другому субъекту или третьей стране, или не выдворяются в третью страну, с целью выдачи или передачи МУС.

Теперь проанализируем, соответствовало ли положение данного соглашения, заключенного между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Соединенных Штатов Америки, относительно передачи лиц Международному уголовному суду объекту и цели Римского статута.

По определению А.Н. Талалаева, объект международных договоров – это все о чем субъекты международного договора *договариваются* между собой (материальные и нематериальные блага, действия и воздержания от действий).²⁷⁰

При подписании Римского статута государства *договорились*, что самые серьезные преступления, вызывающие озабоченность всего международного сообщества, не должны оставаться безнаказанными и что их

---

²⁶⁹ Под сторонами здесь и далее в тексте имеются в виду Республика Таджикистан и Соединенные Штаты Америки.

²⁷⁰ Талалаев А.Н. Юридическая природа международного договора. М., 1963. С. 93.

действенное преследование должно быть обеспечено как мерами, принимаемыми на национальном уровне, так и активизацией международного сотрудничества.²⁷¹

Договорная цель – это то, чего хотят достичь государства в результате действия международного договора.²⁷²

При подписании Римского статута государства «были преисполнены решимости положить конец безнаказанности лиц, совершающих такие преступления, и тем самым способствовать предупреждению подобных преступлений».

Государства – участники Статута МУС обязаны его соблюдать и воздерживаться от действий, которые лишили бы его объекта и цели (ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров).²⁷³ Поскольку Соединенные Штаты Америки не ратифицировали Римский статут (более того, они отозвали свою подпись под ним), вполне очевидно, что они не обязаны воздерживаться от любых таких действий, в то время как Таджикистан, будучи государством – участником Римского статута МУС, обязан его соблюдать и воздерживаться от действий, которые лишили бы его объекта и цели.

Следовательно, любое соглашение, заключаемое государствами – участниками Статута, четко не предусмотренное в последнем и препятствующее МУС исполнять свои функции в качестве дополняющего органа в случае неспособности или нежелания государств привлекать виновных к ответственности, наносит ущерб цели и объекту Статута.

Необходимо упомянуть, что Римский статут - это такой договор, к которому нельзя делать оговорку. Поэтому исследователи относят его к

---

²⁷¹ Статут МУС. Преамбула.

²⁷² *Талалаев А.Н.* Ук. соч. С. 98.

²⁷³ Действующее международное право. Документы. В 3 т. / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учеб. пособие. Т. I. С. 195.

договорам, имеющим характер «все или ничего»,²⁷⁴ и любое исключение из данного договора должно быть истолковано ограничительно.

Теперь рассмотрим, как это двустороннее соглашение будет действовать в случае, когда граждане США будут обвиняться в совершении преступлений, подпадающих под юрисдикцию МУС на территории государства – участника, которое уже заключило такое соглашение с Соединенными Штатами Америки. Предположим, что были совершены серьезные нарушения Женевских конвенций в ходе международного вооруженного конфликта или был совершен акт геноцида. В зависимости от того, на территории какого государства были совершены преступления, данное государство может иметь конвенционное обязательство о привлечении виновных лиц к ответственности. Соединенные Штаты Америки не могли бы препятствовать таким преследованиям, если между ними и другим государством не было бы соглашения о статусе вооруженных сил США, размещенных на территории данного государства. Тем самым США утверждают, что они обладают первичной (преобладающей) юрисдикцией в отношении конкретных преступлений, совершенных их военнослужащими. Следовательно, это означает, что доступна другая внутригосударственная юрисдикция, которая в значительной степени может смягчить проблему.²⁷⁵

В другом случае, предположим, было совершено военное преступление в ходе немеждународного вооруженного конфликта или было совершено преступление против человечности. В таких случаях преследование со стороны государства, на территории которого было совершено преступление, не является обязательным, во всяком случае, государство не имеет конвенционных обязательств на этот счет. В силу принципа комплементарности государство будет обязано передать обвиняемого в МУС, если оно само не провело соответствующее расследование. Однако

---

²⁷⁴ *Zappala S.* Op. cit. P. 125.

²⁷⁵ *Van der Wilt H.* Op. cit. P. 104.

очевидно, что этот вариант исключается «освобождающим соглашением» т. е. двусторонним соглашением по ст. 98 Статута. При сложившихся обстоятельствах двухсторонние соглашения также не дают гарантии, что обвиняемые будут преследоваться по законодательству государства, гражданами которого они являются. Соглашение содержит намерение, выраженное Правительством Республики Таджикистан и Соединенных Штатов Америки «расследовать и при необходимости преследовать в судебном порядке в пределах юрисдикции Международного уголовного суда действия, якобы совершенные их должностными лицами, сотрудниками, военным персоналом или другими гражданами».²⁷⁶ Однако, как мы отмечали выше, такое намерение не равносильно тем строгим обязательствам, которые заполняют пробелы юрисдикции.²⁷⁷ Тем более, что законодательство Соединенных Штатов Америки охватывают не все преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС. К примеру, не все военные преступления, закрепленные в Римском статуте, четко определены в качестве таковых в федеральном законодательстве Соединенных Штатов Америки, в тех случаях, когда они совершаются за его пределами, аналогично и в отношении преступлений против человечности, за исключением пыток не охватываемых федеральным законодательством Соединенных Штатов Америки.²⁷⁸

Кроме того, МУС не в состоянии судить или оценивать осуществление внутригосударственной юрисдикции, так же как и США не имеют обязательств передавать своих граждан Суду в соответствии со ст. 89 Римского статута.

---

²⁷⁶ Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду (в редакции Соглашения от 27.09.2004 г.) <http://mmk.tj/international-legal-documents/double-sided/usa> (дата обращения: 26.04.2014).

²⁷⁷ *Zappala S.* The Reaction of the US to the Entry into Force of the ICC Statute: Comments on UN SC Resolution 1422 (2002) and Article 98 Agreements. P. 131.

²⁷⁸ См. отчет, опубликованный на сайте международной правозащитной организации «Эмнести интернешнл» в 2002 г.: «International Criminal Court: US Efforts to Obtain Impunity for Genocide, Crimes Against Humanity and War Crimes». August 2002. <http://www.amnesty.org/fr/library/asset/IOR40/025/2002/fr/3187379a-d7f4-11dd-9df8-936c90684588/ior400252002en.pdf> (дата обращения: 17.11.2013).

Несмотря на приведенные выше положения Соглашения о том, что стороны намереваются расследовать и при необходимости преследовать в судебном порядке в пределах юрисдикции МУС действия их граждан, мы разделяем точку зрения исследователей, которые считают, что данное соглашение не предоставляет Соединенным Штатам Америки преимущественной юрисдикции, а лишь закрепляет, что другая сторона (в нашем случае Республика Таджикистан) не может осуществлять передачу лиц МУС.²⁷⁹

Таким образом, проанализировав основные положения двустороннего соглашения между Правительством Республики Таджикистан и Соединенными Штатами Америки, мы пришли к выводу, что ст. 98 (2) изначально не предназначалась для того, чтобы разрешить освобождение от преследования МУС посредством заключения государствами двусторонних соглашений, тем самым подрывающих механизм действия Римского статута. История разработки п. 2 ст. 98 Римского статута свидетельствует о том, что он был включен в Статут с целью обеспечения гарантии того, что существующие соглашения о статусе вооруженных сил не утратят силу в связи с принятием Римского статута, а соглашения государств-членов с Соединенными Штатами Америки преследуют цель исключить юрисдикцию МУС.

В условиях отказа администрации США от сотрудничества с МУС и непризнания ими юрисдикции последнего (даже для преступлений, совершенных на территории государств - участников Римского статута) выдача государством – членом МУС лиц, разыскиваемых Судом в США, а не в МУС, будет означать нарушение государством-участником обязательств по Римскому статуту.²⁸⁰

В свете высказанных выше мнений полагаем, что подписание Таджикистаном данного соглашения, с тем содержанием, с каким оно было

---

²⁷⁹ Ibid.

²⁸⁰ <http://www.hrights.ru/text/b16/Chapter26.htm> (дата обращения: 06.11.2013).

принято, не будет соответствовать обязательствам, которые вытекают из его членства в Международном уголовном суде.

Единственной возможностью избежать противоречий между обязательствами государства-участника по Статуту МУС и соглашением с США 2002 г. является то, что государство-участник само должно осуществлять юрисдикцию в отношении граждан США. Существуют следующие основные причины для такого вывода:

– несмотря на то что государство – участник Статута заключило соглашение с государством – неучастником Статута, согласно которому подчинило передачу лица МУС на наличие согласия государства-неучастника, оно продолжает нести обязательства согласно преамбуле Римского статута, требующего от государств-участников сотрудничать в действенном преследовании предполагаемых преступников за совершение ими преступлений. В таких случаях государство – участник Статута МУС должно гарантировать привлечение к ответственности лица либо перед своим собственным судом, либо перед судом государства-неучастника. При этом в последнем случае дело не может быть оставлено на усмотрение властей третьего государства. Необходимо, чтобы были специальные гарантии того, что преступления будут расследоваться должным образом и, если будут достаточные доказательства виновности обвиняемых, они будут нести ответственность;

– Статут позволяет государствам-участникам соблюдать их обязательства перед третьими государствами лишь с тем условием, что это не лишит его объекта и цели: привлечение к ответственности лиц, совершивших серьезные преступления по смыслу Статута. Поэтому, когда государство является участником и Статута МУС, и двустороннего соглашения по его ст. 98, оно должно обеспечить, что лица, охватываемые соглашением по ст. 98 Статута, будут нести ответственность либо перед его судом – конечно же, при условии, что эти лица не обладают иммунитетом, упомянутым в п. 1 ст. 98 Статута, - либо перед компетентным судом *направляющего государства*.

Таким образом, подобные соглашения приемлемы, только если государство-участник готово надлежащим образом расследовать и преследовать преступления, подпадающие под юрисдикцию МУС. Если Республика Таджикистан, будучи государством – участником Статута МУС, не намеревается осуществлять свою юрисдикцию, возможны следующие варианты:

– Таджикистан может передать обвиняемого Соединенным Штатам Америки, в случае наличия доказательств *prima facie* виновности лица, только в случае получения специальных гарантий со стороны США, что преступление будет расследовано должным образом;

– другим возможным вариантом Республики Таджикистан для передачи обвиняемого Соединенным Штатам Америки является то, что она может передать на рассмотрение МУС, «способно» ли и «желают» ли Соединенные Штаты Америки преследовать виновное лицо; если МУС ответит утвердительно, то Республика Таджикистан может передать обвиняемого США. Тем более, что подобное решение уже предусмотрено ст. 90 Статута в отношении коллидирующих запросов об экстрадиции; то же самое может в равной степени применяться и к соглашениям по ст. 98 Статута МУС.²⁸¹ К тому же согласно п. 1 правила 195 Правил процедур и доказывания, если запрашиваемое государство уведомляет МУС о том, что в связи с просьбой о передаче или помощи возникает проблема с исполнением в отношении ст. 98, запрашиваемое государство представляет всю соответствующую информацию, с тем чтобы помочь МУС в применении ст. 98 его Статута. Любое соответствующее третье государство или направляющее государство может представить дополнительную информацию для оказания помощи МУС.²⁸²

В случае если МУС согласно ст. 90 Статута, рассмотрев, «способны» ли и «желают» ли Соединенные Штаты Америки преследовать виновное

---

²⁸¹ Zappala S. Op. cit. P. 130.

²⁸² Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда, правило 195 (1) // Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. С. 361.

лицо, все-таки ответит отрицательно, то Республика Таджикистан столкнется с неприятной ситуацией, требующей от нее выполнения несовместимых с ее обязательствами действий. Полагаем, что во избежание подобной ситуации Правительству Республики Таджикистан необходимо обратиться с предложением к другой стороне Соглашения (т. е. к Правительству США) изменить некоторые положения данного Соглашения, отмеченные нами выше, а в случае отсутствия согласия другой стороны - расторгнуть соглашение с США относительно передачи лиц МУС от 2002 г.

Таким образом, сравнительный анализ положений Римского статута МУС с уголовно-процессуальным законодательством Республики Таджикистан, а также с теми соглашениями, которые мы проанализировали в рамках данной главы, показывает:

- 1) уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан должно быть адаптировано для целей сотрудничества с МУС. Для этого нужно внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, а также принять специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом, где будут определены компетентные национальные государственные органы, отвечающие за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, а также формы оказания взаимной правовой помощи в ходе такого сотрудничества. Представляется, что в качестве национального государственного органа, отвечающего за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, должно быть определено Министерство юстиции Республики Таджикистан. Последнему как компетентному органу и должны направляться просьбы о сотрудничестве, исходящие от МУС; также оно должно принимать необходимые меры для исполнения просьб и координировать в случае необходимости деятельность, осуществляемую компетентными национальными органами в ходе исполнения просьб;

2) как показал анализ Соглашения о привилегиях и иммунитетах МУС, данный документ по сравнению со ст. 48 Статута МУС расширяет круг лиц, обеспечиваемых привилегиями и иммунитетами, таким образом, что они распространяются и на представителей государств – участников Статута, участвующих в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителей других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей. Таджикистан должен гарантировать в своем законодательстве привилегии и иммунитет, предоставляемые не только должностным лицам МУС, его персоналу при исполнении ими служебных обязанностей, но и представителям государств – участников Статута, участвующим в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителям других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей, поскольку последние не являются ни должностными лицами МУС, ни его персоналом;

3) в случае если МУС согласно ст. 90 Статута, рассмотрев, «способны» ли и «желают» ли Соединенные Штаты Америки преследовать виновного лица, все-таки ответит отрицательно, то Республика Таджикистан столкнется с неприятной ситуацией, требующей от нее выполнения несовместимых с ее обязательствами действий. Полагаем, что во избежание подобной ситуации Правительству Республики Таджикистан необходимо обратиться с предложением к другой стороне Соглашения (т. е. к Правительству США) изменить некоторые положения данного Соглашения, отмеченных нами выше, а в случае отсутствия согласия другой стороны - расторгнуть соглашение с США относительно передачи лиц МУС от 2002 г.

Принятие данных предложений позволит привести к полному соответствию уголовного и уголовно-процессуального законодательства Республики Таджикистан Статуту Международного уголовного суда.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В связи с вышеизложенным мы приходим к следующим выводам.

1. Исходя из того факта, что Таджикистан уже признал юрисдикцию МУС, подписав его Статут, и что необходимые изменения в Основной закон государства не были внесены, для устранения данного противоречия считаем необходимым осуществление официального толкования Конституционным судом Республики Таджикистан норм Конституции Республики Таджикистан относительно вопросов осуществления правосудия по уголовным делам с учетом положений норм Римского статута.

2. Полагаем, что для снятия всех противоречий между Статутом МУС и Конституцией Республики Таджикистан относительно процедуры передачи лиц, совершивших преступления, которые подпадают под юрисдикцию МУС, Таджикистан должен внести следующую поправку в свою Конституцию: «Гражданин Республики Таджикистан может быть передан международным судебным учреждением, участником которых является Республика Таджикистан, для привлечения к ответственности в соответствии с учредительными договорами данных учреждений».

3. С целью приведения в соответствие положениям Статута норм Общей части Уголовного кодекса Республики Таджикистан предлагается внести в последний нормы с аналогичным содержанием следующих принципов Римского статута:

а) норма п. «е» ч. 3 ст. 25 Статута МУС, согласно которой лицо подлежит уголовной ответственности и наказанию за преступление, подпадающее под юрисдикцию Международного уголовного суда, если это лицо прямо и публично подстрекает других к совершению геноцида;

б) норма ст. 28 Статута МУС, предусматривающая принцип ответственности командиров и других начальников в отношении действий подчиненных, находящихся под их «эффективной властью и контролем»;

в) норма п. 2 ст. 33 Статута МУС, закрепившая, что приказы о совершении преступления геноцида или преступлений против человечности являются явно незаконными.

В диссертационной работе сформулированы предложения о включении в Уголовный кодекс Республики Таджикистан норм, отражающих вышеуказанные принципы и составы преступлений Статута МУС.

4. Сравнительный анализ Уголовного кодекса Республики Таджикистан и Римского статута МУС показывает, что таджикское уголовное законодательство не содержит определения преступлений против человечности, как оно дается в Статуте МУС, уголовное законодательство Республики Таджикистан не предусматривает ответственность за отдельные составы преступлений против человечности в смысле их соответствия точному контексту Римского статута. В связи с этим было бы желательно все составы преступлений против человечности поместить в одну статью либо каждое преступное деяние - в отдельные самостоятельные статьи. Последний подход позволит облегчить работу должностных лиц, осуществляющих правосудие в Республике Таджикистан.

5. Уголовное законодательство Республики Таджикистан в целом охватывает всю совокупность деяний, предусмотренных ст. 70 (1) Римского статута, что в свою очередь снимает с повестки дня вопрос о внесении основательных изменений в Уголовный кодекс Республики Таджикистан. Однако с учетом положений ст. 70 (4, «а») Статута необходимо дополнить главу 32, ст. 345 Уголовного кодекса Республики Таджикистан примечаниями о том, что приведенные нормы действуют в полном объеме и в отношении преступлений, совершенных против отправления правосудия МУС.

6. Уголовно-процессуальное законодательство Республики Таджикистан должно быть адаптировано для целей сотрудничества с МУС. Для этого нужно внести соответствующие изменения в Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан, а также принять

специальный закон о сотрудничестве с Международным уголовным судом, в котором будут определены компетентные национальные государственные органы, отвечающие за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, а также формы оказания взаимной правовой помощи в ходе такого сотрудничества. Представляется, что в качестве национального государственного органа, отвечающего за сотрудничество между международным судебным органом и Республикой Таджикистан, должно быть определено Министерство юстиции Республики Таджикистан. Последнему как компетентному органу и должны направляться просьбы о сотрудничестве, исходящие от МУС; также оно должно принимать необходимые меры для исполнения просьб и координировать в случае необходимости деятельность, осуществляемую компетентными национальными органами в ходе исполнения просьб.

7. Как показал анализ Соглашения о привилегиях и иммунитетах МУС, данный документ по сравнению со ст. 48 Статута МУС расширяет круг лиц, обеспечиваемых привилегиями и иммунитетами, таким образом, что они распространяются и на представителей государств — участников Статута, участвующих в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителей других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей. Таджикистан должен гарантировать в своем законодательстве привилегии и иммунитет, предоставляемые не только должностным лицам МУС, его персоналу при выполнении ими служебных обязанностей, но и представителям государств — участников Статута, участвующим в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов, представителям других государств, которые могут участвовать в заседаниях Ассамблеи и ее вспомогательных органов в качестве наблюдателей, поскольку последние не являются ни должностными лицами МУС, ни его персоналом.

8. Правительству Республики Таджикистан необходимо обратиться с предложением к другой стороне Соглашения между правительством

Республики Таджикистан и правительством Соединенных Штатов Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду от 27 августа 2002 г. об изменении некоторых положений в связи с возникновением вопросов совместимости с обязательствами, вытекающим из членства Республики Таджикистан в Международном уголовном суде. В случае отсутствия согласия другой стороны предлагается расторгнуть в одностороннем порядке соглашение с Соединенными Штатами Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду от 2002 г.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Международные нормативно-правовые и официальные акты

1. Устав Организации Объединенных Наций 1945 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 11–35.

2. Статут Международного Суда ООН 1945 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 797–811.

3. Устав Международного Военного Трибунала для суда и наказания главных военных преступников европейских стран оси // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 293–294.

4. Конвенция о мирном решении международных столкновений 1907 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 776–787.

5. Международная конвенция о ликвидации всех форм расовой дискриминации 1965 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 256–257.

6. Конвенция о неприменимости срока давности к военным преступлениям и преступлениям против человечества 1968 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 198–201.

7. Международная конвенция о борьбе с вербовкой, использованием, финансированием и обучением наемников от 4 декабря 1989 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 191–197.

8. Конвенция о запрещении разработки, производства, накопления и применения химического оружия и о его уничтожении от 13 января 1993 г. //

Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 200–206.

9. Конвенция о мирном разрешении международных столкновений от 5 (18) октября 1907 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 389–399.

10. Договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики от 27 августа 1928 г. // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 569–570.

11. Международный пакт о гражданских и политических правах // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 232–249.

12. Резолюция 3314, принятая XXIX сессией Генеральной Ассамблеи ООН от 14 декабря 1974 г. «Об определении агрессии» // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 570–573.

13. Всеобщая декларация прав человека // Действующее международное право. Документы. В 3 т. Т. 1 / Сост. Ю.М. Колосов, Э.С. Кривчикова. Учеб. пособие. М.: Междунар. отношения, 2002. С. 232–249.

14. Заключительный акт Дипломатической конференции полномочных представителей под эгидой Организации Объединенных Наций по учреждению Международного уголовного суда (Рим, Италия, 15 июня – 17 июля 1998 г.). // Док. ООН A/CONF. 183/10 от 17 июля 1998 г.

15. Римский статут Международного уголовного суда 1998 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2726–2768.

16. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории бывшей Югославии, от 25 мая 1993 г. //

Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2711–2719.

17. Устав Международного трибунала для судебного преследования лиц, ответственных за геноцид и другие серьезные нарушения международного гуманитарного права, совершенные на территории Руанды, и граждан Руанды, ответственных за геноцид и другие подобные нарушения, совершенные на территории соседних государств, от 8 ноября 1994 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2719–2726.

18. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 398–400.

19. Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов от 10 декабря 1982 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2534–2538.

20. Конвенция о борьбе с незаконными актами, направленными против безопасности гражданской авиации, от 23 сентября 1971 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2528–2532.

21. Конвенция ООН о борьбе с бомбовым терроризмом от 15 декабря 1997 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2539–2546.

22. Конвенция Организации Объединенных Наций по морскому праву от 16 декабря 1970 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2538–2546.

23. Европейская конвенция о пресечении терроризма от 27 января 1977 г. // Международное публичное право. Сб. документов. В 2 ч. / Сост. К.А. Бекашев, Д.К. Бекашев. Ч. II. М.: Изд-во Проспект, 2006. С. 2561–2564.

24. Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним // Женевские конвенции от 12 августа 1949 г. и Дополнительные протоколы к ним. 3-е изд., испр. М.: Международный Комитет Красного Креста, 2003.

25. Конвенция о пресечении преступления апартеида и наказания за него 1973 г. // Справочная правовая система Гарант, версия от 16.09.2013 г.

26. Конвенция о запрещении военного или любого иного враждебного средства воздействия на природную среду от 18 мая 1977 г. // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1980. Вып. 34. С. 437–440.

27. Конвенция о защите культурных ценностей в случае вооруженного конфликта от 14 мая 1954 г. // Международное право. Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. С. 38–54.

28. Конвенция о запрещении или ограничении применения конкретных видов обычного оружия, которые могут считаться наносящими чрезмерные повреждения или имеющими неизбирательное действие, и IV протокола к ней от 10 октября 1980 г. // Международное право. Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. С. 247–307.

29. Конвенция о запрещении применения, накопления запасов, производства и передачи противопехотных мин и об их уничтожении от 18 сентября 1997 г. // Международное право. Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. С. 317–335.

30. Декларация о неупотреблении легкоразворачивающихся и сплющивающихся пуль 1899 г. // Международное право. Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. С. 255–256.

31. Протокол о запрещении применения на войне удушливых, ядовитых или других подобных газов и бактериологических средств 1925 г. //

Международное право. Ведение военных действий. Сб. Гаагских конвенций и иных международных документов. С. 264–265.

32. Конвенция о запрещении разработки, производства и накопления запасов бактериологического (биологического) и токсинного оружия и об их уничтожении от 10 апреля 1972 г. // Сб. действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных СССР с иностранными государствами. М., 1977. Вып. 31. С. 58–61.

33. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 95 (1) от 11 декабря 1946 г. «Подтверждение принципов международного права, признанных Статутом Нюрнбергского Трибунала» // Резолюции, принятые Генеральной Ассамблеей ООН на первой части I сессии. Лондон, 1946. С. 302.

34. Венская конвенция о праве международных договоров от 23 мая 1969 г. // Ведомости Верховного Совета Союза Советских Социалистических Республик. 1986. № 37.

35. Резолюция RC/Res. 6 Преступление агрессии. Приложение I: Поправки к Римскому статуту Международного уголовного суда по преступлению агрессии // International Criminal Court/Assembly of State Parties/ Review Conference. URL: http://www2.icc-cpi.int/iccdocs/asp_docs/Resolutions/RC-Res.6-Rus.pdf.

36. Основные принципы независимости судебных органов принятые на Седьмом Конгрессе ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями, Милан, 26 августа – 6 сентября 1985 г. и одобренные Резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 40/146 от 13 декабря 1985 г. // Справочная правовая система ГАРАНТ, версия от 16.09.2013 г.

37. Декларация тысячелетия Организации Объединенных Наций // Международное право – International law. 2000. № 3. С. 428.

38. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1954 г. // Yearbook of International Law Commission, 1954. Vol. II.

39. Консультативное заключение Международного суда от 28 мая 1951 г. «Оговорки к Конвенции о предупреждении геноцида и наказании за него» // *International Court of Justice Reports*. Vol. 15. 1951.

40. Проект Кодекса преступлений против мира и безопасности человечества 1996 г. // Док. ООН A/51/10.

41. Соглашение между Правительством Республики Таджикистан и Правительством Соединенных Штатов Америки относительно передачи лиц Международному уголовному суду (в редакции Соглашения от 27.09.2004) // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: [http:// mmk.tj/international-legal-documents/double-sided/usa](http://mmk.tj/international-legal-documents/double-sided/usa) (дата обращения: 26.04.2014).

42. Отчет международной правозащитной организации «Эмнести интернешнл» в 2002 г.: «International Criminal Court: US Efforts to Obtain Impunity for Genocide, Crimes Against Humanity and War Crimes». August 2002. [http:// www.amnesty.org/fr/library/asset/IOR40/025/2002/fr/3187379a-d7f4-11dd-9df8-936c90684588/ior400252002en.pdf](http://www.amnesty.org/fr/library/asset/IOR40/025/2002/fr/3187379a-d7f4-11dd-9df8-936c90684588/ior400252002en.pdf).

43. Элементы преступлений // Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 417-452.

44. Правила процедуры и доказывания Международного уголовного суда // Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 344-416.

45. Соглашение о привилегиях и иммунитетах Международного уголовного суда // Волеводз А.Г., Волеводз В.А. Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М., 2009. С. 469-484..

46. Report on Constitutional issues Raised by the Ratification of the Rome Statute of the International Criminal Court. Venice Commission, CE Doc. CDL-INF (2001).

2. Внутригосударственные нормативно-правовые акты

47. Конституция Республики Таджикистан от 6 ноября 1994 г. Душанбе, 2003.

48. Декларация «О государственной независимости Республики Таджикистан» от 24 августа 1990 г. // Ведомости Верховного Совета Таджикской ССР. 1990. № 16. С. 236.

49. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 3. С. 99.

50. Закон Республики Таджикистан «О международных договорах» // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://www.mmk.tj/legislation/base/1999/>

51. Гражданский кодекс Республики Таджикистан. Ч. 1 // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/>

52. Уголовный кодекс Республики Таджикистан от 21 мая 1998 г. № 574. Официальный текст. Душанбе, 2012. 403 с.

53. Гражданский процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 1 апреля 2008 г. № 341 // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/>

54. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Таджикистан от 1 апреля 2010 г. № 564 // Официальный сайт Национального центра законодательства при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/ru/legislation/legislation-base/codecs/>

55. Закон Республики Таджикистан «О нормативных правовых актах» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. 2009. № 3. С. 99.

56. Указ Президента Республики Таджикистан от 19 февраля 2011 г. № 1021 «О концепции прогнозного развития законодательства Республики Таджикистан» // Официальный сайт Национального центра законодательства

при Президенте Республики Таджикистан. URL: <http://mmk.tj/ru/Government-programs/concept/development>

57. Закон Республики Таджикистан от 16 апреля 2012 г. «О внесении изменений и дополнений в УК РТ» // Ахбори Маджлиси Оли Республики Таджикистан. Душанбе. 2012. № 4 (1437). С. 176-177.

3. Монографии, учебники, сборники

58. *Адельханян Р.А.* Военные преступления в современном праве. М.: Институт государства и права РАН, 2003. 329 с.

59. *Беляев Н.А., Шаргородский М.Д.* Курс советского уголовного права. Л.: Изд-во ЛГУ, 1968. Т. 1. 646 с.

60. *Белый И.Ю.* Международное преследование за военные преступления. М., 2004. 256 с.

61. *Бирюков П.Н.* Международное право. Учеб. пособие. М.: Юрист, 1999. 416 с.

62. *Блищенко И.П.* Международное и внутригосударственное право. М., 1960. 239 с.

63. *Блищенко И.П., Дориа Ж.* Прецеденты в международном публичном и частном праве. М., 1999. 471 с.

64. *Блищенко И.П., Фисенко И.В.* Международный уголовный суд. М., Юнити, 1998. 239 с.

65. *Блищенко И.П., Жданов И.В.* Сотрудничество государств в борьбе с преступлениями международного характера. Учеб. пособие. М.: Ун-т дружбы народов, 1984. 88 с.

66. *Блум М.И.* Действие уголовного закона в пространстве и международно-правовая борьба с преступлениями. Учеб. пособие. Рига: Изд-во Латв. гос. ун-та им. П. Стучки, 1974. 264 с.

67. *Валеев Р.М.* Выдача преступников в современном международном праве. Некоторые вопросы теории и практики. Казань, 1976. 126 с.

68. *Вартанян В.М.* Уголовная ответственность за геноцид. Автореф. дис.... канд. юрид. наук. М., 2000. 28 с.
69. *Волеводз А.Г., Волеводз В.А.* Современная система международной уголовной юстиции. Хрестоматия. М.: Изд-во «Юрлитинформ», 2009. 536 с.
70. *Гавердовский А.С.* Имплементация норм международного права. Киев, 1980. 320 с.
71. *Галенская Л.Н.* Международная борьба с преступностью. М., 1972. 176 с.
72. *Зимненко Б.Л.* Международное право и правовая система Российской Федерации. М., 2006. 454 с.
73. *Идиев Ф.Ф.* Международно-правовые основы участия международных организаций в урегулировании конфликта в Таджикистане. Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011. 29 с.
74. *Камолов И.И.* Источники права Республики Таджикистан. Дис. ... канд. юрид. наук. Душанбе, 2009. С. 142.
75. *Карпец И.И.* Преступления международного характера. М., 1979. 262 с.
76. *Котляров И.И.* Международное гуманитарное право. М.: Юрлитинформ, 2009. 304 с.
77. *Костенко Н.И.* Международный уголовный суд. М.: «Издательство Приор», 2002. 270 с.
78. *Лукашук И.И.* Международное право. Особенная часть. М., 1998. 410 с.
79. *Маликов К.К.* Субэтнический конфликт в Таджикистане. Дис. .... канд. политол. наук. 2001. 164 с.
80. *Мартенс Ф.Ф.* Современное международное право цивилизованных народов. В 2 т. СПб., 1900. Т. 2. 618 с.
81. *Марусин И.С.* Международные уголовные судебные учреждения: судоустройство и судопроизводство. СПб., 2004. 224 с.
82. *Марченко М.Н.* Теория государства и права. М., 2009. 836 с.

83. *Миронов Н.В.* Международное право: нормы и их юридическая сила. М., 1980. 159 с.
84. *Мюллерсон Р.А.* Соотношение международного и национального права. М., 1982. 136 с.
85. *Панов В.П.* Международное уголовное право. М., 1997. 320 с.
86. *Пионтковский А.А.* Вопросы материального уголовного права на Нюрнбергском процессе. М., 1948. 28 с.
87. *Полянский Н.Н.* Международное правосудие и преступники войны. М., 1945. 119 с.
88. *Полторак А. И.* Нюрнбергский процесс. М.: Наука, 1966. 351 с.
89. *Раджабов С.А.* Становление и развитие Международного уголовного суда. Душанбе, 2005. 157 с.
90. *Сафаров Н.А.* Обзор законодательства стран Содружества Независимых Государств на соответствие Статуту Международного уголовного суда. Баку, 2002. 29с.
91. *Сафаров Н.А.* Экстрадиция в международном уголовном праве: проблемы теории и практики. М., 2005. 416 с.
92. Международное уголовное право / Под ред. В.Н. Кудрявцева. М., 1999. 264 с.
93. Международное право. Учебник / Отв. ред. В.И. Кузнецов, Б.Р. Тузмухамедов. 3-е изд. М.: Норма, 2010. 720 с.
94. *Талалаев А.Н.* Юридическая природа международного договора. М., 1963. 263с.
95. *Талалаев А.Н.* Право международных договоров. Т. 2: Действие и применение договоров. Договоры с участием международных организаций / Отв. ред. Л.Н. Шестаков. М., 2011. 504 с.
96. *Трайнин А.Н.* Защита мира и борьба с преступлениями против человечества. М., 1956. 299 с.
97. Словарь международного права // Бацанов С.Б., Ефимов Г.К., Кузнецов В.И. М., 1986. 432 с.

4. Статьи

98. *Асатур А.А.* Развитие международного уголовного права и деятельность международных уголовных судов // Московский журнал международного права. 2000. № 2. С. 285-293.

99. *Бастрыкин А.И.* Институт выдачи: взаимодействие национальных и международных норм // Советский ежегодник международного права. 1989–90–91. С. 115 – 124.

100. *Барциц И.Н.* Международное право и правовая система России // Журнал российского права. 2001. № 2. С. 61-70.

101. *Бахин С.В.* Международная составляющая правовой системы России // Правоведение. 2007. № 6. С. 126-137.

102. *Бибик О.Н.* Источники права, подлежащие применению Международным уголовным судом // Российский ежегодник международного права. 2003. С. 60-63.

103. *Бюншон Ф.* Долгий путь к международному уголовному правосудию: дорога к Нюрнбергу и дальше // Российский ежегодник международного права. СПб., 2011. С. 57-66.

104. *Ведерникова О.Н.* К вопросу о ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство. 2010. № 4. С. 13-19.

105. *Ведерникова О.Н.* Проблемы ратификации Римского статута Международного уголовного суда // Уголовное судопроизводство: теория и практика. М.: ЮРАЙТ, 2011. С. 1026-1038.

106. *Ведерникова О.* Россия и Римский Статут Международного уголовного суда: перспективы ратификации // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Европейская Комиссия, 2008. С. 115-135.

107. *Гаврилов В.В.* Теории трансформации и имплементации норм международного права в отечественной правовой доктрине // Московский журнал международного права. № 2 (42). 2001. С. 39-61.

108. *Галенская Л.Н., Козлов В.А.* Об эффективности международно-правового регулирования борьбы с преступностью // Правоведение. 1974. № 3. С. 100-107.

109. *Геворкян К.Г.* Учреждение Международного уголовного суда (МУС) // Международное право – International law. 1998. № 3. С. 204-207.

110. *Глотова С.В.* Конституционно-правовые вопросы, связанные с обеспечением иммунитета высших должностных лиц в практике имплементации Римского статута Международного уголовного суда // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 4. С. 28-30.

111. *Глотова С.В.* Сотрудничество государств с Международным уголовным судом // Правоведение. 2009. № 1. С. 48-66.

112. *Зимненко Б.Л.* Согласование норм внутригосударственного и международного права в правовой системе России // Московский журнал международного права. 2000. № 4. С.94-103.

113. *Зимненко Б.Л.* Соотношение международно-правовых и внутригосударственных норм в правовой системе России // Российский ежегодник международного права, 2001. -СПб. : Россия-Нева, 2001. -С. 123 – 136.

114. *Зимненко Б.Л.* Международное право в судебной практике России: уголовное судопроизводство // Российская юстиция. 2003. № 10. С. 10-13.

115. *Давид Э.* Будущее Международного уголовного суда // Российский ежегодник международного права. 2000. С. 53 - 64.

116. *Иваненко В.С.* Международные договоры и Конституция в правовой системе России: «война верховенств» или мирное взаимодействие? // Правоведение. 2010. № 3. С. 135-161.

117. *Игнатенко Г. В.* Запрет повторного привлечения к ответственности (ne bis in idem) как общий принцип права // Российский юридический журнал. 2005. № 1 (45). С. 75-87.

118. *Каюмова А.Р.* Принцип комплементарности в системе принципов уголовной юрисдикции // Государство и право. 2008. № 1. С. 82-90.

119. *Каюмова А.Р.* Принципы международного уголовного права в Римском статуте Международного уголовного суда // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 142. Казань, 2002. С. 191-193.

120. *Кибальник А.Г.* Римский статут Международного уголовного суда и национальные интересы России // Международный уголовный суд: проблемы, дискуссии, поиск решений / Под ред. Г.И. Богуша, Е.Н. Трикоз. М.: Европейская Комиссия, 2008. С. 136-143.

121. *Костенко Н.И.* Международный уголовный суд (Юрисдикционные аспекты) // Государство и право. 2000. № 3. С. 92-103.

122. *Кузьменков С.Ю.* Разработка определения преступления агрессии в рамках Ассамблеи государств – участников Статута // Международное право. М., 2007. № 1. С. 114-138.

123. *Ламберт-Аведелгавад Э., Маклаков В.В.* Международный уголовный суд и адаптация конституций [Текст]: сравнительное исследование: Реферат // Конституционное право. М., 2005. С. 29-35.

124. *Лобанов С.А.* Проблемы участия России в Римском Статуте Международного уголовного суда // Международное право – International law. 2000. № 3. С. 106-118.

125. *Лукашук И.И.* Конституции государств и международное право // Журнал российского права. М., 1998. №1. С. 45-56.

126. *Марусин И.С.* Основания и порядок привлечения к ответственности за преступления против правосудия в международных судебных учреждениях // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 114-127.

127. *Марусин И.С.* Международный уголовный суд и США: влияние позиции отдельного государства на функционирование международного органа // Международные отношения и право: взгляд в XXI век. СПб., 2009. С. 394-405.

128. *Марченко М.Н.* Международный уголовный суд и юридические особенности его решений // Вестник Московского университета. 2006. № 4. С. 62-73.

129. *Мусабекова Ч.А.* Статут Международного уголовного суда и Конституция Кыргызской республики: соотношение, возможные коллизии, пути решения // Вестник КРСУ. 2009. Т. 9. № 4. С. 46-51.

130. *Пузырева Ю.В.* Проблемные аспекты имплементации Статута Международного уголовного суда и пути их решения (опыт государств – членов Европейского союза) // Российское правосудие. 2012. № 4. С. 16-25.

131. *Раджабов С.А.* Уголовная ответственность за нарушение гуманитарных норм (на примере Кыргызской Республики и Республики Таджикистан) // Вестник КРСУ. 2010. Т. 10. № 4. С. 75-79.

132. *Раджабов С.А.* Анализ правовых аспектов конфликта в Таджикистане и его разрешение // Московский журнал международного права. 2004. № 3. С. 225-234.

133. *Ратнер С.Р.* Военных преступлений категории // Военные преступления / Под ред. Р. Гутмэна и Д. Риффа. Нью-Йорк; Лондон, 2002. С. 96-99.

134. *Савельев В.А.* Имплементация Римского Статута Международного уголовного суда: общие вопросы, взгляд на международный опыт // Юриспруденция. 2010. № 8. // http://pravorggu.ru/2006_8/saveleva_v_25.shtml

135. *Самович Ю.В.* Генезис международно-правовой регламентации понятия «преступления против человечности» // Вестник Томского государственного университета. 2012. № 357. С. 132-135.

136. *Скуратова А. Ю.* К вопросу об иммунитете от уголовной юрисдикции должностных лиц в случае совершения международных преступлений // Московский журнал международного права. 2009. № 3 (75). С. 104-120.

137. *Солиев К.Х.* Совершенствование уголовного и уголовно-процессуального законодательства Таджикистана и вопросы его соответствия

положениям Римского Статута Международного Уголовного Суда // Теоретико-методологические и прикладные аспекты борьбы с преступностью: история и современность. Материалы международной научно-практической конференции (17–18 марта 2005 г.). В 4 ч. Уфа: УЮИ МВД РФ, 2005. Ч. 1. С. 90-97.

138. *Тиунов О.И.* Конституция Российской Федерации и международное право // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 34-49.

139. *Торманн О.* Вопросы, поднимавшиеся в связи с ратификацией и имплементацией Статута МУС в Швейцарии // Российский ежегодник международного права. 2003. Специальный выпуск. С. 104-115.

140. *Трикоз Е.Н.* Нормативный состав «внутреннего права» Международного уголовного суда // Евразийский юридический журнал. 2013. № 1 (56). С. 29-33.

141. *Усенко Е.Т.* Соотношение и взаимодействие международного и национального права и Российская Конституция // Московский журнал международного права. 1995. № 2. С. 13-28.

142. *Ушацка А.* Режим дополнительности Международного уголовного суда // Международное право – International law. 2007. № 1 (29). С. 4-71.

143. *Фифе Р.Э.* Международный уголовный суд // Московский журнал международного права. 2001. № 1. С. 60–87.

144. *Черниченко О.С.* Общая характеристика юрисдикции государств // Российский ежегодник международного права. 2002. С. 156–181.

145. *Шабас У.* Международный уголовный суд: исторический шаг в деле борьбы с безнаказанностью // Московский журнал международного права. 1999. № 4. С. 14-33.

5. Литература на иностранных языках

146. *Aksar Y.* Implementing International Humanitarian Law. From The Ad Hoc Tribunals to a Permanent International Criminal Court. New-York. 2005. 314 p.

147. *Ambos. K.* The International Criminal Court and the Traditional Principles of International Cooperation in Criminal Matters //The Finnish Yearbook of International Law. 1998. Vol. 9. P. 413-426.

148. *Bartram B.* Primacy or Complementarity: Reconciling the Jurisdictions of National Courts and International Tribunals // The Yale Journal of International Law. 1998. Vol. 23. N 2. P. 384 – 436.

149. *Bassiouni M. Ch.* Crimes against Humanity in International Criminal Law. The Netherlands, 1999. 610 p.

150. *Benzing M.* The Complementarity Regime of the International Criminal Court: International Criminal Justice between State Sovereignty and the Fight against Impunity // Max Planck Yearbook of United Nations Law. Vol. 7. 2003. P. 591-632.

151. *Bergsmo M.* Complementarity and the Exercise of Universal Jurisdictions for Core International Crimes. Oslo. 2010. 314 p.

152. *Brown S. B.* U.S. Objections to the Statute of the International Criminal Court: a brief response// International Law and Politics. 1999. P. 855 – 891.

153. *Cassese A.* International Criminal Law. Oxford, Oxford University Press, 2 edition. 2008. 550 p.

154. *Cassese A.* On the current trends towards criminal prosecution and punishment of breaches of International humanitarian law // European journal of International law. 1998. N 9. P. 2-17.

155. An Introduction to International Criminal Law and Procedure / Ed. by R. Cryer, D. Robinson, H. Friman, E. Wilmschurst. Cambridge University Press, 2007. 618 p.

156. *Duffy H.* National constitutional compatibility and the International Criminal Court// Duke Journal of Comparative & International Law. 2001.Vol. 11:5. P. 5-38.

157. Oosterveld V., Perry M., McManus J. The Cooperation of States With the International Criminal Court// Fordham International Law Journal. 2001. Vol. 25. Issue 3. P. 767 – 839.

158. *Fleck D.* Are Foreign Military Personnel Exempt From International Criminal Jurisdiction under Status of Forces Agreements? // Journal of International Criminal Justice. 2003. Vol. 1. P.651 -670.

159. *Hafner G., Boon K., Rubesame A., Huston J.* A Response to the American View as Presented by Ruth Wedgwood // The European Journal of International law. 1999. N 1. P. 108-123.

160. *Jane N.* A Separate Law for Peacekeepers: The Clash between the Security Council and the International Criminal Court // The European Journal of International law. 2005. N 2. P. 239-255.

161. *Lattimer M., Sands Ph.* Introduction // Justice for Crimes Against Humanity / Ed. by Lattimer M., Sands Ph. The Portland. Oregon, 2003. 497 p.

162. *Morris. M.* The Jurisdiction of the International Criminal Court over nationals of non-party states (Conference Remarks) // ILSA Journal of International & Comparative Law. 1999. Vol. 6. P. 363-369.

163. *Nilsson C.* Contextualizing the Agreement on the Privileges and Immunities of the International Criminal Court // Leiden Journal of International Law. 2004. N 3. P. 559-578.

164. *Oosterveld V.* Gender, Persecution, and the International Criminal Court: Refugee Law's Relevance to the Crimes against humanity of Gender – based Persecution // Duke Journal of Comparative & International Law. Vol. 17:49. 2006. P. 49-89.

165. *Schabas W.* The International Criminal Court: A Commentary on The Rome Statute. Oxford University Press. 2010. 579 p.

166. *Genocide in International Law: The Crime of Crimes.* Cambridge University Press, 2003. 641 p.

167. *Scheffer D.* The United States and the International Criminal Court // American Journal of International Law. 1999. N 1. P.12-22.

168. *Sting J.* The Relationship between the International Criminal Court and National Jurisdictions: The principle of complementarity. Leiden; Boston, 2008. 536 p.

169. *Tallgren I.* The Sensibility and Sense of International Criminal Law// European journal of International law. 2002. № 3. P. 561-595.

170. *Van der Wilt H.* Bilateral agreements between the United States and states-parties to the Rome Statute: Are they compatible with the object and the purpose of the Statute? // Leiden Journal of international law. 2005. N 1. P. 93-111.

171. *Zappala S.* The Reaction of the US to the Entry into Force of the ICC Statute: Comments on UN SC Resolution 1422 (2002) and Article 98 Agreements // Journal of International Criminal Justice. Oxford University Press. 2003. N 1. P.114 - 134.

172. The Prosecutor v. G. Katanga, Case № ICC-01/04-01/07, 10 March 2008. URL: [http:// www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc571253.pdf](http://www.icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc571253.pdf). (дата обращения: 09.04.2014).

173. The Prosecutor v. Bemba, Case № ICC-01/05-01/08, 15 June 2009. URL: [http:// icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc699541](http://icc-cpi.int/iccdocs/doc/doc699541). PDF (дата обращения: 20.09.2013).

174. ICC-01/04-01/06-772 14-12-2006 «Решение по апелляции г-на Томаса Лубанги Дыло против решения по протесту защиты относительно юрисдикции Суда в соответствии со ст. 19 (а) Статута от 3 октября 2006 г., п. 23 (Judgement on the Appeal of Mr. Thomas Lubanga Dyilo against the Decision on the Defence Challenge to the Jurisdiction of the Court pursuant to article 19 (2) (a) of the Statute of 3 october 2006 para. 23).

175. Judgment, The Prosecutor v. Dusko Tadic, Case No. IT-94-1-A, ICTY Appeals Chamber, 15 July 1999.